

[Polaris]

Р. ОСТУН
ФРУМЕН

ОКО
ОЗИРИСА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXX

Salamandra P.V.V.

**Р. Остин
ФРИМЕН**

ОКО ОЗИРИСА

Salamandra P.V.V.

Фримен Р. О.

Око Озириса. Пер. Т. Левицкой, Е. Строгановой. Послел. А. Шермана. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 215 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХХ).

Прошло два года со дня загадочного исчезновения богатого коллекционера египетских древностей, пожертвовавшего в Британский музей ценную мумию — и в разных местностях Англии начинают находить части расчлененного тела.

Расследование, которое приведет к самым неожиданным результатам, берет на себя барристер и судебно-медицинский эксперт доктор Джон Торндайк, главный герой произведений мастера эдвардианского детектива Р. Остина Фримена.

ОКО ОЗИРИСА

ИСЧЕЗНУВШИЙ ЧЕЛОВЕК

Своим преподавателем судебной медицины школа при госпитале св. Маргариты могла гордиться. Джон Торндайк был не только энтузиастом, не только ученым с глубокими познаниями и громкой репутацией; он был и совершенно исключительным педагогом, поражавшим нас своим одушевленным, блестящим стилем и необъятной эрудицией. Он как на ладони раскладывал перед нами каждый любопытный казус, о котором ему приходилось говорить, и умело извлекал выводы из любого факта, могущего иметь судебно-медицинское значение, к какой бы области этот факт ни принадлежал, — к области ли химии, физики, биологии или даже истории. Один из излюбленных его приемов для придания жизненности и интереса какому-нибудь суховатому вопросу состоял в том, чтобы анализировать и комментировать современные казусы, о которых сообщалось в газетах. И благодаря именно этому я должен был войти в соприкосновение с целым рядом удивительных событий, которым суждено было оказать глубокое влияние на мою жизнь.

Лекция, которая только что закончилась, была посвящена очень сложной проблеме, — «вопросу нахождения человека в живых в определенное время». Большая часть студентов уже покинула аудиторию, а оставшиеся окружили столик преподавателя, чтобы прислушаться к его дополнительным комментариям. Эти дополнительные комментарии д-р Торндайк любил делать в легкой разговорной форме, прислонившись к столу и обращая свои замечания к куску мела, который он держал в руке.

— Проблема нахождения в живых, — говорил он в ответ на вопрос одного из студентов, — обычно возникает в тех случаях, когда налицо имеются заинтересованные стороны, и когда самый факт смерти и ее приблизительное время не могут считаться установленными. Аналогичные же затруднения возникают и в тех случаях, когда одна из заин-

тересованных сторон не является, а факт смерти может быть установлен лишь на основании косвенных данных.

Основной вопрос здесь — это вопрос о последнем моменте, когда человек заведомо был жив. И тогда придется, может быть, обратить внимание на обстоятельства, как будто самые тривиальные, как будто даже совершенно незначительные. Вот казус, переданный в сегодняшней утренней газете; он иллюстрирует мою мысль. Некий джентльмен исчез при довольно таинственных обстоятельствах. В последний раз его видела прислуга его родственника, к которому он зашел. И теперь, если означенный джентльмен нигде не обнаружится, живой или мертвый, то вопрос о последнем моменте, когда он был заведомо жив, сведется к новому вопросу: «Была или не была при нем, когда он приходил в дом своего родственника, одна ювелирная вещичка, случайно найденная потом?»

Торндайк остановился, задумчиво склонившись над куском мела, который он все время держал. Затем, заметив живой интерес, с каким мы смотрели на него, ожидая дальнейших разъяснений, он продолжал:

— Обстоятельства этого дела крайне любопытны и в высокой степени загадочны. И если поднимется процесс, ему придется иметь дело с большим запутанным клубком. Исчезнувший джентльмен — м-р Джон Беллингэм, лицо, хорошо известное в археологических кругах. Недавно он вернулся из Египта, привезя с собой очень ценную коллекцию древностей — некоторые из них он, кстати сказать, пожертвовал в Британский музей, и теперь они уже выставлены. Сделав свое пожертвование, он, кажется, отправился в Париж по каким-то делам. Я должен упомянуть, что дар его состоял из прекрасной мумии и полного комплекта могильной обстановки. Эти последние вещи еще не доставлены были из Египта в то время, когда исчезнувший теперь человек отправился в Париж, но мумия была уже осмотрена 14 октября в доме м-ра Беллингэма в присутствии уполномоченного музея д-ра Норбери, жертвователя и его поверенного. Поверенному поручено было доставить саркофаг и

прочие части коллекции в Британский музей, что и было им впоследствии исполнено.

Из Парижа Джон Беллингэм вернулся, по-видимому, 23 ноября и с вокзала прямо направился в дом одного из своих родственников, некоего м-ра Хёрста, холостяка, проживающего в Эльтаме. Как кажется, в эту квартиру он явился в 5 час. 20 мин. М-р Хёрст к этому времени еще не вернулся из города, и ожидали его не раньше, чем через полчаса. Беллингэм объяснил, кто он такой и сказал, что будет ждать хозяина в его кабинете и там напишет несколько писем. Прислуга провела его в кабинет, снабдила его письменными принадлежностями и оставила его одного.

Без четверти шесть м-р Хёрст явился, отпер дверь своим ключом и, прежде чем прислуга успела ему что-нибудь сказать, прошел в кабинет и затворил за собой дверь.

В 6 часов, когда был дан обеденный звонок, м-р Хёрст вошел в столовую и, увидев, что там приготовлено два прибора, спросил, почему это.

— Я думала, сэр, что м-р Беллингэм останется обедать, — сказала горничная.

— М-р Беллингэм? — воскликнул удивленный хозяин. — Я не знал, что он был здесь. Почему мне об этом не сказали?

— Я думала, сэр, что он был вместе с вами в кабинете! — отвечала горничная.

После этого принялись искать посетителя, но нигде его не нашли. Он исчез бесследно, и — что было особенно странно — горничная уверяла, что он не мог выйти через парадную дверь. Или она, или кухарка все время были в кухне, откуда эта дверь видна, а в другое время она находилась в столовой, которая открывалась в коридор, как раз напротив двери в кабинет. В самом кабинете имеется французское окно, выходящее на небольшую лужайку, где есть калитка, ведущая в переулок. Следовательно, м-р Беллингэм мог уйти только таким, довольно эксцентричным способом. Во всяком случае — и это факт большой важности — в доме его не было, и никто не видел, как он его покинул.

Наскоро пообедав, м-р Хёрст поехал в город и направился в контору поверенного и агента м-ра Беллингэма — м-ра Джеллико и рассказал ему об этих странных обстоятельствах. М-р Джеллико ничего не знал о возвращении своего клиента из Парижа, и, поговорив немного, оба они по железной дороге отправились в Удфорд, где живет брат исчезнувшего, м-р Годфри Беллингэм. Служанка, впустившая их, сказала, что м-ра Годфри нет дома, а его дочь находится в библиотеке — особом здании, расположенном в саду, среди кустов, позади дома. Там оба посетителя нашли не только мисс Беллингэм, но и ее отца, который прошел туда через заднюю калитку.

М-р Годфри и его дочь с величайшим изумлением выслушали историю, рассказанную м-ром Хёрстом, и уверяли его, что никто из них не видел м-ра Беллингэма и ничего о нем не слыхал.

Затем все четверо вышли из библиотеки и направились в квартиру, но в нескольких шагах от библиотеки м-р Джеллико заметил какую-то вещь, лежащую на траве, и указал на нее м-ру Годфри. Последний поднял ее, а затем все присутствующие признали в ней скарабея, который м-р Джон Беллингэм обыкновенно носил на своей часовой цепочке. Недоразумения быть не могло. Это был прекрасно сделанный скарабей эпохи 18-й династии, из ляпис-лазури, с изображением Аменхотепа III. Он привешивался с помощью золотого колечка, которое прикреплялось к проволоке, проходившей через отверстия в скарабее, и это колечко, хотя и сломанное, также лежало здесь. Конечно, эта находка только еще больше сгустила мрак таинственности и загадочность этого случая, которые увеличились, когда после расследования в багажной комнате вокзала Чэринг-Кросс был найден чемодан с инициалами Джона Беллингэма. Справка в книге показала, что чемодан был сдан около времени прибытия континентального экспресса 23 ноября, и его владелец, по-видимому, немедленно же отправился в Эльтам.

Вот как обстоит дело в настоящее время, и если исчезнувший человек не явится, если его тело не будет найдено,

то, как вы видите, прежде всего возникает вопрос: как определить точно время и место, когда он появлялся в последний раз в своей жизни? Что касается места, где его видели, то все значение выводов, связанных с решением этого вопроса, ясно само собой, и нам нет надобности на нем останавливаться. Но и вопрос о времени также очень значителен. Как я указывал в своей, лекции, бывали случаи, что от доказательства нахождения в живых в определенное время зависело вступление в права наследства.

Исчезнувшего человека в последний раз видели живым в доме м-ра Хёрста 25 ноября в 5 час. 20 мин. Но, оказывается, он посетил и дом своего брата в Удфорде. Так как там его никто не видел, то в настоящий момент остается неизвестным, был он там до или после своего визита к м-ру Хёрсту. Если он был раньше у своего брата, тогда 5 час. 20 мин. 23 ноября — последний момент, когда он, как это доподлинно известно, был жив. Но если он был там позднее, то к показанному времени надо прибавить еще возможно кратчайший срок, в который он мог совершить свое путешествие из одного дома в другой. Но вопрос, в чьем доме он был раньше, связан с вопросом о скарабее. Если скарабей был при нем, когда он приходил к м-ру Хёрсту, тогда ясно, что здесь он был раньше; если же скарабея при нем не было, тогда вероятнее, что он раньше был в Удфорде. Таким образом, как вы видите, решение вопроса, который может стать важнейшим моментом, определяющим допущение к правам наследства, сводится к тому, заметила или не заметила горничная наличность этого, на первый взгляд, слишком незначительного факта?

— Служанка давала показания по этому вопросу, сэр? — спросил я.

— По-видимому, нет, — отвечал д-р Торндайк, — во всяком случае, в газетном отчете об этом не упоминается, а между тем отчет составлен очень подробно; обилие деталей замечательное, между прочим, даны и планы обоих домов, и уже поэтому отчет представляет особый интерес.

— В каком отношении, сэр, это представляет интерес? — спросил один из студентов.

— Ну, знаете ли, я думаю, надо предоставить обсуждение этого вопроса вам самим. Это — казус, еще не разобранный, и со своими догадками о действиях и мотивах отдельных лиц надо обращаться осторожнее.

— В газете есть описание наружности исчезнувшего человека? — спросил я.

— Да, и описание вполне исчерпывающее. Оно настолько подробно, что даже может быть названо не вполне корректным, — ведь этот человек может оказаться живым и в какой-нибудь момент снова выступить на сцену. Между прочим, сообщается, что на груди у него татуировка — прекрасное, отчетливо сделанное изображение символического Ока Озириса (или Горуса, или Ра, — как думают некоторые авторитеты). Одним словом, если бы нашлось тело, то признать его было бы нетрудно. Будем, однако, надеяться, что дело до этого не дойдет. А теперь мне надо отправляться, точно так же, как и вам. Но я советовал бы вам достать себе экземпляры этой газеты, внимательно ознакомиться со всеми замечательными подробностями данного дела и сохранять газету у себя. Это — крайне любопытный случай и почти несомненно, что мы еще услышим о нем. До свидания, господа!

Мы выполнили совет д-ра Торндайка; сейчас же всей гурьбой бросились к ближайшему газетчику: запаслись экземплярами «Дэйли телеграф», задержались еще в общей комнате, чтобы проглядеть отчет и побеседовать о подробностях дела, не смущаясь теми соображениями деликатности, которые так действовали на нашего более осторожного и более щепетильного учителя.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Правила хорошего тона требуют, чтобы воспитанные люди при первом знакомстве называли свое имя. Поэтому я прошу разрешения представить вам себя, как Поля Барклея, бакалавра медицины и пр., и пр., недавно, совсем недавно получившего эту степень и теперь занимающегося медицинской практикой.

Замещая беднягу Дика Барнарда, старого воспитанника школы св. Маргариты, в настоящее время поправляющего свое расстроенное здоровье морским путешествием, мне нужно было отправиться в Невиль-Коурт, чтобы навестить одного пациента, проживающего в доме № 49. Я не знал, где находилось это местечко, и не ожидал увидеть перед собой ряд привлекательных маленьких домиков, стоящих в красивой зеленой аллее, залитой светом. Я так был погружен в это неожиданное зрелище, что пришел в себя только тогда, когда моя рука схватилась за звонок. И уже после этого я увидел внизу небольшую дощечку, на которой значилось: «Мисс Оман».

Дверь довольно резко открылась, и небольшого роста, средних лет женщина пристально меня оглядела.

— Может быть, я позвонил не туда? — спросил я (должен сознаться, что это вышло довольно глупо).

— Как я могу вам на это ответить? — сказала она. — Думаю, что не туда. Мужчины всегда так делают. Позвонят, а потом выражают свои сожаления...

— Я слишком далек от того, чтобы выражать сожаление. Уже одно то, что я имел честь познакомиться с вами...

— Вам кого угодно? — спросила она.

— М-ра Беллингэма.

— Вы — доктор?

— Да, я — доктор.

— Идите за мной наверх. Только осторожнее. Не ступайте на окраску.

Я прошел через просторную прихожую и, следуя за моей провожатой, поднялся по прекрасной дубовой лестнице, осторожно ступая по половику, лежавшему по ее середине. Поднявшись на следующий этаж, мисс Оман отворила дверь и, указывая на комнату, сказала:

— Войдите сюда и подождите. Я передам ей, что вы здесь.

— Я ведь сказал, что мне надо м-ра Беллингэма... — начал было я, но дверь захлопнулась за мной, а мисс Оман быстро зашагала по лестнице вниз.

Я очутился в несколько неловком положении. Комната, на которую мне было указано, соприкасалась с другой, и хотя дверь была закрыта, но мне, к моему великому неудовольствию, пришлось услышать разговор, происходивший по соседству. Сначала, правда, доносились глухие звуки, потом слышались отдельные фразы и, наконец, чей-то сердитый голос ясно, резко и выразительно произнес:

— Ну да, я говорил. И повторяю опять. Заговор! Мошенничество! Вот куда дело идет! Вы хотите обобрать меня!

— Что за выдумки, Годфри! — слышался ответ, однако не в столь повышенном тоне. Но тут я громко закашлял и двинул стулом. Разговор за дверью продолжался, но разобрать его было уже нельзя.

Затем снова раздался громкий и сердитый голос, говоривший:

— Но я утверждаю, что вы выступаете с обвинениями! Вы намекаете, что я прикончил его.

— Вовсе нет, — слышался ответ. — Я повторяю только, что ваше дело установить, что с ним произошло. Ответственность остается на вас.

— На мне! — раздался первый голос. — А почему не на вас? Ваше положение, если уж на то пошло, достаточно щекотливое.

— Что?! — прогремел другой. — Вы инсинуируете, будто я убил своего собственного брата?

Во время этого удивительного разговора я стоял сначала неподвижно, не зная, что мне делать, потом, наконец, сел в кресло и заткнул уши. Несколько времени пробыл я в

таком положении, когда услышал, что позади меня затворяется дверь.

Я вскочил и с некоторым смущением обернулся (я знаю, что вид у меня был довольно смешной). Передо мной стояла молодая девушка, высокого роста, очень красивая, вся в темном; рука ее лежала на дверной скобе. Она приветствовала меня холодным поклоном.

— Я должна извиниться перед вами, что заставила вас дожидаться, — сказала она. Мне казалось, что в углах ее рта мелькала улыбка, и это напоминало мне неловкое положение, в каком она меня застала.

Я пробормотал, что это не имеет значения, и начал было расспрашивать о больном, как вдруг из соседней комнаты опять послышался голос, выговаривавший с резкой отчетливостью:

— Я говорю вам, что мне нечего делать с такого рода предложением. Черт возьми, — это настоящий заговор и больше ничего!

Мисс Беллингэм — я понял, что это была она — густо покраснела и, сердито сдвинув брови, сделала несколько шагов по направлению к двери. Но оттуда как раз в этот момент выскочил небольшого роста, щеголевато одетый мужчина средних лет.

— Ваш отец, Руфь, — безумец! — воскликнул он. — Самый настоящий безумец! И впредь я отказываюсь вступать с ним в какие бы то ни было сношения.

— Настоящее свидание имело место не по его инициативе, — холодно ответила мисс Беллингэм.

— Да, не по его, — последовала гневная реплика. — Мое великодушие было им не понято. Да что говорить теперь? Я старался сделать все для вас как можно лучше; теперь — я умываю руки. Не трудитесь провожать меня. Я знаю дорогу. Прощайте!

И с натянутым поклоном, бросив беглый взгляд на меня, говоривший выскочил из комнаты, хлопнув за собой дверью.

— Я должна просить прощения за такой необыкновенный прием, — сказала мисс Беллингэм. — Но, я думаю, вра-

чей нелегко чем-нибудь удивить. А теперь я проведу вас к вашему пациенту.

Она открыла дверь, и я последовал за ней в соседнюю комнату.

— Вот другой посетитель к вам, — сказала она. — Доктор...

— Барклей, — сказал я. — Я заменяю в настоящее время моего друга, доктора Барнарда.

Больной, симпатичной наружности человек лет пятидесяти пяти, сидел на постели, обложенный грудой подушек. Он протянул мне трясущуюся руку, и во время рукопожатия я обратил внимание, как сильно она дрожала.

— Здравствуйте, сэр, — сказал м-р Беллингэм. — Надеюсь, что доктор Барнард не болен?

— Нет, — отвечал я, — он только отдыхает теперь на Средиземном море.

Мы обменялись еще несколькими словами и любезностями, после чего я приступил к делу.

— Давно ли вы больны? — спросил я.

— Сегодня — неделя, — отвечал он. — *Fons et origo mali** — кабриолет, опрокинувший меня посреди улицы против здания суда. Виноват в этом я сам, но мне от этого не легче.

— Вы очень ушиблись?

— Нет, не могу сказать; но я все-таки повредил себе при падении колено, испытал и общее сотрясение. Слишком стар я для таких передряг.

— Это со многими случается.

— Верно, но в двадцать лет перенести это легче, чем в пятьдесят пять. Впрочем, колено теперь как будто поправилось — вы сами увидите, что я им двигаю свободно. Самое скверное — это мои проклятые нервы. Я раздражителен, как черт, нервничаю, как кошка, и по ночам не могу спокойно спать.

Я отодвинул его дрожащую руку, которую он протянул мне. Он не походил на пьяницу, но все же!..

— Вы много курите? — дипломатично спросил я.

* Исток и начало зла (лат.). — Здесь и далее прим. изд.

Он взглянул на меня хитрым взглядом и усмехнулся.

— Вы крайне деликатно подходите к делу, доктор, — сказал он. — Нет, я много не курю. Я вижу, что вы и теперь смотрите на мою дрожащую руку. Но что ж, так и должно быть; я не обижаюсь; доктора на все должны обращать внимание. Впрочем, обычно моя рука и теперь достаточно тверда, если только я не взволнован. Но малейшее возбуждение заставляет ее трястись, как желе. А тот факт, что я только что имел неприятную беседу...

— Я думаю, — вмешалась мисс Беллингэм, — не только доктор Барклей, но и все соседи знают теперь об этом.

М-р Беллингэм конфузливо улыбнулся.

— Боюсь, — сказал он, — что дал волю своему темпераменту. Слишком я импульсивный старик, доктор, и когда выйду из себя, то способен все выложить, и начну говорить чересчур напрямик.

— И чересчур громко, — добавила его дочь. — Знаете ли вы, что доктор Барклей вынужден был заткнуть себе уши? — Она взглянула на меня и какая-то искорка блеснула в ее серых грустных глазах.

— Очень жалею, моя дорогая, — сказал м-р Беллингэм, — но надеюсь, что больше этого не будет. Этого милого джентльмена, я думаю, мы видели в последний раз!

— Я тоже так думаю, — ответила она и затем прибавила: — Я не буду мешать вашей беседе. Я буду в соседней комнате на случай, если понадобится.

— Этот кабриолет, — начал м-р Беллингэм, как только его дочь вышла, — был лишь последней каплей. Он довершил то, что давно уже готовилось. За последние два года я испытал бездну всяких тревог. Впрочем, я полагаю, что нет надобности надоедать вам подробностями моих личных дел.

— Все, что имеет отношение к нынешнему состоянию вашего здоровья, представляет для меня интерес, если только вы не пожелаете о чем-нибудь умолчать, — сказал я.

— Умолчать! — воскликнул он. — Неужели вы встречали какого-нибудь больного, которому не хотелось бы говорить о состоянии его здоровья? Обычно слушатели предпочитают умолчание.

— Во всяком случае, ваш настоящий слушатель не принадлежит к их числу.

— Ну, хорошо, — сказал м-р Беллингэм, — я позволю себе роскошь рассказать вам о всех моих тревогах. Около двух лет тому назад я лег в постель джентльменом с независимым положением и прекрасными видами на будущее, а утром проснулся буквально нищим. Не особенно приятная перемена — согласитесь — в моем возрасте?

— Неприятная во всяком возрасте, — вставил я.

— И это еще не все, — продолжал он. — Потому, что в тот же самый момент я потерял своего единственного, дорогого брата, с которым я был в лучших отношениях. Он пропал, исчез с лица земли; да вы, вероятно, слышали об этом случае? Проклятые газеты одно время полны были им.

Он внезапно покраснел, заметив, без сомнения, что и я изменился в лице. Теперь я, конечно, вспомнил все... Еще тогда, когда я входил в этот дом, какая-то струна слабо зазвучала в моей памяти, а последние слова моего пациента полностью воскресили воспоминание о загадочном деле.

— Да, — сказал я, — припоминаю этот случай; о нем говорил наш лектор судебной медицины.

— В самом деле? — сказал м-р Беллингэм. — Что же он говорил?

— Он отметил его, как случай, который со временем приведет ко многим юридическим осложнениям.

— Клянусь Юпитером, — воскликнул м-р Беллингэм, — он оказался пророком! Юридические осложнения? Да, их достаточно! И все-таки ручаюсь вам, что он не мог предвидеть, какой адский узел завяжется вокруг этого дела. Кстати, как его фамилия?

— Торндайк, — ответил я. — Доктор Джон Торндайк.

— Торндайк, — медленным задумчивым тоном повторил м-р Беллингэм. — Как будто я слышал его имя. Ну, конечно. Я слышал о нем от моего друга, юриста м-ра Марчмонта. М-р Марчмонт говорил о нем в связи с таинственным исчезновением некоего Джеффри Блэкмора. Припоминаю теперь, что д-р Торндайк блистательно распутал это дело.

— Решаюсь сказать, что ему было бы очень интересно услышать что-нибудь и о вашем деле, — заметил я.

— Думаю, что да, — последовал ответ, — но никто не может даром отнимать время у какого-либо профессионала, а заплатить ему я не в состоянии. Это, кстати, напоминает мне, что и у вас я отнимаю ваше время, болтая о своих, чисто личных делах.

— Мои утренние визиты окончены, — сказал я, — да и ваше дело представляет слишком большой интерес. Полагаю, впрочем, что я не должен расспрашивать вас о характере юридических затруднений?

— Да, не должны, если только вы не хотите оставаться здесь до конца дня и возвращаться домой в состоянии безумия. Но о существе дела я вам скажу вкратце: все волнения возникли в связи с завещанием моего бедного брата. Во-первых, завещание не может быть утверждено к исполнению, потому что нет полной несомненности, что мой брат умер; во-вторых, если бы оно и могло быть утверждено, то все его имущество перешло бы к людям, которых он вовсе не стремился облагодетельствовать. А само завещание — это такой дьявольски нелепый документ, какой только может создать извращенная изобретательность бестолково-упрямого человека. Вот и все. Вы осмотрите мое колено?

М-р Беллингэм все более и более волновался, говоря о своем деле, и кончил повествование чуть не кричащим голосом. Лицо его покраснело, весь он дрожал. Я решил, что лучше всего прекратить нашу беседу. Я осмотрел поврежденное колено, которое было теперь почти совсем здорово; сделал и общий осмотр пациента. Затем дал ему подробные указания, как вести себя, и стал прощаться.

— Помните же, — сказал я, пожимая ему руку, — ни табака, ни каких-либо возбуждений. Старайтесь жить спокойной, растительной жизнью.

— Все это очень хорошо, — проворчал он, — ну, а если будут сюда приходить люди и волновать меня?

— Не обращайтесь на них внимания, — сказал я. И с этим прощальным советом я вышел в другую комнату.

Мисс Беллингэм сидела за столом с целой пачкой записных книжек в синих обертках. Две из них были открыты, показывая страницы, убористо исписанные мелким, четким почерком. Она поднялась, когда я вошел, и вопросительно на меня посмотрела.

— Я рекомендовал бы вашему отцу какое-нибудь легкое чтение, как противоядие против умственного возбуждения, — сказал я ей.

Она слабо улыбнулась.

— Конечно, это было бы полезно, — заметила она и затем спросила: — А еще вы даете какие-либо наставления?

— Да, я дал еще один совет — поддерживать веселое настроение и избегать забот и волнений, но думаю, что это трудно исполнимо.

— Конечно, — не без горечи отвечала она, — совет ваш превосходен, но людям в нашем положении трудно быть веселыми. Однако не надо, по крайней мере, распускать себя, не надо создавать себе лишних забот. Их слишком много и без того. Но вы, разумеется, не можете входить в это.

— Боюсь, что действительно не могу принести пользы; но я искренне надеюсь, что дела вашего отца сами собой скоро поправятся.

Она поблагодарила за доброе пожелание, проводила меня до калитки и с легким поклоном и холодным рукопожатием простилась со мной.

ДЖОН ТОРНДАЙК

В один особенно душный день в поисках тени и тишины я забрел в переулки Старого Темпля и неожиданно столкнулся там лицом к лицу со своим старым приятелем и товарищем по университету — Джервисом, позади которого стоял, глядя на меня со спокойной улыбкой, мой бывший профессор — доктор Джон Торндайк. Оба они сердечно

меня приветствовали, и я был очень польщен этим: ведь Торндайк был знаменитостью, и Джервис был все же постарше меня.

— Я надеюсь, что вы зайдете к нам на чашку чая, — сказал Торндайк; и так как я охотно согласился, он взял меня под руку. Мы пересекли двор и направились к казначейству.

— Не подумываете ли вы покинуть изголовье больного и последовать нашему примеру — превратиться в юриста? — спросил меня Торндайк.

— Разве и Джервис стал юристом? — воскликнул я.

— Действительно, стал, черт возьми! — ответил Джервис.

— Я живу паразитом при Торндайке.

— Не верьте ему, Барклея, — вмешался Торндайк. — Он — мозг нашей фирмы. Я придаю ей только респектабельность и известный моральный вес. Но что вы делаете теперь?

— Я заменяю Барнарда. У него практика в Феттер-Лейне.

— Я знаю, — сказал Торндайк. — Мы встречаем его иногда. Он выглядел очень плохо последнее время. Он сейчас в отпуску?

— Да. Он отправился в Греческий архипелаг на судне, промышляющем торговлей коринкой.

— В таком случае, — сказал Джервис, — вы теперь здешний районный врач. Наверное, вы стали чертовски важным?

— Однако, судя по тому, что вы здесь гуляли на досуге, когда мы встретились с вами, ваша практика должна быть не слишком утомительна, — добавил Торндайк. — Она вся, должно быть, сосредоточена в этом районе?

— Да, — ответил я. — Мои пациенты по большей части живут на расстоянии полуверсты от амбулатории. Ах, да, я вспомнил об одном очень странном совпадении! Мне кажется, оно должно заинтересовать вас.

— Вся жизнь состоит из странных совпадений. Только литературные критики удивляются им. Но расскажите, в чем дело?

— Оно связано с одним случаем, о котором вы говорили в госпитале, года два тому назад. Вы говорили об исчезновении человека при весьма таинственных обстоятельствах. Этого человека звали Беллингэм. Вы помните?

— Египтолог? Да, я хорошо это помню. В чем же дело?

— Брат его — мой пациент. Он живет в Невиль-Коурт со своей дочерью, и мне кажется, что они так же бедны, как церковные крысы.

— Да? — сказал Торндайк. — Это очень интересно. Они, видимо, внезапно потеряли все свое состояние. Если я не ошибаюсь, его брат жил в собственном, довольно большом особняке?

— Да, совершенно верно. Я вижу, что вы помните все, связанное с этим делом.

— Дорогой мой, — воскликнул Джервис, — Торндайк никогда не забывает подобных вещей. Он ведь нечто вроде судебно-медицинского верблюда. Проглатывает сырьем различные факты как из газет, так и из других источников, а потом, в часы досуга, мирно пережевывает их. Удивительная привычка! Стоит какому-нибудь факту появиться в газетах или в суде — Торндайк целиком проглатывает его. Потом все как будто замирает и забывается. И вот через год, через два, это дело опять всплывает наружу, но уже в новой форме, и к величайшему нашему удивлению оказывается, что Торндайк успел уже его разобрать. Недаром за этот промежуток он не раз пережевывал свою жвачку!

— Вы видите, — сказал Торндайк, — мой ученый друг любит смелые и сложные метафоры. Однако, по существу, он прав, несмотря на свои туманные выражения. Впрочем, сначала вы выпьете чаю, а потом расскажете нам подробнее о Беллингэмах.

Продолжая беседовать, мы подошли к квартире Торндайка. Войдя в обширную, красивую, обшитую панелями комнату, мы застали там небольшого человечка, аккуратно одетого в черное, расставлявшего на столе чайные чашки. Я посмотрел на него с любопытством. Он мало походил на слугу. Что-то странное было в его внешности. Его спокойная, полная достоинства манера держать себя и серьезное,

умное лицо заставляли думать об интеллигентной профессии и только ловкие, проворные руки обличали в нем умелого слугу.

Торндайк задумчиво посмотрел на поднос с чашками и потом взглянул на своего слугу.

— Я вижу, вы поставили три чашки, Поультон, — сказал он. — Каким образом вы узнали, что я приведу к чаю гостей?

В ответ на это маленький человечек приятно улыбнулся, как-то странно сморщив свое лицо.

— Я случайно выглянул из окна лаборатории в то время, как вы повернули за угол, сэр, — сказал он.

— Как это просто! — сказал Джервис. — А мы-то надеялись, что тут скрывается что-то загадочное, чуть ли не телепатическое!

— Простота — душа совершенства, сэр, — возразил Поультон, оглядывая чайный прибор, чтобы убедиться, не забыл ли он чего-нибудь и, высказав свой удивительный афоризм, бесшумно скрылся.

— Возвратимся к делу Беллингэма, — сказал Торндайк, налив нам чаю. — Не узнали ли вы каких-нибудь фактов, касающихся заинтересованных лиц, — таких, конечно, о которых вы могли бы нам поведать?

— Я узнал две или три вещи и уверен, что сообщив их вам, я никому вреда не причиню. Я узнал, например, что Годфри Беллингэм, мой пациент, внезапно потерял все свое состояние приблизительно ко времени исчезновения его брата.

— Это действительно странно, — сказал Торндайк. — Понятнее было бы, если бы произошло обратное. Почему он мог вдруг обеднеть? Впрочем, может быть, он получал от брата регулярное пособие?

— Нет, вот это именно и поразило меня. Мне кажется, что в этом деле есть какие-то странности и юридически оно, очевидно, запутывается. Возьмите хотя бы завещание. С ним много приходится хлопотать.

— Добиться утверждения вряд ли они могут в настоящее время, — заметил Торндайк. — Ведь несомненных до-

казательств смерти не имеется?

— Конечно. Но это только первое из затруднений. Другое заключается в том, что в самом тексте завещания есть какой-то роковой дефект. Какой именно — сейчас я не знаю, но надеюсь рано или поздно узнать. Кстати, я упомянул уже о том, что вы интересуетесь этим делом, и мне кажется, что Беллингэм не прочь был бы посоветоваться с вами, но только у бедняги нет денег.

— Это нехорошо для него, особенно если у других заинтересованных лиц они имеются. Судебная процедура требует денег, и закон не считается с тем, что у какой-нибудь из сторон их не оказывается. Да, ваш пациент может оказаться в плохом положении. Ему необходимо с кем-нибудь посоветоваться.

— Я не знаю, кто бы ему мог дать совет.

— Не знаю и я, — сказал Торндайк. — Богаделен для неимущих истцов нет, а по общему правилу, только лица со средствами могут обращаться в суд. Конечно, мы могли бы ему помочь, но для этого надо хорошо знать и его, и все обстоятельства дела. Ведь он, может быть, отъявленный негодяй?

Я вспомнил странный разговор, который я случайно подслушал. Мне очень хотелось бы узнать мнение Торндайка, но передавать этот разговор я не считал себя вправе. Я ограничился поэтому только общими своими впечатлениями.

— Он не похож на негодяя, — сказал я, — но, конечно, я не знаю его. Лично на меня он произвел скорее благоприятное впечатление, чего я не могу сказать про другого.

— Кто этот другой? — спросил Торндайк.

— Ведь есть еще один человек, имеющий отношение к этому делу, не правда ли? Я забыл его имя. Я видел его там, и вид его мне совсем не понравился. Мне кажется, он хочет к чему-то принудить Беллингэма.

— Барклея знает об этом больше, чем говорит, — сказал Джервис. — Надо посмотреть в газетах, кто этот незнакомец. — Он взял с полки большую кипу газетных вырезок и разложил их на столе.

— Посмотрим, — сказал он, водя пальцем по указателю. — Торндайк собирает все факты, из которых что-нибудь может выйти. А с этим, я знаю, у него связаны особенно большие ожидания. У него какие-то кровожадные чувства: он надеется, что в один прекрасный день голова пропавшего найдется в чьей-нибудь мусорной яме... Вот, нашел! Имя другого — Хёрст. Он, видимо, двоюродный брат; в его доме в последний раз видели живым исчезнувшего человека.

— Значит, вы думаете, что Хёрст в чем-то здесь замешан? — спросил Торндайк, просмотрев отчет.

— У меня такое впечатление, — возразил я, — хотя, конечно, я ничего не знаю.

— Так вот, — сказал Торндайк, — если вы услышите о том, что делается, и получите разрешение об этом говорить, мне будет очень интересно узнать, как подвигается это дело. И если по какому-нибудь вопросу понадобится мое неофициальное мнение, я не откажусь дать совет, и думаю, что ничего плохого от этого не будет.

— Конечно, ваш совет будет чрезвычайно ценным, если другие заинтересованные лица обратятся к адвокату, — сказал я, а потом, после небольшой паузы, спросил: — Вы много думали над этим делом?

— Нет, — задумчиво ответил он. — Не скажу, что много. Я довольно внимательно изучал его, когда впервые эта заметка появилась в газетах. И с тех пор я иногда думал над ним. Джервис говорил уже вам, что у меня создалась такая привычка: я пользуюсь случайными часами досуга, например, ездой по железной дороге, — для построения различных теорий, способных объяснить какой-нибудь факт в подобного рода таинственных делах, которые мне попадают под руку.

— Есть у вас какая-нибудь теория, объясняющая факты этого дела? — спросил я.

— Да, у меня есть несколько теорий, — одна из них кажется мне наиболее правдоподобной. И теперь я с большим интересом ожидаю новых фактов, чтобы проверить свои построения.

— Не стоит и пробовать выкачать из него что-нибудь. Он снабжен каким-то информационным клапаном, который открывается только внутрь. Вливать вы можете сколько угодно, но обратного движения не получите.

Торндайк усмехнулся.

— Мой ученый друг, в сущности, прав, — сказал он. — Видите ли, в любой день ко мне могут обратиться за советом по этому делу, и в таком случае я окажусь в глупейшем положении, если уже заранее выскажу свое мнение во всех подробностях. Но мне хотелось бы знать, что думаете вы и Джервис об этом деле на основании газетных сообщений.

— Ну, вот! — воскликнул Джервис. — Что я вам говорил: он хочет высосать наши мозги.

— Что касается моего, — сказал я, — то едва ли высасывание даст хоть что-нибудь, кроме чистого нуля. Поэтому я отказываюсь в вашу пользу. Вы адвокат в полном расцвете своей деятельности, а я ведь только районный врач.

Джервис тщательно набил свою трубку и закурил ее. Затем, выпустив тонкую струйку дыма, сказал:

— Если вы хотите знать, что я думаю об этом деле, я отвечаю вам одним словом: ничего! Каждая догадка приводит к тупику.

— Ну, бросьте! — воскликнул Торндайк, — вам просто лень. Барклею хочется видеть вашу судебную проникательность. Ученый адвокат может быть сам в тумане, — это сплошь и рядом с ним бывает, но он никогда прямо не говорит об этом. Он умеет это скрыть под искусным словесным прикрытием. Расскажите нам, по крайней мере, как вы пришли к своему заключению. Покажите нам, что вы действительно взвешивали факты.

— Хорошо, — сказал Джервис. — Я дам вам мастерский анализ этого дела, который приводит к такому отчаянному выводу.

Некоторое время он продолжал попыхивать своей трубкой, в легком замешательстве, как мне показалось, и я вполне ему сочувствовал. Наконец, он выпустил маленькое облачко дыма и начал:

— Положение представляется мне таковым: мы имеем дело с неким человеком, которого видели входящим в некий дом; прислуга проводит его в некую комнату и оставляет его там. Никто не видит, чтобы он вышел оттуда, и тем не менее, когда потом вошли в эту комнату, она оказалась пустой. И этого человека никто никогда больше не видел — ни живым, ни мертвым. Начало довольно-таки таинственное.

Очевидно, можно предположить следующее: или он остался живым в этой комнате или, по крайней мере, в этом доме, или он умер естественной или насильственной смертью и его тело было спрятано; или же он ушел из дому никем не замеченный.

Рассмотрим первую возможность. Все это произошло около двух лет тому назад. Он не мог скрываться живым в этом доме в течение двух лет. Его бы обнаружили. Прислуга, например, при уборке комнат могла бы его видеть.

Тут Торндайк со снисходительной улыбкой прервал своего младшего коллегу.

— Мой ученый друг, — сказал он, — ведет следствие с неподобающим легкомыслием. Но мы принимаем заключение, что этот человек не остался в доме живым.

— Прекрасно, в таком случае, не остался ли он там мертвым? Очевидно, нет. В газете говорится, что как только его хватились, Хёрст вместе с прислугой тщательно обыскали весь дом. Таким образом, не было ни времени, ни возможности скрыть тело. Отсюда, единственное возможное заключение, что тела там не было. К тому же, если мы допустим факт убийства, — а сокрытие тела заставляет его предположить, — возникает вопрос: кто мог его убить? Очевидно, что не прислуга. Что же касается Хёрста, то, конечно, мы не знаем, каковы были его отношения с исчезнувшим человеком, — по крайней мере, мне это неизвестно.

— Мне тоже, — сказал Торндайк. — Я знаю только то, что было в газетном сообщении, и то, что рассказал нам Барклей.

— В таком случае, мы ничего не знаем. Может быть, у него были основания для убийства, а может быть, и не бы-

ло. Суть в том, что у него, мне кажется, не было возможности совершить его. Пусть ему удалось временно скрыть тело; надо было сверх того и окончательно от него отделаться. Он не мог зарыть тело в саду, так как дом полон прислуги. Не мог он также его сжечь. Единственно, что он мог сделать, это — разрезать тело на куски и зарывать их постепенно в разных укромных местах или же побросать их в реку или пруд. Но никаких останков за весь этот длинный срок нигде обнаружено не было. Следовательно, у нас нет никаких данных, подтверждающих мысль об убийстве в доме Хёрста. Эта гипотеза исключается тем тщательным осмотром, какой был произведен тотчас же, как только хватились пропавшего.

Возьмем теперь третью возможность. Не покинул ли он дом незамеченным? Такая возможность, конечно, не исключена, но как она маловероятна! Может быть, это был эксцентричный, поддающийся внезапным импульсам человек? Мы ничего о нем не знаем и ничего сказать не можем. Прошло два года, а он все не появляется. Следовательно, если он тайком ушел из дому, он должен был куда-то скрыться и скрываться до сих пор. Конечно, он мог так поступить, если он был не в своем уме. Но у нас нет никаких сведений о его характере.

Кроме того, вопрос осложняется скарабеем, найденным во владении его брата в Удфорде. Стало быть, он когда-то туда заходил. Но там его никто не видел. И мы не знаем, заходил ли он сначала к своему брату, или к Хёрсту? Если скарабей был при нем, когда он приехал в Эльтам, стало быть, он покинул этот дом незамеченным и отправился в Удфорд. Но если скарабея не было, то он, по всей вероятности, отправился из Удфорда в Эльтам и там окончательно исчез, но нет никаких сведений о том, был ли при нем скарабей или нет, когда его в последний раз видела горничная Хёрста. Если бы мы захотели бросить обвинение в убийстве, — бросить, конечно, без достаточной обдуманности, — то мы должны были бы признать более правдоподобным, что сначала Беллингэм побывал у Хёрста, а потом уже у своего брата, ибо в данном случае было гораздо про-

ще отделаться от тела. Очевидно, никто не видел, когда он входил в дом, и если он вошел, то через заднюю калитку, которая сообщается с библиотекой, помещающейся в отдельном здании, в стороне от дома. В таком случае Беллингэмы имели бы физическую возможность скрыть труп. В их распоряжении было бы достаточно времени скрыть тело, хотя бы временно. Никто не видел, как он вошел в дом, никто не знал, что он был там, — если только он был там — и никаких розысков, как кажется, не было произведено ни тогда, ни впоследствии. Действительно, если бы могло быть доказано, что исчезнувший человек покинул дом Хёрста живым, или если бы можно было установить, что скарабей был при нем, когда он был у Хёрста, дело приняло бы дурной оборот для Беллингэмов, так как, конечно, и дочь принимала участие, если тут был замешан отец. Но ведь вот в чем загвоздка! Нет ровно никаких доказательств, что он покинул дом Хёрста живым, в противном же случае... ну вот опять! Как я уже говорил, какую бы гипотезу вы ни приняли, все они заводят вас в тупик.

— Это изложение, действительно, мастерское, но конец прихрамывает, — резюмировал Торндайк.

— Я знаю, — сказал Джервис. — Но чего же вы хотите? Есть целый ряд возможных решений и одно из них должно быть верным. Но какое именно? Как нам это решить? До тех пор, — настаиваю я, — пока мы не узнаем хоть что-нибудь о заинтересованных сторонах, о финансовых и всяческих других замешанных тут интересах, до тех пор у нас нет никаких данных.

— В этом случае, — сказал Торндайк, — я решительно с вами не согласен. По-моему, данных у нас много. Вы говорите — мы не имеем никакой возможности решить, какая версия справедлива. Я думаю — напротив: если вы внимательно и вдумчиво прочтете отчет, вы увидите, что известные теперь факты приводят к одному и только к одному объяснению. Возможно, что это объяснение неправильно. Я не претендую на его безошибочность. Но сейчас мы обсуждаем данный вопрос чисто теоретически, и я утверждаю, что наши данные позволяют сделать определенный вывод.

Что вы хотите сказать, Барклей?

— Хочу сказать, что мне пора уходить. Вечерний прием начинается в половине седьмого.

— Хорошо, — сказал Торндайк, — не будем удерживать вас от ваших обязанностей, пока бедный Барнард собирает коринку на Греческом Архипелаге. Но непременно заходите к нам еще. Заходите, когда хотите, как только закончите свою работу. Вы нам нисколько не мешаете, даже если мы будем заняты, а это после 8 часов бывает редко.

Я от всей души поблагодарил доктора Торндайка за столь радужное приглашение и, попрощавшись с ним, отправился домой.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПУТАНИЦА. ШАКАЛ

Задумавшись, я сделал большой крюк и пришел к себе, опоздав на 10 минут. Я ускорил шаг и почти вбежал в амбулаторию с нахмуренным лицом, как будто только что покинул тяжелобольного. Однако меня дожидалась только одна пациентка, которая с вызывающим видом поздоровалась со мной.

— Это вы, наконец? — сказала она.

— Так точно, мисс Оман. Вы изволите говорить сущую истину. Чем же я могу вам служить?

— Ничем, — был ответ. — Я лечусь у женщины-врача. Но я принесла вам письмо от м-ра Беллингэма. Вот оно. — И она сунула мне в руку конверт.

Я быстро пробежал письмо. Мой пациент писал, что провел две бессонные ночи и очень беспокойный день. «Не дадите ли вы мне чего-нибудь, чтобы я мог заснуть?» — просил он.

Я на минуту задумался. Мы, врачи, не слишком охотно прописываем усыпляющие средства незнакомым пациентам, но так как бессонница вещь мучительная, я решил по-

ка что дать ему небольшую дозу брома и обещал заехать, чтобы посмотреть, не понадобятся ли более сильные средства.

— Пусть он лучше сразу примет дозу вот этого лекарства, мисс Оман, — сказал я, подавая ей пузырек, — а я заеду к нему попозже.

— Думаю, что он будет очень рад вас видеть, — ответила она. — Сегодня он в полном одиночестве, мисс Беллингэм не будет дома, а настроение его очень подавленное. Но я должна вас предупредить: он бедный человек и не может много платить. Извините меня, что я заговорила об этом.

— Я очень благодарен вам за ваше указание, мисс Оман, — ответил я. — Я заеду не с визитом, мне просто хочется поболтать с ним.

— Ему это будет очень приятно. У вас есть свои прекрасные качества, хотя пунктуальность не принадлежит к их числу. — И отпустив мне эту шпильку, мисс Оман заторопилась домой.

В половине девятого я подымался по большой темной лестнице его дома, предшествуемый мисс Оман, которая указывала мне дорогу. М-р Беллингэм, только что закончивший свой обед, сидел сгорбившись в кресле, устремив мрачный взор на пустой камин. Лицо его просветлело, когда я вошел, но было все же заметно, что он находился в очень подавленном состоянии.

— Очень, очень рад вас видеть, — сказал он, — хотя я боюсь, что причинил вам беспокойство, нарушив ваш вечерний отдых.

— Помилуйте, какое же беспокойство! Я узнал, что вы сегодня в полном одиночестве, и зашел немного поболтать с вами.

— Вы очень любезны, — сказал он. — Боюсь только, что окажусь плохим собеседником. Человек, всецело занятый своими, да вдобавок еще в высокой степени неприятными делами, бывает малоинтересным собеседником.

— Может быть, я мешаю вам, вам хочется остаться одному? Скажите мне прямо, — внезапно спохватился я, испугавшись, что, может быть, я явился не вовремя.

— Вы-то мне нисколько не помешаете, — сказал он со смехом, — скорее я вам помешаю. В самом деле, если бы я не боялся наскучить вам до смерти, я попросил бы у вас разрешения переговорить с вами о моих затруднениях.

— Оставьте эти сомнения. Воспользоваться опытом другого человека, не подвергаясь связанным с этим опытом неприятностям, вещь заманчивая. Вы знаете: «хочешь изучить человека, изучай людей»! Для нас, врачей, это особенно верно.

М-р Беллингэм мрачно усмехнулся.

— Мне кажется, для вас я представляю нечто вроде микроба, — сказал он. — И пожалуй, если вы пожелаете посмотреть на меня в свой микроскоп, я заберусь под стекло, чтобы быть объектом ваших наблюдений. Только имейте в виду, не мои поступки дадут вам материал для ваших психологических изысканий. Моя роль — чисто пассивная. Здесь в роли *Deus ex machina** выступает мой несчастный брат. Боюсь, что это он из своей неведомой нам могилы руководит всеми нитями этой адской кукольной комедии.

Он замолк и некоторое время задумчиво смотрел в камин, как будто совсем позабыв о моем присутствии. Наконец, он взглянул на меня и продолжал:

— Это любопытная история, доктор, прелюбопытная. Середину ее вы уже знаете. А теперь я расскажу вам все с самого начала, и тогда вы будете знать столько же, сколько знаю я сам. Что же касается конца, то его никто не знает. Без сомнения, он написан в книге судеб, но эта страница еще не перевернута.

— Начало всем бедствиям положила смерть моего отца. Он был сельский священник с очень скромными средствами, вдовец с двумя детьми: это были брат мой Джон и я. Ему как-то удалось поместить нас обоих в Оксфорд. По окончании университета Джон поступил на службу в министерство иностранных дел, а я должен был стать священником. Но я скоро понял, что мои религиозные убеждения настоль-

* Букв. «Бог из машины» (лат.), неожиданное, сверхъестественное вмешательство в запутанную ситуацию.

ко изменились, что для меня стало невозможным принять духовный сан. Приблизительно к этому времени мой отец получил довольно большое наследство. Он намеревался поровну разделить все свое состояние между братом и мною, и поэтому я мог считать себя свободным от избрания какой-либо профессии, обеспечивающей меня. В то время у меня уже развивалась страсть к археологии, и я решил посвятить себя своим любимым занятиям. В этом, кстати сказать, я следовал семейной традиции. Отец мой с увлечением изучал историю Древнего Востока, а Джон, как вам известно, был страстным египтологом.

Спустя некоторое время отец мой внезапно скончался, не оставив завещания. Он давно собирался написать его, но все откладывал. А между тем состояние его заключалось, главным образом, в недвижимости, и потому брат мой унаследовал его почти целиком. Однако, из уважения к известной ему воле отца, он назначил мне ежегодную пенсию в 500 фунтов стерлингов, что составляло приблизительно четверть его годового дохода. Я настаивал, чтобы он сразу отчислил мне известную сумму, но он отказался. Вместо того он отдал распоряжение своему поверенному выплачивать мне эту пенсию по кварталам до своей смерти. Он дал мне понять, что после его смерти имение перейдет ко мне, если же я умру раньше, то к моей дочери Руфи. Потом, как вам известно, он внезапно исчез. Все обстоятельства заставляли предполагать, что он умер, и потому его поверенный, некий м-р Джеллико, счел для себя невозможным далее выплачивать мне пенсию. Но, с другой стороны, не было никаких положительных данных, подтверждающих смерть моего брата, и, стало быть, нельзя было привести в исполнение завещание.

— Вы сказали, что все обстоятельства говорят за то, что вашего брата нет в живых. Какие же это обстоятельства?

— Главным образом, то, что он исчез внезапно и бесследно. Его багаж, как вам, может быть, известно, был найден нетронутым на вокзале. Кроме того, есть и еще одно обстоятельство: брат мой получал пенсию из министерства иностранных дел, за которой должен был являться лично, а ко-

гда он бывал за границей, он должен был представлять удостоверение в том, что он жив. В этом отношении он был чрезвычайно аккуратен. И действительно, насколько мне известно, он или лично являлся, или препровождал необходимые документы своему поверенному, м-ру Джеллико. Но с момента своего таинственного исчезновения он по сей день не подавал никаких признаков жизни.

— Да, вы в очень щекотливом положении, — сказал я, — но мне кажется, что добиться в суде признания факта смерти и привести в исполнение завещание было бы не трудно.

Лицо м-ра Беллингэма как-то перекошилось.

— Я полагаю, что вы правы, — сказал он. — Видите ли, м-р Джеллико, обождав некоторое время, не появится ли мой брат, предпринял весьма необычный, но мне кажется, при таких странных обстоятельствах вполне правильный шаг. Он пригласил меня и других заинтересованных лиц к себе в контору, чтобы познакомить нас с содержанием завещания. Завещание оказалось весьма необыкновенным. Я был как громом поражен, услышав его. И удивительнее всего, что брат мой, очевидно, считал все свои распоряжения благоразумными и простыми.

— Так обычно бывает, — заметил я.

— Может быть, — сказал м-р Беллингэм, — но бедняга Джон создал такую адскую путаницу из своего завещания, что сам поставил препятствия к выполнению его воли. Видите ли, мы исходим из старинной лондонской семьи. Дом на Куин-Сквер, где брат имел свою квартиру и где хранил свою коллекцию, принадлежал нашему роду в течение многих поколений. Почти все Беллингэмы похоронены поблизости, на кладбище св. Георгия. Остальные же члены нашей семьи похоронены по соседству на других кладбищах. Брат мой — он, кстати сказать, был холостяком, — очень строго придерживался семейных традиций, и потому вполне естественно, что в завещании он оговорил, чтобы его похоронили на кладбище св. Георгия, вместе с его предками, или — по крайней мере, — на одном из кладбищ его родного прихода. Но вместо того, чтобы просто высказать это

желание и поручить своим душеприказчикам исполнить его, он поставил его условием, от которого зависит все остальное.

— Что это значит? — спросил я.

— Это означает вот что, — сказал м-р Беллингэм. — Все свое состояние он завещал мне, а если я умру раньше, то моей дочери Руфи, но при одном условии, о котором я только что говорил, т. е. чтобы его похоронили в одном из указанных мест. Если же это условие не будет выполнено, то все его состояние должно перейти к нашему двоюродному брату Хёрсту.

— Но в таком случае, — сказал я, — раз вы не в состоянии найти тела вашего брата, то ни один из вас не может получить наследства.

— В этом я не очень уверен, — возразил он. — Если брат мой умер, то очевидно, что он не похоронен ни на кладбище св. Георгия, ни на других упомянутых им кладбищах. Это может быть легко доказано благодаря метрическим книгам. Таким образом, в случае признания факта его смерти, почти все состояние перейдет к Хёрсту.

— А кто же душеприказчик? — спросил я.

— Вот в этом-то и вся история! — воскликнул м-р Беллингэм. — Душеприказчиков двое. Один из них Джеллико, а другой — главный наследник, т. е. Хёрст или я, в зависимости от обстоятельств. Но, видите ли, до тех пор, пока суд не решит, кто из нас является наследником, ни один из нас не может быть душеприказчиком.

— Но кто же тогда обратится в суд? Я думаю, что это — обязанность душеприказчиков.

— Вот именно это и является главным затруднением для Хёрста. Как раз в тот день, когда вы впервые ко мне зашли, мы обсуждали этот вопрос и обсуждали очень горячо, — добавил он с мрачной улыбкой. — Видите ли, Джеллико, конечно, отказывается действовать один. Он говорит, что не может обойтись без помощи другого душеприказчика. Но в данный момент ни Хёрст, ни я — мы не имеем этих полномочий. Однако обстоятельства могут сделать вторым душеприказчиком каждого из нас.

— Положение очень сложное, — сказал я.

— Да, и эти осложнения вызвали чрезвычайно любопытное предложение со стороны Хёрста. Так как условие, касающееся погребения, не выполнено, говорит он (и я боюсь, что он юридически прав), все состояние должно перейти к нему. Он предлагает мне следующую комбинацию: я должен поддержать его и Джеллико в их ходатайстве о разрешении признать факт смерти и привести в исполнение завещание; он же будет мне выплачивать до конца моей жизни по 400 фунтов в год. Причем это соглашение должно иметь силу, какие бы случайности ни произошли.

— Что он хочет этим сказать?

Беллингэм нахмурился и сказал с недоброй усмешкой:

— Он имеет в виду следующее: если когда-нибудь в будущем тело вдруг найдется и, таким образом, можно будет исполнить волю брата относительно погребения, он тем не менее удержит все состояние, а мне будет продолжать выплачивать 400 фунтов в год.

— Черт возьми! — воскликнул я. — У него губа не дура!

— Но в том случае, если тело не будет найдено, он тратит по 400 фунтов в год в течение всей моей жизни.

— И вы, кажется, отклонили его предложение?

— Да, категорически. И дочь моя со мною согласна. Но я не уверен, вполне ли правильно я поступил. Я думаю, что надо дважды подумать, прежде чем сжечь свои корабли.

— Говорили ли вы с м-ром Джеллико об этом деле?

— Да, я видел его сегодня. Он очень осторожный человек и поэтому не советует мне ни того, ни другого. Но мне кажется, что он не одобряет моего отказа. Он даже сказал, что синица в руках лучше журавля в небе, особенно когда этого журавля и не видеть.

— Как вы думаете, может он обратиться в суд без вашей санкции?

— Этого он не хочет. Но мне кажется, что в том случае, если Хёрст будет настаивать, то принудит его. Кроме того, Хёрст, в качестве заинтересованной стороны, может непосредственно обратиться в суд; и возможно, что после моего отказа он так и поступит. По крайней мере, таково мнение

Джеллико.

— Все это ужасно запутано, — согласился я, — и неужели поверенный вашего брата, м-р Джеллико, не говорил ему, что он нелепо составил свое завещание?

— Говорил. По его словам, он даже умолял брата позволить ему написать завещание в другой форме. Но Джон и слушать не хотел. Бедняга! Иногда он бывал очень упрям.

— Можете ли вы принять теперь предложение Хёрста?

— Нет. Благодаря моему раздражительному характеру, я тогда категорически отказался. Я был чрезвычайно изумлен его предложением и даже рассердился. Вы ведь помните, что в последний раз брата моего видели живым в доме Хёрста... Впрочем, я не должен занимать вас своими проклятыми делами, раз вы пришли только затем, чтобы дружески поболтать со мной. Но вы помните, я ведь честно вас предупреждал об этом.

— Вы себе представить не можете, как меня заинтересовало ваше дело! — возразил я.

М-р Беллингэм мрачно усмехнулся.

— Мое дело? — повторил он. — Вы говорите так, словно я представляю любопытный экземпляр преступника-сумасшедшего.

— Я смотрю на вас с глубоким уважением, как на центральное лицо этой странной драмы. Да и не я один смотрю так на вас! Может быть, вы помните, я говорил вам о докторе Торндайке?

— Конечно, помню.

— Как раз сегодня я его встретил, и мы долго с ним беседовали. Я взял на себя смелость упомянуть о нашем знакомстве. Может быть, я поступил неправильно?

— О, нет! Почему бы вам и не рассказать ему? Помнит ли он всю эту адскую историю?

— Прекрасно помнит и во всех подробностях. Он ведь энтузиаст и чрезвычайно интересуется тем, как подвигается это дело.

— Я тоже этим интересуюсь, — сказал м-р Беллингэм.

— Мне хотелось бы знать, — спросил я, — согласны ли вы, чтобы я передал ему то, что вы мне сегодня сообщили?

Ему это будет крайне интересно.

М-р Беллингэм призадумался, устремив взор в пустой камин. Потом он взглянул на меня и медленно произнес:

— Какие тут могут быть возражения? Это — не тайна. Да если бы даже и была здесь тайна, я ведь не единственный ее обладатель. Нет, расскажите ему, если вы думаете, что это может интересовать его.

— Вам нечего бояться; он никому ничего не расскажет, — сказал я. — Он безмолвен, как устрица. Ему же эти факты дадут гораздо больше, чем нам. И, наконец, он сможет дать вам полезные указания.

— Я совсем не собираюсь пользоваться его искусством, — быстро проговорил м-р Беллингэм с некоторым раздражением. — Я не из тех, которые попрошайничают, чтобы получить даровой совет. Примите это хорошенько к сведению, доктор.

— Я знаю, — поспешил я ответить. — Я совсем не это хотел сказать... Не вернулась ли мисс Беллингэм? Я слышал, как хлопнула парадная дверь?

— Да, я думаю, что это она, но куда же вы бежите? Неужели вы ее боитесь? — прибавил он, увидав, как я поспешно схватился за шляпу.

— Не знаю, может быть, — ответил я.

М-р Беллингэм усмехнулся, подавляя зевоту, а в эту минуту дочь его вошла в комнату. Несмотря на свое потертое черное платье и еще более потертый ридикюль, который она держала в руках, она производила внушительное впечатление.

— Вы пришли, мисс Беллингэм, как раз в момент, когда ваш батюшка начал уже зевать, а я собрался уходить, — сказал я ей. — Видите, я могу приносить некоторую пользу; моя беседа — прекрасное средство от бессонницы.

Мисс Беллингэм улыбнулась.

— Мне кажется, что я вас прогоняю, — заметила она.

— Вовсе нет, — поспешно ответил я. — Моя миссия закончена, вот и все.

— Присядьте на минутку, доктор, — попросил м-р Беллингэм, — и пусть Руфь приготовит лекарство. Она обидит-

ся, если вы убежите сразу, как только она пришла.

— Но из-за меня вы поздно ляжете, — сказал я.

— Я вам скажу, когда мне захочется спать, — ответил он с усмешкой.

На этом условии я остался и остался не без удовольствия. В этот момент вошла мисс Оман с подносом и с такой улыбкой, какую я никак не ожидал увидеть на ее лице.

— Выпейте какао с гренками, дорогая, пока оно горячее, — ласково сказала она.

— Хорошо, Филлис, благодарю вас, — ответила мисс Беллингэм. — Я только сейчас сниму шляпу.

Когда она села за свой скромный ужин, отец ее обратился к ней с вопросом, который меня очень заинтересовал.

— Ты сегодня очень запоздала, детка. Разве цари-пастухи доставили тебе много хлопот?

— Нет, — ответила она, — но я решила сегодня же покончить с ними. Поэтому, возвращаясь домой, я зашла в библиотеку на Ормонд-стрит и занялась этим.

Она заметила мой изумленный взгляд и тихо рассмеялась.

— Мы не должны говорить загадками в присутствии доктора Барклея. Отец мой говорит о моей работе, — пояснила она мне.

— Видите ли, доктор, — объявил м-р Беллингэм, — Руфь — литературный сыщик.

— Не называйте меня «сыщиком», — запротестовала Руфь, — это напоминает мне женщин-сыщиков и участок. Лучше скажите «исследователь».

— Хорошо. «Исследователь», или «исследовательница», это как вам угодно. Она наводит справки и разыскивает библиографию для лиц, пишущих книги. Она просматривает все, что было написано по какому-нибудь вопросу, и затем, собрав все сведения, отправляется к своему клиенту, награждает его или ее этими знаниями, а он или она, в свою очередь, излагают или извергают это на печатных столбцах.

— Фу, какое отвратительное описание моей профессии! — сказала Руфь. — Но по существу это верно. Я — литера-

турный шакал. Я собираю пищу для литературных львов. Вполне ли это вам ясно?

— Вполне. Но и теперь мне не совсем понятно, что это за цари-пастухи?

— Мой отец выразился не вполне ясно. Дело в следующем: один почтенный архидиакон написал статью о патриархе Иосифе.

— Написал, решительно ничего не зная о нем! — прервал ее м-р Беллингэм. — Какой-то более осведомленный специалист подставил ему ножку и...

— Совсем не так! — воскликнула мисс Беллингэм. — Он знал столько, сколько полагается знать почтенному архидиакону. Но этот специалист знал больше. Поэтому архидиакон поручил мне собрать всю литературу о состоянии Египта к концу 17-й династии, что я и сделала. Завтра я пойду к нему и начину его добытыми сведениями, а затем...

— А затем, — прервал ее м-р Беллингэм, — архидиакон набросится на специалиста и закидает его «царями-пастухами», и Секенен-Ра, и всяким сбродом из времен семнадцатой династии! Могу вам заранее предсказать, что тут произойдет порядочная потасовка.

— Да, я думаю, что стычка действительно будет, — согласилась мисс Беллингэм и, покончив с этим вопросом, энергично принялась за поджаренный хлеб, в то время как отец ее начал зевать.

Я украдкой наблюдал за ней с восхищением и с глубоким, возрастающим интересом. Несмотря на свою бледность, утомленный вид и худое, почти изможденное лицо, она была чрезвычайно красива. Наружность ее носила отпечаток силы воли и характера, что отличало ее от заурядных женщин.

Окончив ужин, она отставила поднос и, открыв свою потертую сумку, спросила меня:

— Интересуетесь ли вы историей Египта? Мы тут сходим по ней с ума. У нас это какой-то семейный недуг.

— Я мало что смыслю в ней, — ответил я. — Занятия медициной слишком поглощает мое время.

— Конечно, — сказала она. — Нельзя быть специалистом во всех областях. Но если вас интересует профессия литературного шакала, я покажу вам свои заметки.

Я с радостью согласился. Она вынула из сумки четыре синие записные книжки, из которых каждая была посвящена одной из династий, от четырнадцатой до семнадцатой включительно.

Просматривая аккуратно и тщательно сделанные выписки, мы вместе начали обсуждать в высшей степени запутанную историю этого периода, постепенно понижая наши голоса, так как м-р Беллингэм закрыл глаза. Немного спустя голова его откинулась на спинку кресла. Мы только что дошли до критического царствования Апены II, когда громкий храп прервал тишину в комнате и заставил нас обоих тихо рассмеяться.

— Беседа ваша сделала свое дело, — прошептала она в то время, как я брал свою шляпу, и мы вместе на цыпочках прокрались к двери, которую она бесшумно отворила. — Вы очень добры, что зашли повидать его сегодня. Для него это было очень хорошо. Я вам искренне благодарна. Спокойной ночи! — прибавила она, дружески пожимая мне руку.

НАХОДКА В ГРЯДАХ

Практика Барнарда, как и практика большинства врачей, была подвержена периодическим приливам и отливам. Лихорадочная работа чередовалась с промежутками почти полного бездействия. Один из таких перерывов наступил на следующий день после моего посещения Невиль-Коурта, в результате чего уже в половине двенадцатого утра я начал раздумывать о том, как провести остаток дня. Я спустился вниз к набережной и, опершись на перила, стал любоваться видом по другую сторону реки, серым каменным

мостом с целым рядом пролетов, живописной массой устремленных ввысь башен и притаившейся за ними серой громадой аббатства и церковью св. Стефана.

Это была чудесная картина, тихая и успокаивающая, говорившая и о жизни и в то же время настраивающая на романтический лад.

Мысли мои были заняты Руфью Беллингэм и той любопытной историей, которую рассказал мне ее отец. Тут все было странно: как нелепо составленное завещание, так и поставленный в тупик поверенный. Я был почти уверен, что за всем этим что-то кроется, особенно, если вспомнить весьма странное предложение м-ра Хёрста. Но разобраться в этой истории мне было не под силу. Ее мог разобрать только юрист; к юристу и надо было бы обратиться. Я решил, что сегодня же схожу к Торндайку и расскажу все, что я узнал.

Тут произошло одно из тех совпадений, которым мы так удивляемся, когда они случаются, но которые в общем так часты, что даже вошли в поговорку. Как раз в этот момент я увидел двух приближавшихся ко мне людей и узнал в них моего бывшего профессора и его младшего коллегу.

— Я как раз думал о вас, — сказал я, когда они подошли ко мне.

— Очень лестно, — ответил Джервис, — а я думал, что вы беседовали с самим чертом.

— Может быть, — заметил Торндайк, — он разговаривал сам с собой. Но почему вы думали именно о нас и чем были заняты ваши мысли?

— Я думал о деле Беллингэмов. Весь вчерашний вечер я провел у них.

— А! И у вас есть какие-нибудь свежие новости?

— Да, есть, клянусь Юпитером! Беллингэм со всеми подробностями рассказал мне про завещание. По-моему, это презанятный документ.

— Разрешил ли он вам передать мне все эти подробности?

— Да, я нарочно попросил у него разрешения и он ничего не имел против.

— Прекрасно, сегодня мы завтракаем в Сохо, так как Поультон занят по горло. Идемте с нами, разделите нашу трапезу, а по дороге расскажете нам вашу историю. Вас это устраивает?

При настоящем состоянии моей практики меня это вполне устраивало, и я с непритворной радостью принял приглашение Торндайка.

Мы медленным шагом направились по широкому тротуару, и я стал рассказывать.

Торндайк время от времени останавливал меня, чтобы сделать какую-нибудь заметку в своей записной книжке.

— Этот субъект был, наверное, совершенно сумасшедший! — воскликнул Джервис, когда я закончил. — Он, кажется, с какой-то дьявольской изощренностью уничтожил свои же собственные распоряжения.

— Это сплошь и рядом бывает с лицами, делающими завещания, — заметил Торндайк. — Вполне ясное и толковое завещание является скорее исключением. Но мы едва ли можем судить об этом, не видав самого документа. Я полагаю, что у Беллингэма нет копии?

— Не знаю, — сказал я, — но я спрошу у него.

— Если у него есть, то я хотел бы прочесть ее, — сказал Торндайк. — Все пункты крайне странны и, как сказал Джервис, завещатель точно хотел уничтожить ими собственные свои распоряжения, если только они были правильно записаны. Кроме того, эти пункты поразительно соответствуют всем обстоятельствам исчезновения. Ведь вы, наверное, тоже обратили на это внимание?

— Скажу только, что Хёрсту будет очень на руку, если тело не найдется.

— Да, конечно, но есть еще и другие пункты, которые очень знаменательны. Однако слишком преждевременно обсуждать все это завещание, раз мы не видели ни самого документа, ни заверенной копии.

— Если существует копия, — сказал я, — то я постараюсь раздобыть ее. Но Беллингэм ужасно боится, как бы его не заподозрили в желании воспользоваться даровым советом.

— Это вполне естественно, — сказал Торндайк, — и делает ему честь, но вы должны как-нибудь постараться победить его щепетильность. Я надеюсь, что вам это удастся. По-видимому, вы как будто стали у них совсем своим человеком.

— Они очень интересные люди, — сказал я, — очень культурные и питают большую склонность к археологии. Это, кажется, у них в крови.

— Да, — сказал Торндайк. — Но этой семейной тенденцией они скорее обязаны окружающей их обстановке, чем наследственности. Значит, Годфри Беллингэм вам нравится?

— Да, он немного раздражителен и легко поддается внезапным импульсам, но в общем очень приятный человек.

— А дочь? — спросил Джервис, — что она из себя представляет?

— О, она очень ученая девушка. Она работает в музеях и составляет библиографию.

— А! — воскликнул Джервис неодобрительным тоном. — Знаю я эту породу. Пальцы в чернильных пятнах. Ни намека на бюст! Кожа да кости! И в очках!

Я простодушно попался на эту удочку.

— Вы сильно ошибаетесь! — с негодованием воскликнул я, сравнив мысленно отвратительный рисунок Джервиса с прелестным оригиналом. — Она необыкновенно красивая девушка, с манерами настоящей леди. Возможно, что она была чересчур холодна и сдержанна со мной, но ведь я только знакомый, даже, в сущности, совсем посторонний для них человек.

— Но я вас спрашиваю об ее внешности, — настаивал Джервис. — Какая она? Маленькая? Толстая? Рыжая? Опишите ее хорошенько.

— Ростом она приблизительно пять футов семь дюймов, она стройная, хотя довольно полная, держится очень прямо. Движения у нее грациозны; волосы черные, носит она их на прямой пробор, немного откидывая назад, цвет лица бледный, глаза темно-серые, брови прямые, точеный прямой нос, небольшой полный ротик, закругленный подборо-

док. Черт возьми, чему вы так радуетесь, Джервис?

Друг мой внезапно раскрыл свои карты и чуть не расплылся от удовольствия.

— Если существует копия этого завещания, Торндайк, — сказал Джервис, — мы ее раздобудем. Я полагаю, что вы со мной согласны, уважаемый патрон?

— Я уже сказал, — был ответ, — что всецело полагаюсь на Барклея. А теперь покончим с делами. Вот наш ресторанчик.

Он толкнул незатейливую стеклянную дверь, и мы вошли вслед за ним в ресторан. Воздух был пропитан аппетитным запахом мяса, смешанным с менее аппетитным запахом горелого масла.

Часа через два я распрощался со своими друзьями около здания суда.

— Я не приглашаю вас к себе, — сказал Торндайк, — так как у нас сегодня консультация. Но вы заходите к нам посрее. Не дожидайтесь копии завещания.

— Да, — сказал Джервис, — заходите вечером, когда закончите свою работу, конечно, если у вас не будет более интересных перспектив где-нибудь в другом месте.

Расставшись с ними, я пошел дальше и через некоторое время незаметно для себя очутился на углу улицы Феттер-Лейн. Но тут меня внезапно заставил очнуться грубый резкий голос, гаркнувший над самым моим ухом.

— Ужасная находка в Сидкепе!

Я с досадой обернулся, так как резкие выкрики уличных лондонских мальчишек всегда действуют на меня, как удар по лицу, но раздражение мое сразу сменилось любопытством, когда я увидел надпись на ярком желтом плакате, который он мне протягивал: «Ужасная находка в грядах кресс-салата».

Я купил у него газету и, сунув ее под мышку, быстро направился к своей амбулатории, думая там насладиться чтением.

Но весь вечер непрерывно приходили пациенты и я совершенно позабыл о газете. Я вспомнил о ней лишь тогда, когда, закончив вечерний прием и вымывшись горячей

водой, сел за свой скромный ужин. Я сходил за газетой в приемную и вынул ее из ящика стола, куда бросил впопыхах. Я удобно перегнул ее, прислонил к графину с водой и погрузился в чтение, продолжая в то же время ужинать.

Сообщение было очень подробное. Очевидно, репортер считал его сенсационным, а издатель пошел ему навстречу, отведя ему несколько столбцов и напечатав заголовок, от которого подымались волосы на голове.

«УЖАСНОЕ ОТКРЫТИЕ В ГРЯДАХ КРЕСС-САЛАТА В СИДКЕПЕ»

«Вчера после полудня была сделана поразительная находка при очистке кресс-салатных гряд недалеко от маленькой деревушки Сидкеп, в Кенте. Эта находка причинит много неприятностей тем, кто любил лакомиться этой освежающей зеленью. Но прежде чем приступить к описанию обстоятельств, при которых была сделана эта находка, или к самой находке — она, кстати сказать, является не чем иным, как останками разрезанного на куски человеческого тела! — интересно будет рассказать о той замечательной цепи совпадений, благодаря которым она была сделана.

Эти гряды были устроены у небольшого искусственного озера, куда впадает маленькая речка — один из многочисленных притоков реки Крей... Этот приток орошает целый ряд пастбищ, на одном из них и были расположены эти гряды. На пастбищах почти круглый год пасутся курчавые жертвы человеческой плотоядности. Несколько лет назад овцы, пасшиеся здесь, поражены были болезнью, известной под названием “печеночная двуустка”. Причиной ее являются маленькие плоские червячки, которые проникают из кишечника в желчные протоки и печень животного и разрушают ее. В кишечник же они попадают после ряда превращений, вместе с травой, которой питаются овцы. Лечение этой болезни, которая может погубить целые стада овец, сводится

только к предупредительным мерам, поэтому, как только овцы стали заболевать двуусткой, то владелец поместья, некий м-р Джон Беллингэм, поручил своему поверенному внести в контракт по сдаче в аренду гряд условие, требовавшее, чтобы гряды периодически обследовались экспертом для удаления зловредных паразитов. Последний срок аренды окончился около двух лет тому назад, и с тех пор гряды эти больше не культивировались. Но для того, чтобы обезопасить соседние пастбища, все же сочли необходимым теперь произвести обычный периодический осмотр, и во время работ по очистке гряд была сделана ужасная находка, о которой идет речь.

Работы начались два дня тому назад. Артель из трех человек тщательно перекапывала землю, и рабочие осмотрели уже около половины гряд, как вдруг вчера, после полудня, один из них, работавший в самом глубоком месте, наткнулся на какие-то кости, которые возбудили в нем подозрение. Он позвал своих товарищей; все они стали тщательно удалять водоросли и в конце концов обнажили человеческую руку, лежавшую в грязи среди корней. К счастью, у них хватило благоразумия не трогать этих человеческих останков и немедленно послать за полицией. Вскоре прибыли полицейский инспектор и сержант в сопровождении районного врача. Тут они обнаружили еще одну странность: на руке — это была левая — не хватало безымянного пальца. Полиция считает это обстоятельство чрезвычайно важным: легче будет установить личность, так как число людей, у которых недостает безымянного пальца на левой руке, весьма ограничено. После тщательного осмотра на месте кости были осторожно собраны и препровождены в морг, где они и обретаются в ожидании дальнейшего расследования.

Районный врач, доктор Брандон, в беседе с нашим корреспондентом сообщил следующее: “Найденные кости левой руки несомненно принадлежат человеку средних лет или даже пожилому ростом приблизительно в 5 футов 8 дюймов. Все кости руки налицо. Не хватает только трех суставов безымянного пальца”.

— Считаете ли вы это врожденным недостатком, или палец был отрезан? — спросил наш корреспондент.

— Палец был ампутирован, — ответил доктор. — Если бы его не было от рождения, то недоставало бы и соответствующей кости руки, или, по крайней мере, она была бы деформирована, а между тем структура найденной кости совершенно нормальна.

— Сколько времени кости находились в воде? — был следующий вопрос.

— Я бы сказал, что больше года. Они совершенно чисты. На них не осталось и следа мягких тканей.

— Нет ли у вас какой-нибудь гипотезы, объясняющей, каким образом эта рука попала сюда?

— Я воздержусь отвечать на этот вопрос, — был осторожный ответ.

— Еще один вопрос, — настаивал наш корреспондент. — Земля эта принадлежит м-ру Джону Беллингэму. Ведь это он, кажется, таинственно исчез некоторое время тому назад?

— Да, насколько мне известно, — ответил доктор Брандон.

— Не можете ли вы сказать мне, не лишился ли м-р Беллингэм пальца левой руки?

— Не знаю, — сказал доктор Брандон, а потом добавил с улыбкой: — Вы лучше обратитесь к полиции.

Вот как обстоит дело в настоящее время. Но, насколько нам известно, полиция ведет энергичные розыски относительно того, не пропал ли какой-нибудь человек, у которого недоставало безымянного пальца левой руки. Если кто-либо из наших читателей слышал о таком человеке, мы убедительно просим его немедленно сообщить об этом или в редакцию, или же прямо в полицию.

Мы полагаем, что полиция будет тщательно производить розыски и других останков».

Я отложил газету и задумался. Все это дело было необычайно таинственно. Мысль, пришедшая в голову репортеру, невольно захватила и меня. Не было ли это останка-

ми Джона Беллингэма? Конечно, это было вполне возможно. Хотя из факта нахождения костей на его земле нельзя еще делать никаких выводов. А этот недостающий палец? В газетной заметке об исчезновении Беллингэма ничего не говорилось ни об увечьях, ни о каком-либо врожденном недостатке пропавшего, хотя трудно предположить, что такая вещь могла остаться незамеченной. За неимением фактов строить догадки было бесполезно. Я рассчитывал повидать Торндайка в ближайшие дни. Без сомнения, если эта находка имеет какое-нибудь отношение к исчезновению Джона Беллингэма, я узнаю об этом. С этими мыслями я встал из-за стола и отправился «прогуляться по Флит-Стрит», прежде чем засесть за вечернюю работу.

В СФЕРЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Проходя как-то утром около 10 часов мимо овощной лавки, я увидел в глубине ее мисс Оман. Она тоже заметила меня и энергично стала махать мне рукой, в которой держала большую испанскую луковицу. Я подошел к ней с почтительной улыбкой.

— Какая прекрасная луковица, мисс Оман, и как великодушно с вашей стороны поднести ее мне!..

— Я совсем не собиралась преподнести ее вам. Вот еще! Как это похоже на мужчину!..

— Что похоже на мужчину? — перебил я ее. — Если вы имеете в виду луковицу...

— Ничего я не имею в виду, — огрызнулась она. — Мне только хотелось бы, чтобы вы не болтали всякий вздор. А еще взрослый человек и, кроме того, занимающийся серьезной профессией! Сами должны это понимать.

— Полагаю, что должен бы, — задумчиво ответил я.

Между тем, она продолжала:

— Я только что заходила в амбулаторию.

— Повидать меня?

— А то зачем же? Неужели вы думаете, что я заходила повидать мальчишку, который моет пузырьки?

— Конечно, нет, мисс Оман. Значит, женщина-врач не принесла вам надлежащей пользы?

Мисс Оман стиснула зубы (а зубы у нее были великолепные!).

— Я заходила насчет мисс Беллингэм, — с достоинством произнесла она.

Всю мою шутливость как рукой сняло.

— Я надеюсь, что мисс Беллингэм здорова, — быстро и встревоженно сказал я, вызвав этим презрительную улыбку на лице мисс Оман.

— Она не больна, — сказала мисс Оман, — но она сильно порезала себе руку. К тому же это правая рука, а она не может позволить себе роскошь захворать, так как она не какой-нибудь рослый, неповоротливый, ленивый, праздношатающийся мужчина. Вы бы лучше зашли к ней и дали бы ей чего-нибудь.

С этими словами мисс Оман порывисто отошла в сторону и исчезла в глубине лавки, а я быстро направился в амбулаторию, чтобы захватить все необходимое, а оттуда — в Невиль-Коурт.

Младшая горничная мисс Оман, открывшая мне дверь, сказала, что м-ра Беллингэма нет дома, но что мисс Беллингэм у себя.

Я поднялся по лестнице; на верхней площадке меня поджидала мисс Беллингэм. Ее правая рука была забинтована и похожа была на белую перчатку для бокса.

— Я рада, что вы пришли. Филлис, т. е. мисс Оман, была так добра, что перевязала мне руку, но я хотела бы, чтобы вы посмотрели, все ли там благополучно.

Мы перешли в гостиную. Я принялся раскладывать на столе все свои медицинские принадлежности, расспрашивая ее в то же время о происшедшем с нею случае.

— Так досадно, что это случилось как раз теперь, — сказала она.

— Почему именно теперь? — спросил я.

— Потому, что у меня сейчас очень важная работа. Одна очень ученая дама пишет книгу по истории и теперь поручила мне собрать всю литературу о Тель-Эль-Амарнских письменах — клинописных таблицах, восходящих, как вы знаете, к эпохе Аменхотепа IV.

— Ну, я надеюсь, что ваша рука скоро пройдет, — успокаивающе сказал я.

— Да, но это меня совсем не устраивает. Работа должна быть срочно сделана. Не позже, как через неделю, я должна сдать законченные выписки. Тут ничего нельзя поделывать. Я ужасно огорчена.

Я развязал многочисленные повязки на ее руке и открыл рану. На ладони был глубокий порез, едва не задевший артерию. Было очевидно, что она не сможет владеть рукой по крайней мере неделю.

— Вы сможете залечить ее так, чтобы я могла писать? — спросила она.

Я покачал головой.

— Нет, мисс Беллингэм, я должен буду положить ее в лубок. Нельзя рисковать с такими глубокими ранами, как эта.

— В таком случае я буду вынуждена бросить свою работу. Я не представляю, каким образом моя клиентка закончит ее вовремя. Видите ли, я недурно знаю историю древнего Египта, и мне поэтому должны хорошо заплатить за мой труд. Это была бы такая интересная работа! Но тут ничего не поделаешь.

Между тем, я продолжал методически бинтовать ее руку, а сам размышлял. Было ясно, что мисс Беллингэм глубоко огорчена. Потеря работы означала для нее потерю денег, и достаточно было только взглянуть на ее порывевшее черное платье, чтобы убедиться в том, как она нуждалась. Может быть даже, ей предстояли какие-нибудь экстренные расходы. Впечатление было именно таково.

Тут мне в голову пришла блестящая мысль.

— По-моему, вашей беде можно помочь, — сказал я.

Она вопросительно взглянула на меня, а я продолжал:

— Я хочу предложить вам одну вещь и попрошу вас об-

думать ее хорошенько.

— Это звучит очень внушительно, — сказала она. — В чем же дело?

— А вот в чем. Когда я был студентом, я научился одному полезному искусству, а именно — стенографии. Конечно, я не пишу с молниеносной быстротой репортера, но я довольно быстро могу писать под диктовку.

— Да. Ну, что же?

— Так вот, у меня бывает несколько свободных часов каждый день, обычно все послеполуденное время до шести часов или до половины седьмого. Если бы вы ходили в музей по утрам, выбирали книги, отыскивали все нужные места и делали бы отметки — это вы могли бы сделать и без помощи вашей правой руки, — то я мог бы приходить после двенадцати, вы читали бы мне выбранные отрывки, а я стенографически записывал бы их. В каких-нибудь два часа мы успели бы сделать столько же, сколько сделаете вы, занимаясь целый день и записывая все обычным путем.

— Как это мило с вашей стороны, доктор Барклей, — воскликнула она. — Чрезвычайно мило! Конечно, я не могу отнимать у вас свободное время, но я очень ценю вашу доброту.

Я был совершенно уничтожен ее категорическим отказом, но все-таки продолжал слабо настаивать.

— Мне хотелось бы, чтобы вы согласились. Я знаю, — сделать даме такое предложение, не будучи с ней даже хорошо знакомым, — это может показаться слишком смелым. Но если бы на вашем месте был мужчина, то я все равно поступил бы так же, и мое предложение было бы принято, как вполне естественное.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, я не мужчина. Иногда мне хотелось бы быть мужчиной.

— Я уверен, что вы гораздо лучше так, как вы есть, — воскликнул я с такой серьезностью, что мы оба рассмеялись.

В эту минуту в комнату вошел м-р Беллингэм, держа в руках кипу больших, совершенно новых книг, перетянутых ремешком.

— Вот те на, — воскликнул он весело. — Недурненькое времяпрепровождение! И доктор, и пациентка хохочут, как школьники. Что вас так насмешило?

Он бросил связку книг на стол и с улыбкой выслушал повествование о вырвавшихся у меня словах.

— Доктор совершенно прав, — сказал он, — оставайся, детка, такой, какая ты есть. Одному богу известно, какой бы из тебя вышел мужчина!

Видя, что он в таком хорошем настроении, я рискнул рассказать ему о своем предложении, чтобы заручиться его поддержкой. Он внимательно и одобрительно выслушал меня, а когда я закончил, обратился к своей дочери:

— Какие же у тебя возражения? — спросил он.

— Это доставит такую уйму работы доктору Барклею, — ответила она.

— Это доставит ему уйму удовольствия, — возразил я. — Я говорю совершенно искренне.

— Тогда почему же нет? — сказал м-р Беллингэм. — Или ты боишься чувствовать себя обязанной доктору Барклею и потому упрямисься?

— Ах, совсем не потому! — поспешно воскликнула она.

— Тогда лови его на слове. Он искренне предлагает тебе свою помощь. Это доброе дело, и я уверен, что кроме удовольствия, оно ничего ему не доставит. Все в порядке, доктор. Ты согласна, не так ли?

— Если вы так говорите, то, конечно, и я спорить не буду, и принимаю предложение доктора с благодарностью.

Эти слова сопровождались улыбкой, которая сама по себе была для меня чудесной наградой.

Условившись, где и когда встретиться, я в каком-то восторженном состоянии поспешил в свою амбулаторию, чтобы закончить свою утреннюю работу и распорядиться насчет завтрака.

Часа через два я зашел к ней. Я застал ее в саду. Она ожидала меня со своей потертой сумочкой в руках. Я взял ее сумочку, и мы отправились в путь, сопровождаемые ревнивым взглядом мисс Оман, которая проводила нас до калитки.

Привратник, сидевший в маленькой стеклянной будочке при входе в библиотеку, внимательно осмотрел нас и пропустил в вестибюль, откуда мы прошли в огромный круглый читальный зал.

— Что мы будем сегодня делать? — спросил я, когда мы уселись на свободные места. — Вам надо просмотреть каталоги?

— Нет, все карточки у меня в сумочке. Книги уже дожидаются нас.

Я положил свою шляпу на полку, опустил в нее перчатки моей спутницы, и затем мы направились к стойке за необходимыми на сегодняшний день книгами. Это был счастливейший день в моей жизни. Я провел чудесных, ничем не омраченных два с половиной часа за блестящим, обтянутым кожей столом, быстро водя пером по страницам записной книжки. Это занятие ввело меня в новый мир — мир, в котором любовь и наука, нежная близость и седая старина перемешивались самым причудливым, самым невероятным и самым восхитительным образом.

До сих пор я ничего не знал об этой темной эпохе. Аменхотеп IV, этот замечательный еретик, был мне известен только по имени, хеттов я считал каким-то мифическим народом, неизвестно где обитавшим, а клинописные таблички представлялись мне чем-то вроде ископаемых сухарей, служивших пищей какому-нибудь доисторическому страусу.

Теперь все изменилось. Мы вплотную пододвинули наши скрипевшие стулья, и по мере того, как она шепотом (разговаривать вслух в читальном зале строго воспрещалось) передавала мне на ухо историю той беспокойной эпохи, разрозненные отрывки постепенно сливались в одну стройную захватывающую повесть.

В 2 ½ часа мы извлекли все содержимое шести объемистых томов.

— На деле вы оказались еще лучше, чем на словах, — сказала она. — Мне бы понадобилось два дня действительно усидчивой работы, чтобы сделать все эти выписки, которые успели сделать вы с тех пор, как мы начали работать. Я не знаю, как вас благодарить.

— Не стоит. Я занимался с величайшим удовольствием, и самая работа была для меня полезной практикой. Что же мы возьмем дальше? Нам ведь понадобятся какие-нибудь книги на завтра, не правда ли?

— Да, я составила список. Если вы пройдете со мной к каталогу, я отыщу номера и попрошу вас выписать карточки.

Выбор новой серии авторитетных трудов занял у нас еще с четверть часа, а затем, вернув те тома, из которых мы выжили все нам нужное, мы направились к выходу.

— Куда же мы пойдем? — спросила она, когда мы вышли из ворот, около которых стоял внушительный полисмен.

— Мы пойдем, — сказал я, — на Мьюзеем-стрит, там есть молочная, в которой можно получить чашку великолепно-го чая.

С минуту она была в нерешительности, потом послушно пошла со мной, и вскоре мы сидели рядом за маленьким мраморным столиком, перебирая все, что мы прочли за сегодняшний день, и обсуждая за чашкой чая различные интересные вопросы.

— Давно вы занимаетесь такой работой? — спросил я, беря из ее рук вторую чашку чая.

— Как профессией, — ответила она, — всего два года, с тех пор, как наши денежные дела резко ухудшились. Но и много раньше я нередко ходила в музей с дядей Джоном, тем самым, который исчез так таинственно, и помогала ему разыскивать разные справки. Мы были с ним большими друзьями.

— Он, вероятно, был очень ученый человек? — заметил я.

— В известном отношении, да. Для любителя-коллекционера он был очень образованный человек. Он знал египетские отделы всех музеев в мире и изучал их во всех подробностях. Но, главным образом, он интересовался вещами, а не событиями. Конечно, он знал очень много, чрезвычайно много по истории Египта, но все же прежде всего он был коллекционером.

— Что же станет с его коллекцией, если он действительно умер?

— Согласно завещанию, большая часть ее перейдет в Британский музей, остальное же он завещал своему поверенному, м-ру Джеллико.

— М-ру Джеллико? Почему? Что станет делать м-р Джеллико с египетскими древностями?

— О, он тоже египтолог, и очень рьяный. У него прекрасная коллекция скарабеев и разных мелких вещей, которые удобно хранить в частном доме. По-моему, это увлечение всем египетским и сблизило его с моим дядей. Хотя, кажется, он, кроме того, и прекрасный юрист, и во всяком случае он очень осмотрительный и осторожный человек.

— Разве? Я бы этого не сказал, судя по завещанию вашего дяди.

— В данном случае м-р Джеллико не виноват. Он уверял нас, что упрашивал дядю разрешить ему заново написать завещание, составив более разумный текст. Но, по его словам, дядя Джон ни за что не соглашался. Он действительно был очень упрям. М-р Джеллико слагает с себя всякую ответственность в этом деле. Он умывает руки и говорит, что это завещание составлено сумасшедшим. И это действительно так. Я просматривала его вчера или третьего дня и совершенно не понимаю, как мог здравомыслящий человек написать такой вздор.

— Значит, у вас есть копия? — живо спросил я, вспомнив напутственные слова Торндайка.

— Да. Вы хотели бы его видеть? Я знаю, отец мой говорил вам о нем. Его стоит прочесть, как любопытный образец бессмыслицы.

— Мне очень хотелось бы показать его моему другу, доктору Торндайку, — сказал я. — Он говорил, что ему было бы очень интересно прочесть его и познакомиться со всеми его пунктами. Хорошо было бы дать ему завещание и узнать, что он скажет!

— Я бы ничего не имела против, — ответила она, — но вы знаете моего отца, знаете, вероятно, его ужас перед тем, что он называет «выклянчиванием даровых советов».

— Ему не следует быть таким щепетильным. Доктор Торндайк хочет видеть завещание, потому что это дело его интересует. Он ведь энтузиаст и просит об этом, как о личном одолжении.

— Это очень мило и деликатно с его стороны, и я объясню все моему отцу. Если он согласится показать копию доктору Торндайку, то я пришлю или принесу ее вам сегодня же вечером. Вы кончили?

Я с сожалением сказал, что кончил, и, оплатив скромный счет, мы вышли.

— Что за человек был ваш дядя? — сразу же спросил я, как только мы очутились на тихой улице. И тут же поспешно добавил: — Я надеюсь, что вы не примете мой вопрос за назойливое любопытство, но в моем представлении ваш дядя является чем-то вроде мистической абстракции, неизвестной величиной какой-то юридической проблемы.

— Мой дядя Джон был очень странным человеком, — задумчиво ответила она. — Очень упрямым, очень своенравным — тем, что люди называют «властным». Безусловно, у него были большие причуды и странности.

— Именно такое впечатление и получается от его завещания, — сказал я.

— Да, и не только от завещания. Возьмите, например, эту нелепую пенсию, которую он назначил моему отцу. Это было не только смешно, но и несправедливо. Они должны были разделить все состояние поровну, как хотел мой дед. И в то же время он вовсе не был скупым, только он всегда хотел действовать непременно по-своему, и потому часто поступал и несправедливо, и странно.

— Мне вспоминается, — продолжала она после небольшой паузы, — один очень любопытный пример его странности и упрямства. Это — пустяк, но очень для него характерный. В его коллекции было одно очень красивое кольцо эпохи 18-й династии. Говорили, что оно принадлежало царице Ти, матери нашего приятеля Аменхотепа IV. Я сама этого не думаю, так как на кольце было изображение ока Озириса, а Ти, как вам известно, была поклонницей Атона. Это было прелестное кольцо, и дядя Джон, питавший ка-

кую-то странную привязанность к мистическому оку Озириса, заказал одному очень умелому ювелиру две точные копии с него — одну для себя, а другую для меня. Естественно, что ювелир пожелал снять мерку с наших пальцев, но дядя Джон и слышать не хотел об этом. Кольца должны были быть точными копиями, а, стало быть, непременно таких же размеров, как и оригинал. Вы, конечно, представляете себе, что получилось. Мое кольцо оказалось слишком велико, и я не могла его носить, а кольцо дяди Джона было так узко, что хотя ему и удалось его надеть, но уже нельзя было его снять. Он мог его носить только благодаря тому, что левая его рука была значительно меньше правой.

— Значит, вы никогда не носили своего кольца?

— Никогда. Я хотела его переделать, но дядя энергично восстал. Поэтому я его убрала, и до сих пор оно лежит у меня в футляре.

— Необыкновенно упрямый старик! — заметил я.

— Да, и очень упорный. Он также доставил много огорчений моему отцу теми бесполезными перестройками в нашем доме, когда он водворил там свой музей. У нас особое чувство к этому дому. Наши предки жили в нем с тех пор, как он был выстроен, т. е. в царствование королевы Анны, когда разбита была эта площадь ее имени. Это — милый старый дом. Хотите его посмотреть? Он тут, почти рядом.

Я с радостью согласился. Даже если бы это был угольный сарай или рыбная лавчонка, я все равно пошел бы туда с удовольствием для того лишь, чтобы продлить нашу прогулку. Но этот дом меня действительно интересовал, так как он имел отношение к таинственно исчезнувшему Джону Беллингэму.

Мы немедленно спустились по теневой западной стороне. На полпути моя спутница остановилась.

— Вот этот дом, — сказала она. — Он выглядит теперь мрачным и заброшенным. Но это был, наверное, самый восхитительный дом в те дни, когда мои предки из своих окон могли любоваться полями и лугами Хемпстэдских высот и Хайгэйта.

Она стояла на краю тротуара и внимательно смотрела на старый дом.

Мрачный, отталкивающий вид этого дома приковал и мое внимание. Все окна, начиная с подвального этажа и кончая чердаком, были закрыты ставнями. Не было заметно никаких признаков жизни. Массивная дверь в глубине великолепного резного портала была покрыта слоем сажи и казалась такой же вышедшей из употребления, как и проржавевшие тушилки, которыми ливрейные лакеи гасили факелы, когда в дни доброй королевы Анны какая-нибудь леди Беллингэм подымалась по ступенькам в своих раззолоченных носилках.

Мы молча направились домой. Моя спутница была погружена в глубокую задумчивость. Ее настроение заразило и меня. Как будто душа исчезнувшего человека вышла из этого большого безмолвного дома и присоединилась к нам.

Когда мы в конце концов подошли к воротам Невиль-Коурта, мисс Беллингэм остановилась и протянула мне руку.

— Большое, большое спасибо за вашу огромную помощь. Разрешите мне взять свою сумочку!

— Пожалуйста, если она вам нужна. Но только я выну записные книжки.

— Зачем? — спросила она.

— Как зачем? Ведь должен же я расшифровать свои записки.

Ее лицо приняло выражение крайнего смущения. Она была так поражена, что забыла даже высвободить свою руку.

— Боже мой! — воскликнула она. — Как это глупо с моей стороны. Но это совершенно невозможно, доктор Барклей, это отнимет у вас массу времени!

— Это вполне возможно, но ничего не поделаешь. В противном случае мои записки окажутся совершенно бесполезными. Вы возьмете сумочку?

— Конечно, нет. Но мне страшно неловко. Право, бросьте эту затею!

— Это значит конец нашей совместной работы, — трагическим тоном воскликнул я, пожав на прощание ее руку. Тут только она спохватилась и быстро выдернула ее.

— Неужели же вы хотите, чтобы пропал целый день работы? Я этого не хочу. А потому до свидания, до завтра! Я постараюсь прийти пораньше в читальный зал. А вы постарайтесь взять карточки. Да, и не забудьте, пожалуйста, о копии завещания для доктора Торндайка, хорошо?

— Хорошо. Если мой отец согласится, я пришлю вам ее еще сегодня вечером.

Она взяла у меня карточки и, еще раз поблагодарив меня, вошла во двор.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА БЕЛЛИНГЭМА

Работа, за которую я взялся с таким легким сердцем, оказалась действительно ужасающей, как сказала мисс Беллингэм. Для расшифровки записанного в течение двух с половиной часов при средней скорости около 100 слов в минуту требуется немало времени. А так как выписки надо было сдать аккуратно к завтрашнему дню, то терять времени было нельзя, поэтому я через пять минут по возвращении в амбулаторию уже сидел за письменным столом, разложив перед собой записки, и энергично расшифровывал стенографические значки и разобранное записывал четким почерком. Занятие это имело для меня немалую прелесть прежде всего потому, что все фразы, которые я писал, были полны нежных воспоминаний, напоминали мне о том, как она шепотом диктовала их мне. Да и сам предмет был для меня полон интереса. Мне открывались новые перспективы, я переступал порог нового мира (который был ее миром). И потому я далеко не был доволен, когда приход случайных пациентов отрывал меня от работы.

Вечер подходил к концу, а из Невиль-Коурта еще ничего не было слышно, и я уже начал опасаться, что щепетильность м-ра Беллингэма оказалась непреодолимой.

Но ровно в половине восьмого дверь амбулатории внезапно распахнулась, и в комнату вошла мисс Оман, держа в руках синий конверт с таким таинственным видом, как будто это был ультиматум.

— Я принесла это вам от м-ра Беллингэма, — сказала она. — Тут вложена записка.

— Вы мне разрешите прочесть ее, мисс Оман? — спросил я.

— Господи помилуй! — воскликнула она. — Да что же еще с ней делать? Ведь я для того ее и принесла.

Я согласился и, поблагодарив ее за любезное разрешение, быстро пробежал записку, — всего несколько слов, разрешавших мне показать копию завещания доктору Торндайку. Когда я поднял глаза, я заметил, что мисс Оман пристально и неодобрительно смотрит на меня.

— Вы, кажется, стараетесь быть приятным в известном доме? — заметила она.

— Я всюду стараюсь быть приятным. Таков уж у меня характер.

— Гм, — фыркнула она.

— Разве вы не считаете меня сколько-нибудь приятным? — спросил я.

— Сахар Медович, — сказала мисс Оман.

Затем, с кислой улыбкой посмотрев на разложенные записки, заметила:

— У вас теперь появилась новая работа. Это вносит большие изменения в вашу жизнь.

— Восхитительные изменения, мисс Оман. Сатана считает... ведь вы, без сомнения, знакомы с философскими трудами доктора Уотса?

— Если вы намекаете на «праздные руки»*, — ответила она, — то я вам дам один совет. Не позволяйте этой руке

* Здесь и выше обыгрывается строка из стих. английского священника, логика, теолога и поэта, автора многочисленных религиозных гимнов

бездействовать долее, чем это действительно необходимо. У меня есть кое-какие подозрения по поводу этого лубка... ну, да вы понимаете, что именно я хочу сказать?..

И прежде чем я имел возможность что-либо ей ответить, она воспользовалась приходом двух пациентов, чтобы прошмыгнуть из амбулатории с такой же поспешностью, с какой вошла.

Вечерний прием закончился, по обыкновению, около половины девятого. Я подумал о завещании. Следовало, по возможности не откладывая, препроводить его Торндайку, а так как этого нельзя было поручить постороннему, то отнести пакет должен был я сам. И, засунув его в карман, я сейчас же направился к Темплю.

Часы на здании казначейства тихо пробили три четверти, когда я постучался своей палкой в «запретную» дубовую дверь моих друзей. Ответа не последовало. Подходя к дому, я не видел света в окнах и стал подумывать о том, чтобы попытаться пройти через лабораторию на 2-м этаже, как вдруг услышал знакомые шаги и голоса на каменной лестнице.

— Браво, Барклей, — воскликнул Торндайк, — вы ждете здесь, словно пери у райских врат. Поульстон ведь сидит наверху над одним из своих изобретений. Если в другой раз вы найдете гнездышко пустым, подымайтесь прямо наверх и стучите в двери лаборатории. По вечерам он всегда там. Какие же новости вы принесли нам? Что я вижу? Не синий ли конверт торчит у вас из кармана?

— Именно.

— Это копия завещания? — спросил он.

Я ответил утвердительно и добавил, что получил разрешение показать ее ему.

— Ну, что я говорил? — воскликнул Джервис. — Разве я не говорил, что он раздобудет нам копию, если таковая существует?

И. Уотса (1674-1748) «Против праздности и зла», говорящая о том, что Сатана направляет праздные руки ко злу.

— Мы признаем все мастерство вашего прогноза, потому вам незачем хвастаться, — сказал Торндайк. — Прочли ли вы завещание, Барклей?

— Нет, я даже не вынимал его из конверта.

— В таком случае, оно будет одинаково ново для всех нас. Посмотрим, насколько оно соответствует вашему описанию.

Он поставил три кресла на удобном расстоянии от лампы, а Джервис, следивший за ним с улыбкой, заметил:

— Теперь Торндайк будет наслаждаться. Всякое непонятное завещание кажется ему прекрасным и может доставить ему огромное удовольствие, в особенности если здесь можно предполагать связь с каким-нибудь темным мошенничеством.

— Не знаю, действительно ли оно уж так непонятно, — сказал я. — Вся беда в том, что оно, кажется, слишком понятно. Во всяком случае, вот оно, — и я передал конверт Торндайку.

— Я полагаю, что мы можем вполне положиться на эту копию, — сказал он, вынимая документ и просматривая его.

— Ну, конечно, — добавил он, — копия сделана Годфри Беллингэмом, сличена с оригиналом и засвидетельствована. В таком случае, Джервис, я попрошу вас немедленно прочесть ее нам, а я наскоро буду делать заметки для справок. Сядем поудобнее и закурим трубки, а потом приступим к чтению.

Он взял бювар и, когда мы расположились в креслах и зажгли трубки, Джервис развернул завещание и, предварительно откашлявшись, приступил к чтению этого, в общих чертах уже известного читателям, документа.

Завещание состояло из трех пунктов. В первом — поверенному завещателя, м-ру Джеллико, отказывались коллекция печатей и скарабеев и сумма в 2000 ф. стерлингов, Джорджу Хёрсту — сумма в 5000 фунтов, а Годфри Беллингэму все остальное движимое и недвижимое состояние. Пункт второй ставил условием получения Годфри Беллингэмом наследства — погребение на одном из нескольких поименованных здесь кладбищ. И, наконец, пункт третий в

случае невыполнения этого условия передавал долю, предназначавшуюся Годфри, Хёрсту.

— Ну вот, — сказал Джервис, окончив чтение. — Мне приходилось видеть много идиотских завещаний, но это перещеголяло их все. Я не представляю себе, как можно будет привести его в исполнение? Один из двух душеприказчиков является чистой абстракцией, чем-то вроде алгебраической задачи, не имеющей решения.

— Думаю, что эту трудность можно будет преодолеть, — сказал Торндайк.

— Не вижу, каким образом, — возразил Джервис. — Если тело будет похоронено в определенном месте, то некто А становится душеприказчиком, если же в другом месте, — то таковым станет некто В. Но тело не может быть найдено, никто не имеет ни малейшего представления, где оно находится, следовательно, невозможно доказать, находится ли оно или не находится в определенном месте.

— Вы преувеличиваете, Джервис, — сказал Торндайк. — Тело, конечно, может находиться в любом месте земного шара, но место, в котором оно находится, может быть или в пределах или вне пределов данных двух приходов. Если оно было погребено в пределах этих двух приходов, то факт этот можно установить, просмотрев отметки о похоронах с того дня, когда в последний раз видели живым пропавшего, и справившись с регистрами указанных мест погребения. Если не будет найдено никаких показаний, что погребение имело место в одном из этих двух приходов, суд примет этот факт как доказательство, что погребения там не было совершено и что тело находится в каком-нибудь другом месте. В результате Джордж Хёрст станет вторым душеприказчиком и наследником всего имущества.

— Нечего сказать, утешительная перспектива для ваших друзей, Барклей! — заметил Джервис. — Мы ведь наверняка можем сказать, что тело не было погребено ни в одном из вышеупомянутых мест.

— Да! — угрюмо согласился я. — Боюсь, что в этом нет почти никакого сомнения. Но какая бессмыслица! Пусть уж этому человеку так хотелось, чтобы его похоронили в

каком-нибудь из облюбованных им мест, все равно он не должен был делать таких нелепых распоряжений.

— В этом я вполне с вами согласен, — заметил Торндайк. — Нелепый текст завещания не только создает массу осложнений, но и делает этот документ весьма знаменательным, если принять во внимание загадочное исчезновение завещателя.

— В каком отношении он делает его знаменательным? — живо спросил Джервис.

— Рассмотрим последовательно все пункты завещания, — сказал Торндайк, — и прежде всего обратим внимание на тот факт, что завещатель имел под рукой очень сведущего адвоката.

— Но м-р Желлико не одобрял завещания, — сказал я. — Он даже энергично возражал против его текста.

— Мы это тоже будем иметь в виду, — ответил Торндайк. — Теперь обратимся к этим условным пунктам. Первое, что бросается в глаза, это — чудовищная несправедливость. Все наследство Годфри условно и зависит от того, где будет погребено тело завещателя. А между тем удовлетворение этого требования зависит не исключительно от Годфри. Завещатель мог, например, утонуть в море, погибнуть во время какого-нибудь пожара или взрыва или, наконец, мог умереть за границей и быть похороненным в таком месте, где нельзя было бы отыскать его могилу. Таких возможностей бесконечно много, не говоря уже о том маловероятном казусе, который произошел в действительности. Но даже если бы тело и было найдено, есть еще одно затруднение. Кладбища вышеупомянутых приходов уже закрыты в течение многих лет. Без особого разрешения едва ли можно будет похоронить там тело, и я сомневаюсь, можно ли добиться разрешения, даже если подвергнуть тело кремации. Во всяком случае, не от Годфри Беллингэма все это будет зависеть. А между тем, если там нельзя будет совершить погребения, он лишается наследства.

— Это — чудовищная и нелепая несправедливость! — воскликнул я.

— Да, — согласился Торндайк, — но это еще ничто в сравнении с абсурдом, на который мы наталкиваемся при детальном рассмотрении пунктов 2-го и 3-го. Обратите внимание: завещатель хотел быть погребенным в определенном месте, он также хотел, чтобы брат его получил наследство. Но если мы внимательно прочтем пункты 2-й и 3-й, мы увидим, что он сделал фактически невозможным выполнение своей воли. Он желает быть погребенным в определенном месте и выполнение своей воли возлагает на Годфри. Но он не дает Годфри никаких полномочий и ставит ему на пути непреодолимые препятствия. Ведь до тех пор, пока Годфри не станет душеприказчиком, он не имеет ни власти, ни полномочий, чтобы привести в исполнение завещание, а до тех пор, пока все условия не будут выполнены, он не может стать душеприказчиком.

— Ужасная чепуха! — воскликнул Джервис.

— Да, но это еще не самое худшее, — продолжал Торндайк. — С момента смерти Джона Беллингэма на сцену выступает его труп, который будет где-то погребен, где бы он ни умер. Но если он не умер в одном из упомянутых приходов, — что в высшей степени невероятно, — его тело в настоящее время погребено где-нибудь в другом месте. В таком случае условия пункта второго не выполнены в настоящее время, и, следовательно, Джордж Хёрст автоматически становится вторым душеприказчиком.

Но выполнит ли Джордж Хёрст условия второго пункта? Вероятно, нет. Зачем ему? В завещании нет никаких указаний на это. Он возлагает все обязанности на Годфри. С другой стороны, если Хёрст выполнит условия второго пункта, он перестанет быть душеприказчиком и потеряет наследство в 70000 фунтов стерлингов. Мы можем быть вполне уверены, что он не сделает ничего подобного. Таким образом, рассмотрев оба эти пункта, мы видим, что воля завещателя может быть выполнена только в том случае, если бы он умер в одном из упомянутых приходов, или если бы тело его было препровождено сейчас же после смерти на одно из кладбищ этих приходов. Во всех других случаях совершенно очевидно, что он будет похоронен в каком-нибудь

ином месте, а не в том, в котором ему хотелось бы, — и в таком случае брат его останется ни с чем.

— По-моему, Джон Беллингэм никогда не мог иметь этого в виду, — сказал я.

— Очевидно, нет, — согласился Торндайк. — Это явствует из самого завещания. Обратите внимание, он завещает 5000 фунтов стерлингов Джорджу Хёрсту в том случае, если будут выполнены условия второго пункта. Но он ничего не завещает своему брату в том случае, если они не будут выполнены. Очевидно, он и не допускал такой возможности.

— Но, — возразил Джервис, — Джеллико ведь предвидел возможность недоразумений и указал на них своему клиенту.

— Вот именно, — сказал Торндайк. — Тут есть какая-то загадка. Насколько нам известно, он энергично возражал, но Джон Беллингэм был непреклонен. Можно понять, что человек упорно настаивает на самом глупом и нелепом распределении своего имущества, но чтобы он настаивал на сохранении определенного текста завещания после того, как ему было доказано, что такой текст несомненно уничтожит его же собственные распоряжения?.. Нет, здесь кроется какая-то загадка, к которой необходимо отнестись очень внимательно!

— Если бы Джеллико был заинтересованной стороной, — сказал Джервис, — то можно было бы заподозрить, что он принимал в этом участие. Но условия второго пункта ни в какой мере его не затрагивают.

— Нет, — сказал Торндайк, — извлечет выгоду из всей этой путаницы один только Джордж Хёрст. Но, насколько мне известно, он не был знаком с условиями завещания, и у нас нет никаких данных считать его так или иначе ответственным за эту путаницу.

— Теперь практический вопрос, — сказал я. — Что же будет дальше? И что можно сделать для Беллингэмов?

— Весьма возможно, — ответил Торндайк, — что Хёрст предпримет какие-нибудь шаги. Он является непосредственно заинтересованной стороной. Он, вероятно, обратится

в суд, чтобы добиться разрешения признать смерть и привести в исполнение завещание.

— А суд что скажет?

Торндайк усмехнулся.

— Решения суда зависят от его идиосинкразии, от его темперамента, и предугадать их нельзя. Могу сказать одно: суд неохотно дает разрешение признать факт смерти. Конечно, будет произведено энергичное расследование — без сомнения, крайне неприятное: суд будет тщательно проверять все доказательства, причем будет, конечно, сильно склонен считать завещателя живым. Но, с другой стороны, известные факты говорят за то, что он умер, и будь завещание менее запутано, а заинтересованные лица — единоклупны в поддержании ходатайства, — ходатайство их могло бы быть удовлетворено.

Но, конечно, в интересах Годфри следует опротестовать это ходатайство, раз он не в состоянии представить доказательства, что условия пункта второго выполнены. Может быть, он в состоянии выставить какие-нибудь соображения, говорящие за то, что Джон еще жив. Но, во всяком случае, его протест как лица, которому завещатель намеревался оставить все свое имущество, будет иметь большой вес в глазах суда.

— Неужели? — воскликнул я. — Тогда становится понятным странный поступок Хёрста. Какой я болван! Я совершенно забыл рассказать вам о нем! Хёрст пытался прийти к любовному соглашению с Годфри Беллингэмом.

— Да? — сказал Торндайк. — К какому же соглашению?

— Он предложил следующее: Годфри должен будет поддерживать перед судом его и Джеллико ходатайство о признании факта смерти и о приведении в исполнение завещания. Если их ходатайство будет удовлетворено, Хёрст обязуется выплачивать Годфри 400 фунтов стерлингов в год до самой его смерти, причем это соглашение должно оставаться в силе, какие бы случайности потом ни последовали.

— Что он под этим подразумевает?

— То, что если тело будет со временем найдено и условия пункта второго будут выполнены, Хёрст сохранит за собой все имущество и будет продолжать выплачивать Годфри 400 фунтов стерлингов в год.

— Хо-хо! — воскликнул Торндайк, — это предложение очень и очень странное!

— Чтобы не сказать «подозрительное», — добавил Джервис. — Я не думаю, чтобы суд одобрил такую сделку.

— Закон не одобряет сделок, целью которых является обход каких-нибудь пунктов завещания, — ответил Торндайк. — Впрочем, ничего нельзя было бы возразить против предложения Херста, не будь в нем оговорены «все случайности». Если завещание совершенно невыполнимо, то здравый смысл рекомендует всем наследникам прийти к какому-нибудь полюбовному соглашению во избежание излишней судебной волокиты. Если бы, скажем, Хёрст предложил выплачивать Годфри 400 фунтов стерлингов в год до тех пор, пока тело не будет найдено, но при условии, что в случае нахождения его Годфри в свою очередь будет выплачивать ему такую же сумму, то возражать было бы нечего. Но оговорка насчет «всех случайностей» существенно меняет дело. Конечно, может быть, здесь простая жадность, но во всяком случае это наводит на некоторые весьма интересные размышления.

— Конечно, — сказал Джервис, — желал бы я знать, есть ли у него какие-нибудь основания предполагать, что тело будет найдено? Отсюда, конечно, не следует, что они у него есть. Возможно, что он просто хочет воспользоваться бедственным положением Беллингэма, чтобы прибрать в свои руки все состояние.

— Если я не ошибаюсь, Годфри отклонил его предложение? — спросил Торндайк.

— Да, отклонил, и очень решительно. Мне кажется, что они наговорили друг другу много неприятных вещей по поводу самого исчезновения Джона.

— А! — протянул Торндайк. — Это жаль. Если дело пойдет в суд, оно неизбежно вызовет много неприятных прений и еще больше неприятных газетных толков. И раз у

заинтересованных лиц уже вкрались подозрения относительно друг друга, то решительно ничего нельзя сказать, чем дело может кончиться.

— Совершенно верно, черт возьми! — воскликнул Джервис.

— Мы должны попытаться удержать их от излишнего скандала, — сказал Торндайк. — Но вернемся к вашему вопросу, Барклей. Что же делать? Хёрст, наверно, скоро предпримет какие-нибудь шаги. Не знаете ли вы, будет ли Джеллико на его стороне?

— Нет, не будет. Он отказывается предпринимать какие-либо шаги без согласия Годфри, по крайней мере, он так говорит теперь. Он сохраняет самый корректный нейтралитет.

— Это хорошо, — сказал Торндайк. — Хотя он может совершенно переменить позицию, когда дело дойдет до суда. Из того, что вы сказали, я заключаю, что Джеллико предпочел бы привести в исполнение завещание и покончить с этим делом. Это вполне естественно, поскольку он получит по завещанию две тысячи фунтов стерлингов и ценную коллекцию. Поэтому мы не сделаем большой ошибки, если примем, что хотя Джеллико и будет сохранять видимый нейтралитет, все же он скорее будет действовать в интересах Хёрста, чем в интересах Беллингэма. Отсюда вывод: что Беллингэму необходим хороший советчик, а если дело пойдет в суд, — то хороший адвокат.

— Он не имеет средств ни для первого, ни для второго, — сказал я. — Он беден, как церковная крыса, а горд, как черт. Безвозмездной помощи адвоката он не примет.

— Гм... — промычал Торндайк, — это очень некстати. Не можем же мы допустить, чтобы Беллингэм проиграл дело за неимением профессионального адвоката. Это одно из самых интересных дел, какие когда-либо мне попадались, и я не хочу, чтобы оно шло кое-как. Не думаю, чтобы он стал возражать против дружеского неофициального совета, а нам ничто не может помешать начать производить кое-какие предварительные разведки.

— Какого характера?

— Для начала мы должны убедиться, что условия пункта второго не были выполнены, что Джон Беллингэм не был погребен в пределах упомянутых им приходов. Очевидно, он не был там погребен, но мы все-таки ничего не должны принимать на веру. Затем мы должны удостовериться, что его уже нет в живых и что тело его не может быть найдено. В конце концов, ведь не исключена возможность, что он еще жив — и наше дело напасть на его след. Мы с Джервисом можем навести эти справки, не говоря ни слова Беллингэму. Мой ученый собрат может просмотреть записи погребений, не забывая и крематориев, в самом Лондоне, а я возьму на себя все остальное.

— Неужели вы действительно думаете, что Джон Беллингэм может быть еще жив? — сказал я.

— Раз его тело не было найдено, такая возможность не исключена. Сам я считаю это в высшей степени невероятным, но это невероятное необходимо проверить, прежде чем откинуть такую возможность.

— Эти розыски мне представляются безнадежными, — заметил я. — С чего же вы предполагаете начать?

— Я думаю начать с Британского музея. Люди, служащие там, могут дать какие-нибудь указания относительно его переездов. Я знаю, что сейчас производятся очень важные раскопки в Гелиополисе; сам директор Египетского отдела находится в настоящее время там, а доктор Норбери, который временно его замещает, — старинный друг Джона Беллингэма. Я зайду к нему и постараюсь разузнать, не было ли чего-либо, что могло бы внезапно заставить Джона Беллингэма уехать за границу, — в Гелиополис, например? Может быть, он в состоянии будет мне сказать, что именно побудило пропавшего предпринять свою последнюю, весьма загадочную поездку в Париж. Он может дать нам очень важную нить. Между тем, Барклея, вы, со свойственным вам тактом, должны попытаться примирить вашего друга с тем, что он должен разрешить вам приняться за это дело. Объясните ему, что я делаю это исключительно в целях обогащения своих же собственных познаний.

— С вашей стороны чрезвычайно любезно принимать такое участие в деле моих друзей, — сказал я. — Будем надеяться, что они не станут глупо упорствовать, не желая поступаться своей гордостью.

— Вот что я вам скажу! — воскликнул Джервис. — Мне пришла в голову блестящая мысль. Вы устройте у себя маленький ужин и позовете нас и Беллингэмов. За ужином мы с вами атакуем старика, а Торндайк употребит все свое красноречие, чтобы убедить дочь. Эти убежденные и неисправимые старые холостяки, вы знаете, совершенно неотразимы.

— Видите ли, мой уважаемый младший коллега обрекает меня на вечное безбрачие, — заметил Торндайк. — Но, — добавил он, — его предложение действительно очень хорошо. Дружеская беседа за ужином даст нам возможность великолепно объяснить ему все.

— Да! — сказал я. — Именно так. Мне самому эта мысль очень нравится. Только я не смогу этого устроить в ближайшие дни, так как у меня сейчас есть работа, которая занимает все мое свободное время.

Оба моих друга вопросительно посмотрели на меня, и я вынужден был рассказать им всю историю с порезанной рукой и с Тель-Эль-Амарнскими письменами.

ИДИЛЛИЯ В МУЗЕЕ

Благодаря ли тому, что ежедневная практика восстановила мою прежнюю стенографическую беглость, или же просто мисс Беллингэм переоценила количество предстоящей нам работы, но на 4-й день наша работа была почти закончена, и я готов был молить судьбу, чтобы она еще хоть немного продлилась, чтобы лишний раз понадобилось идти в читальный зал. Хотя наш совместный труд продолжался очень недолго, но он успел внести большие изменения в

наши отношения. Самая близкая, самая лучшая дружба создается общностью работы и, по крайней мере, между мужчиной и женщиной такая дружба — наиболее искренняя и здоровая. Каждый день, приходя в музей, я находил целую грудку книг с отмеченными местами и приготовленными записными книжками в синих переплетах. Каждый день мы усердно занимались выписками, потом возвращали книги, вместе выходили, затем пили чай в молочной и, наконец, отправлялись домой, обсуждая сделанную за день работу и говоря о тех далеких временах, когда царствовал Эхнатон и писались Тель-Эль-Амарнские таблички.

Хорошее это было время, такое чудесное, что, передавая в последний раз книги, я вздохнул при мысли, что теперь все позади. Впрочем, работа была уже закончена, и рука моей прелестной пациентки поправилась. Сегодня утром я снял лубок, и она более не нуждалась в моей помощи.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил я, когда мы вышли в главный зал. — Идти пить чай слишком рано. Не пройтись ли нам по галерее?

— Почему бы нет? — ответила она. — Мы можем посмотреть предметы, связанные с нашей работой. Наверху, например, в III Египетском зале есть рельефное изображение Эхнатона. Пойдемте туда.

Я охотно согласился и отдал себя в распоряжение своей умелой руководительницы; мы направились через Римскую галерею, минуя длинный ряд римских императоров с малооригинальными лицами, похожими на современные.

— Я не знаю, — сказала она, останавливаясь перед бюстом Траяна, — как и благодарить вас за все, что вы для меня сделали, не говоря уже о том, что я никогда не смогу отплатить вам.

— Это совсем не нужно, — возразил я. — Работать с вами доставило мне огромное удовольствие — в этом моя награда. Но все же, — добавил я, — если вы захотите, то в вашей власти сделать мне большое одолжение.

— Какое же?

— Оно имеет связь с моим другом, Торндайком. Я ведь говорил вам, что он энтузиаст. По некоторым причинам

он крайне заинтересован тем, что касается вашего дяди, а если начнется судебная процедура, он очень хотел бы быть в курсе этого дела и давать дружеские советы.

— Чего же вы от меня хотите?

— Вот чего. Если Торндайку представится какая-нибудь возможность быть полезным вашему отцу, вы должны употребить все свое влияние, чтобы м-р Беллингэм принял, а не отклонил его помощь, конечно, если вы сами ничего не имеете против.

Несколько мгновений мисс Беллингэм задумчиво смотрела на меня, а затем тихо рассмеялась.

— Большая любезность, которую я должна вам оказать, сводится к тому, чтобы позволить вам сделать нам еще большую любезность через посредство вашего друга.

— Нет, — запротестовал я. — Вы ошибаетесь. Доктором Торндайком руководит совсем не доброжелательство, а профессиональный интерес.

Она скептически улыбнулась.

— Вы не верите? — продолжал я. — Возьмем другой случай. Почему хирург встает ночью с постели, чтобы сделать экстренную операцию в госпитале? Ему не платят за это. Неужели вы думаете, что это альтруизм?

— Конечно, да. А разве нет?

— Конечно, нет. Он поступает так потому, что это — его дело, потому что его обязанность — бороться с болезнями и побеждать их.

— Не вижу большой разницы, — сказала она. — Работа эта делается из любви к ней, а не из-за оплаты. Тем не менее, я сделаю так, как вы хотите, если это понадобится. Но не буду считать, что отплачиваю вам этим за вашу любезность.

— Мне все равно, лишь бы вы это сделали, — сказал я, и некоторое время мы молча продолжали свой путь,

— Не правда ли, как странно, — сказала она, — наш разговор всегда возвращается к моему дяде. Ах, кстати! Это напомнило мне, что те экспонаты, которые он пожертвовал музею, находятся в той же комнате, где и изображение Эхнатона. Не хотите ли их посмотреть?

— С большим удовольствием.

— Тогда пойдемте сначала осмотрим их. — Она остановилась, а потом робко добавила, краснея:

— Мне хотелось бы представить вам одного своего милого старого друга, — конечно, если вы мне это позволите. — Последние слова она добавила очень поспешно, видя, что я не слишком обрадован ее предложением. В душе я посылал этого друга к черту, особенно, если он был мужского пола.

Ее робкий взгляд и румянец, вспыхнувший на ее лице, когда она заговорила, были для меня зловещими предвестниками, которые заставили меня мрачно задуматься, в то время как мы подымались по лестнице и миновали широкую арку. Я боязливо взглянул на свою спутницу и встретил ее спокойную непроницаемую улыбку. В этот момент она остановилась против стеной ниши и повернулась ко мне.

— Вот мой друг! — сказала она. — Позвольте представить вам Артемидора из Фаюма. Не смейтесь! — заметила она. — Я говорю совершенно серьезно. Разве вы никогда не слыхали о благочестивых католиках, которые поклоняются какому-нибудь давно умершему святому? К Артемидору у меня именно такое чувство, и если бы вы только знали, сколько утешения он мне доставил в моем одиночестве. Вам это кажется смешным, — закончила она с оттенком разочарования, так как я продолжал молчать.

— Вовсе нет, — ответил я серьезно. — Я вполне вас понимаю, но только не знаю, как выразить это.

— Не важно, что вы не находите слов, лишь бы вы это почувствовали. Я так и думала, что вы меня поймете. — И она улыбнулась мне так, что радостная дрожь пробежала по всему моему телу.

— Нам не следует, однако, задерживаться, если вы хотите посмотреть еще дар моего дяди, так как тот зал закрывается сегодня в 4 часа.

Она перешла в другой зал, где остановилась перед большим, вделанным в пол ящиком, в котором находились мумия и большое количество других предметов. На черной

дощечке большими буквами было перечислено все содержимое этого ящика, а также стояло нижеследующее краткое пояснение.

«Мумия Себек-Хотепа, писца эпохи 22-й династии, и различные предметы, найденные в его могиле. В числе их находятся 4 канопских сосуда, в которых хранились вынутые при бальзамировании внутренности, фигурки ушебти, провизия для покойника и различные предметы, ему принадлежавшие: его любимый стул, подушка, его дощечка с письменными принадлежностями, на которой написано его собственное имя и имя фараона Осоркона I, в царствование которого он жил; и различные другие предметы. Дар Джона Беллингэма, эсквайра».

— Они соединили все предметы в одном месте, — пояснила мисс Беллингэм, — чтобы показать содержимое могилы человека, принадлежавшего к высшему классу. Вы видите, как человек заботился о своем посмертном комфорте: он запасался провизией, соответствующей обстановкой, дощечкой с письменными принадлежностями, которыми он привык писать на папирусе, и рядом слуг.

— Где же слуги? — спросил я.

— А вот эти маленькие фигуры — ушебти, — отвечала она. — Это прислужники покойника в загробном мире. Странная идея, не правда ли? А впрочем, все это последовательно и разумно, если уже принимать веру в продолжение личного существования независимо от тела.

— А маска на крышке — всегда портрет, не правда ли?

— Да, в сущности, даже больше, чем портрет. До известной степени это — само лицо покойника. Эта мумия заключена в пелену, сделанную по фигуре. Пелена состоит из целого ряда слоев, льняных или папирусных, соединенных клеем или цементом, а когда пелена была пригнана по мумии, ее примуравливали к телу, поэтому часто она рисовала общие контуры как лица, так и тела. Когда цемент просыхал, пелена покрывалась тонким слоем штукатурки, а лицо делалось еще рельефнее. Затем рисовались украшения и делались надписи. Таким образом, в этой пелене тело было спрятано, словно орех в скорлупе, в отличие от бо-

лее древних обычаев, когда мумию просто обматывали тканями и клали в деревянный гроб.

В эту минуту мы услышали вежливый голос, певучим шепотом возвещавший, что наступило время закрытия музея. Нам захотелось чаю, и мы вспомнили о гостеприимной молочной.

Мы вышли из музея раньше обыкновенного; к тому же это был наш последний день. Поэтому мы пили чай, не торопясь, и долго засиделись в молочной. На обратном пути наше внимание было привлечено ярко освещенным плакатом на одном из газетных киосков. На нем была следующая сенсационная надпись:

«Еще кое-что об убитом человеке».

Мисс Беллингэм вздрогнула, взглянув на плакат.

— Какой ужас, не правда ли? — сказала она. — Читали вы об этом?

— Я не видел газет за последние дни, — ответил я.

— Ну да, конечно, нет. Вы были прикованы к своим несчастным записям. Мы редко читаем газеты, мы не покупаем их, но мисс Оман последнее время снабжала нас ими. Она — прямо вампир. Она наслаждается какими угодно ужасами, и чем ужаснее, тем лучше.

— Но что же там было найдено? — спросил я.

— Там были найдены останки какого-то человека, который был убит и разрезан на куски. Это ужасно. Меня дрожь охватывала при чтении. Я невольно подумала о бедном дяде Джоне. Что же касается отца, то он совсем расстроился.

— Вы говорите о костях, найденных в кресс-салатных грядах в Сидкепе?

— Да, но были найдены и другие кости. Полиция энергично принялась за розыски. По-видимому, она действует систематически, и в результате были обнаружены еще некоторые части тела, разбросанные в различных местах: в Сидкепе, в Ли, и у св. Мэри Крей, а вчера в газетах появилось сообщение, что в одном из прудов, в так называемом Кукушкином колодце, недалеко от нашего старого дома, бы-

ла найдена рука.

— Как? В Эссексе? — воскликнул я.

— Да, в Эппингском лесу, совсем рядом с Удфордом. Подумайте, какой ужас! Ведь эти куски, наверное, зарыли, пока мы еще жили там. Это и привело в ужас моего отца. Когда он прочел это последнее сообщение, то расстроился до такой степени, что собрал все газеты в охапку и вышвырнул их в окно. Они перелетели через ограду, и бедной мисс Оман пришлось бегать за ними и собирать их по двору.

— Как вы думаете, он подозревает, что эти останки могут быть останками его брата?

— Думаю, что да, хотя он и не говорит ничего, а я, конечно, сама об этом не заговаривала. Мы все время поддерживаем друг друга в уверенности, что дядя Джон еще жив.

— А сами вы в это верите?

— Боюсь, что нет. Я убеждена, что и отец мой не верит, но не хочет в этом признаться.

— Не помните ли вы случайно, какие именно кости были найдены?

— Нет, не помню. Знаю только, что в Кукушкином колодце была найдена рука, а в пруду около св. Мэри Крей, если не ошибаюсь, была найдена берцовая кость. Если это вас интересует, мисс Оман может дать вам исчерпывающие сведения. Она рада будет найти в вас родственную душу, — добавила с улыбкой мисс Беллингэм.

— Не знаю, приятно ли мне было иметь родственную душу с вампиром, — сказал я, — и притом с таким сварливым вампиром.

— О, не браните ее, доктор Барклей, — сказала мисс Беллингэм. — У нее сварливый характер, но она необыкновенно добра и отзывчива и в сущности отличается ангельской кротостью.

— Я вовсе не хотел ее бранить. Напротив, мне она всегда очень нравилась.

— Вот и прекрасно. А теперь не зайдете ли к нам на минутку поболтать с моим отцом?

Я охотно согласился, тем более, что мне хотелось поговорить с мисс Оман насчет провизии для ужина, но я не

желал обсуждать этот вопрос в присутствии моих друзей. Поэтому и зашел к ним, болтая с м-ром Беллингэмом, главным образом о нашей работе в музее, пока не настало время идти в амбулаторию.

Простившись с Беллингэмами, я с намеренной медлительностью начал спускаться по лестнице, стараясь как можно больше скрипеть сапогами. Я не обманулся в расчетах. Как только я подошел к комнате мисс Оман, дверь приоткрылась и оттуда высунулась ее голова.

— Будь я на вашем месте, я переменяла бы сапожника, — сказала она.

Я подумал об ее «ангельской кротости» и чуть было не приснул ей в лицо.

— Не сомневаюсь в этом, мисс Оман. — Но тут я вспомнил о своем намерении и сразу сделался серьезным.

— Мисс Оман, мне хочется посоветоваться с вами по одному важному делу, — важному для меня, по крайней мере. (На это она кивнет, подумал я. Так и оказалось.)

— В чем дело? — живо спросила она. — Только не стойте здесь, где всякий может услышать нас. Зайдите ко мне и присядьте.

Мне совсем не хотелось беседовать здесь, да и времени у меня не было. Поэтому я принял таинственный вид и сказал:

— Не могу, мисс Оман. Я должен идти в амбулаторию. Но если вы случайно будете проходить мимо и у вас будет несколько свободных минут, я буду вам очень признателен, если вы туда заглянете. Я совершенно не знаю, как мне поступить!

— Я думаю. Вообще мужчины это редко знают. Но вы лучше большинства мужчин. Вы понимаете, что находитесь в затруднительном положении, и у вас хватает ума посоветоваться с женщиной. Но в чем же дело? Может быть, я могу пока все обдумать?

— Видите ли, — начал я уклончиво. — Тут все очень просто, но я не могу как следует... Ах, черт возьми! — добавил я, взглянув на часы. — Мне надо бежать, иначе меня будет

дожидаться целая толпа. — С этими словами я быстро скрылся, предоставив ей терзаться любопытством.

СФИНКС ИЗ ЛИНКОЛЬН-ИННА

В 26 лет нельзя претендовать на большую жизненную опытность, однако и того знания человеческой природы, которое я успел уже приобрести, было достаточно для уверенности, что визит мисс Оман последует не позднее сегодняшнего вечера. Я не ошибся. Не было и семи часов, как стук у входной двери возвестил о ее прибытии.

— Я случайно проходила мимо, — объяснила она, — (я постарался подавить улыбку) и потому решила зайти к вам узнать, о чем именно вы хотели со мной посоветоваться?

Она села на стул, предназначенный для пациентов, и, положив на стол пачку газет, выжидательно посматривала на меня.

— Благодарю вас, мисс Оман, — сказал я. — Как мило, что вы зашли ко мне. Мне очень совестно, что я побеспокоил вас по такому пустячному делу.

Она нетерпеливо постучала пальцами по столу.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом! — воскликнула она. — О чем именно вы хотели посоветоваться со мной?

Я рассказал ей о затруднениях, связанных с предстоящим ужином, и по мере того, как я говорил, на ее лице начало появляться выражение разочарования и даже отвращения.

— Не понимаю, почему вы делаете такую тайну из этого, — угрюмо заметила она.

— Я вовсе не хотел делать из этого тайны. Я только боялся тут напутать. Видите ли, если я поручу все мисс Деммер, она, наверное, подаст тепловатое ирландское рагу с застывшим салом и жирный гуттаперчевый пудинг, или что-нибудь в этом роде, да вдобавок весь дом перевернет

вверх дном. Потому я и думал устроить холодную закуску и заказать все в ресторане. Но я не хочу, чтобы получилось впечатление, будто я делал огромные приготовления.

— Никто не подумает, что все это свалилось с неба, — сказала мисс Оман.

— Полагаю, что нет. Но вы понимаете, что я хочу сказать. Так вот, где вы посоветуете мне купить все необходимое?

Мисс Оман задумалась.

— Лучше предоставьте все это мне, — решила она наконец.

Я именно этого и добивался и с благодарностью согласился, нисколько не заботясь о чувствах мисс Деммер. Я дал ей два фунта, и, пожурив меня за мою расточительность, она положила их в свой кошелек. Потом она строго посмотрела на меня и, поджав губы, заметила:

— Вы очень ловкий молодой человек.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Ваши гулянья по музеям под предлогом работы, — продолжала она, — с молоденькими и хорошенькими девицами, работа, действительно? Я слышала, как она рассказывала об этом своему отцу. Она думает, что вы действительно очарованы всеми этими мумиями, высушенными кошками, каменными осколками и всем прочим хламом.

— Послушайте, мисс Оман... — начал я.

— Пожалуйста, не возражайте, — огрызнулась она. — Я все вижу. Меня-то вы не проведете. Воображаю, как вы глазеете на эти стеклянные шкафы, как поддакиваете ей, а сами слушаете ее с разинутым ртом и выпученными глазами и сидите у ее ног — ну разве я не права?

— Насчет сиденья у ее ног, — сказал я, — могу сказать, что это легко могло случиться благодаря адски скользким музейным полам. Но я, действительно, прекрасно провел время и снова туда пойду, если только можно будет. Мисс Беллингэм самая умная, самая совершенная женщина, с какой я когда-либо разговаривал!

Я сказал это нарочно для мисс Оман, зная, что ее восхищение и преданность могли сравниться только с моими.

Ей очень хотелось что-нибудь возразить мне, но это было невозможно. Чтобы скрыть свое поражение, она схватила пачку газет и развернула их.

— Что такое «гибернация»? — вдруг спросила она.

— Гибернация? — воскликнул я.

— Да, они обнаружили следы этого на одной из костей, найденной в пруду в местности св. Мэри Крей, и такой же след имеется на кости, найденной где-то в Эссексе. Поэтому мне хотелось бы знать, что такое «гибернация».

— Может быть, было какое-нибудь другое слово? — спросил я.

— В газетах говорится «гибернация». Если же вы не знаете, что это значит, так и скажите. Ничего постыдного в вашем незнании нет.

— Ну хорошо, в таком случае сознаюсь: я не знаю.

— Тогда лучше прочтите газеты и постарайтесь догадаться, — сказала она и немного погодя спросила:

— Вы любите убийства? Что касается меня, то я их ужасно люблю.

— Какой вы ужасный вампир! — воскликнул я.

— Я прошу вас выбирать свои выражения. Понимаете ли вы, что я могла бы быть вашей матерью?

— Не может быть! — воскликнул я.

— Факт, — сказала мисс Оман.

— Ну, как бы там ни было, — сказал я, — возраст еще не все, что требуется. И, кроме того, вы опоздали. Вакансия уже занята.

Мисс Оман швырнула газеты на стол и поспешно встала.

— Лучше почитайте газеты и постарайтесь набраться ума-разума, — строго сказала она, повернувшись, чтобы уходить.

— Да, не забудьте про палец, — живо добавила она. — Вот ужас-то!

— Палец? — повторил я.

— Да, там нашли руку, на которой не хватает пальца. Полиция считает, что это очень важное указание. Я не совсем понимаю, что именно они имеют в виду. Но вы прочтите сообщение и скажите мне, что вы думаете?

Сказав это, она быстро направилась через амбулаторию, и я проводил ее до двери. Некоторое время я смотрел ей вслед и только что собирался уходить, как мое внимание было привлечено высоким и худым пожилым господином на противоположной стороне улицы. Манера его наклонять голову указывала на сильную близорукость. Но вдруг он заметил меня и перешел через улицу, пристально глядя на меня через очки своими острыми голубыми глазами.

— Не знаю, сможете ли и пожелаете ли вы помочь мне? — сказал он с вежливым поклоном. — Я собирался зайти к одному знакомому и позабыл его адрес. Моего знакомого зовут Беллингэм. Едва ли вы знаете его? Хотя доктора обычно знают массу народа.

— Вы говорите о м-ре Годфри Беллингэме?

— А, стало быть, вы знаете его! Я не напрасно обратился к вам. Он, несомненно, ваш пациент.

— И пациент и личный друг. Он живет в доме № 49 в Невиль-Коурт.

— Благодарю вас, благодарю! Да, раз вы его друг, может быть, вы мне скажете о порядках дома. Меня не ждут, а явиться не вовремя мне не хотелось бы. Когда м-р Беллингэм имеет обыкновение ужинать? Удобно ли зайти к нему сейчас?

— По вечерам я обычно захожу к нему немного позднее, например, в половине девятого. К этому времени он всегда кончает свой ужин.

— Итак, в половине девятого! А пока я лучше погуляю до тех пор. Я не хотел бы их беспокоить.

— Может быть, вы зайдете ко мне и выкурите сигару до вашего визита. И, если вы хотите, я пойду с вами и покажу вам его дом.

— Вы очень любезны, — сказал мой новый знакомый, пристально глядя на меня через очки. — Я не прочь бы посидеть. Пренеприятное занятие — шататься по улицам, а идти домой в Линкольн-Инн теперь поздно.

— Скажите, пожалуйста, — сказал я, вводя его в комнату, — вы — м-р Джеллико?

Он повернулся ко мне и подозрительно уставился на меня.

— Что заставляет вас думать, что я — м-р Джеллико? — спросил он.

— Только то, что вы живете в Линкольн-Инне.

— Ха, понимаю! Я живу в Линкольн-Инне. М-р Джеллико тоже живет в Линкольн-Инне. Поэтому вы подумали, что я — м-р Джеллико. Ха-ха! Плохая логика, но правильный вывод. Да, я — м-р Джеллико. Что же вы знаете обо мне?

— Очень мало. Знаю только, что вы были поверенным покойного Джона Беллингэма.

— Покойного Джона Беллингэма?! Хм! Откуда вы знаете, что он «покойный»?

— В сущности, конечно, я этого не знаю. Но, насколько мне известно, и вы того же мнения?

— Насколько вам известно? Но откуда же вам известно? От Годфри Беллингэма? Хм! А откуда он знает, что я думаю? Я ему никогда не говорил об этом. Нет, мой дорогой сэр, говорить о мнениях другого человека — вещь рискованная.

— Значит, вы думаете, что Джон Беллингэм жив?

— Кто вам это сказал? Я ведь не говорил этого.

— Однако может быть только что-нибудь одно: либо он жив, либо нет!

— Вот в этом, — воскликнул м-р Джеллико, — я всецело с вами согласен. Вы изволили сказать неоспоримую истину.

— Однако это мало что нам дает, — смеясь, сказал я.

— Так всегда бывает с неоспоримыми истинами, — ответил он. — Они носят слишком общий характер. Я бы сказал, что справедливость какой-нибудь истины прямо пропорциональна ее общности.

— Полагаю, что вы правы, — сказал я.

— Без сомнения. Возьмем пример хотя бы из вашей практики. Пусть дан миллион нормальных человеческих существ в возрасте до 20 лет. Вы с уверенностью можете утверждать, что большинство из них умрет, не достигнув известного возраста, что они умрут при известных обстоятельствах и от известных болезней. Теперь возьмем одного человека из этого миллиона. Что вы можете сказать о нем? Ничего! Он может умереть завтра, но может и дожить до

100 лет. Он может умереть от простуды, порезать палец или свалиться с колокольни св. Павла. В частном случае вы ничего не можете предсказать.

— Это совершенно верно, — согласился я. Затем, заметив, что мы совершенно отклонились от Джона Беллингэма, я рискнул вернуться к нему.

— Это была таинственная история, — намекнул я на исчезновение Джона Беллингэма.

— Почему же таинственная? — спросил м-р Джеллико. — Люди исчезают время от времени, а когда они вновь появляются, те объяснения, которые они дают (если только они дают их!), кажутся более или менее правдоподобными.

— Но тут обстоятельства носили безусловно таинственный характер.

— Какие обстоятельства? — спросил м-р Джеллико.

— Я имею в виду то, каким образом он исчез из дома м-ра Хёрста?

— Каким же образом он исчез?

— Конечно, я этого не знаю.

— Вот именно. Не знаю и я. Поэтому я не могу сказать, исчез ли он таинственным образом или нет.

— В сущности, неизвестно даже, ушел ли он из этого дома, — заметил я необдуманно.

— Вот именно, — сказал м-р Джеллико. — Если он не ушел, то он до сих пор еще там. А если он еще там, то он не исчез, в буквальном смысле этого слова. А раз он не исчез, то нет никакой тайны.

Я от души рассмеялся, но м-р Джеллико продолжал сохранять свой невозмутимо-торжественный вид.

— Полагаю, — заметил я, — что, принимая во внимание эти обстоятельства, вы едва ли одобрите предложение м-ра Хёрста ходатайствовать перед судом, чтобы добиться признания факта смерти.

— Какие обстоятельства? — спросил он.

— Я имею в виду те сомнения, которые вы только что высказали по поводу того, что Джона Беллингэма действительно нет в живых.

— Дорогой мой сэра, — сказал он. — Я не совсем вас понимаю. Если бы было известно, что данный человек жив, нельзя было бы признать, что он умер, а если бы было достоверно известно, что он умер, то предполагать это было бы нельзя, так как нельзя предполагать того, что известно достоверно. А для сделки характерно именно отсутствие уверенности.

— Но, — настаивал я, — если вы действительно считаете, что он еще жив, я не думаю, чтобы вы взяли на себя ответственность признать факт его смерти и распределить его имущество.

— Я не беру на себя никакой ответственности, — сказал м-р Джеллико. — Я действую согласно постановлению суда, и только.

— Однако суд может постановить, что он умер, а он тем не менее может оказаться живым?

— Вовсе нет. Если суд постановит признать его смерть, то он будет считаться мертвым. Правда, в физическом смысле он может быть жив, но с юридической точки зрения и для решения вопроса о завещании он будет мертв. Вы, кажется, не вполне уясняете себе эту разницу?

— Боюсь, что не вполне, — согласился я.

— Представители вашей профессии обычно этого не понимают. Вот почему они всегда бывают на суде такими плохими свидетелями. Научная точка зрения радикально отличается от юридической. Человек науки полагается на свои собственные знания, наблюдения и суждения и не считается с показаниями. Допустим, что к вам приходит человек и говорит, что он слеп на один глаз. Принимаете ли вы на веру его показание? никоим образом! Вы начинаете исследовать его зрение и вдруг убеждаетесь, что он прекрасно видит на оба глаза. Тогда вы решаете, что он не слеп ни на один глаз. Другими словами, откидываете его свидетельское в пользу фактов, в которых вы сами убедились.

— Но ведь это же единственный рациональный путь прийти к правильному заключению.

— В науке — да. Но не в юриспруденции. Суд должен решать согласно данным, которые ему представлены, а дан-

ные эти — клятвенные показания свидетелей. Если свидетель готов поклясться, что вот это черное есть белое, а никаких противоречащих показаний нет, то перед судом будет только показание, что черное есть белое, и в соответствии с ним он должен будет вынести решение. Судья и присяжные могут думать иначе: они могут даже иметь какие-нибудь частные сведения, убеждающие их как раз в обратном, — но они должны вынести решение согласно имеющимся показаниям.

— Неужели вы хотите сказать, что судья был бы прав, если бы вынес решение, которое, как ему частным образом известно, противоречит фактам? Или же он может приговорить человека, который, как ему известно, невиновен?

— Конечно. Это сплошь и рядом бывает. Был такой случай, когда судья вынес смертельный приговор человеку и допустил привести его в исполнение, хотя он, судья, воочию видел, что убийство было совершено другим человеком. Но это, конечно, значит доводить регламентацию судебной процедуры до крайней педантичности.

— Разумеется, это — чудовищный педантизм, — согласился я. — Но вернемся к делу Джона Беллингэма. Предположим, что после того, как суд постановит, что он умер, он вдруг окажется живым? Что тогда?

— А тогда он в свою очередь должен будет обратиться в суд, а суд, имея теперь новые данные, наверное признает, что он жив.

— Но между тем все его имущество будет растратчено?

— Вероятно. Однако вы не должны упускать из виду, что признание факта смерти было бы сделано на основании его же собственных поступков. Если человек действует так, что создает впечатление, будто он умер, он должен примириться со всеми последствиями.

— Да, это вполне разумно, — сказал я, но потом добавил после небольшой паузы: — Считаете ли вы возможным, что в недалеком будущем такая судебная процедура будет иметь место?

— Из того, что вы только что сказали, я полагаю, что м-р Хёрст собирался предпринять соответствующие шаги. Несом-

ненно, вы имеете сведения из достоверного источника. — М-р Джеллико проговорил все это, не дрогнув ни единым мускулом и продолжая пристально глядеть на меня через очки.

Я слабо усмехнулся. Однако я решил сделать еще одну попытку, главным образом для того, чтобы иметь удовольствие наблюдать за его оборонительными маневрами, а вовсе не для того, чтобы что-нибудь извлечь из него. Поэтому я заговорил о найденных «останках».

— Следили ли вы за этими поразительными находками человеческих костей, о которых писали в газетах? — спросил я.

Он устремил на меня свой тяжелый взгляд, а затем ответил:

— Человеческие кости скорее по вашей специальности, но раз уж вы заговорили об этом, то скажу вам, что, насколько мне помнится, я что-то читал о каких-то находках. Это были отдельные разрозненные кости, если не ошибаюсь?

— Да, по всей вероятности, части разрезанного на куски тела.

— Я тоже так думаю. Но я не следил за газетными сообщениями. Эти находки могут скорее заинтересовать криминалиста.

— Я думаю, что, может быть, вы поставили бы это в связь с исчезновением вашего клиента?

— С какой же стати? Какая тут может быть связь?

— Видите ли, — начал я, — это кости человека...

— Да, а мой клиент был человеком с костями. Тут действительно есть какая-то связь, но слишком общего порядка. Но, может быть, вы имели в виду еще что-нибудь?

— Да, — ответил я, — тот факт, что некоторые из этих костей были найдены на земле, принадлежащей вашему клиенту, показался мне весьма знаменательным.

— Неужели? — сказал м-р Джеллико. Он на минуту задумался, все время пристально глядя на меня, а затем продолжал:

— В этом я с вами не согласен. Я бы сказал, что нахождение человеческих останков в каком-нибудь месте может

навлечь подозрения на владельца или же на живущего на этой земле, — что именно он спрятал их туда. Но в данном-то случае это как раз совершенно немыслимо. Человек не может скрыть свое же собственное разрезанное на куски тело.

— Да, конечно, нет. Я вовсе не хотел сказать, что он скрыл их сам, а только то, что факт сокрытия их на его же собственной земле как-то связывает эти останки именно с ним.

— Опять-таки я не понимаю вас, — сказал м-р Джеллико. — Разве только вы хотите сказать, что убийцы, разрезающие тела на куски, настолько щепетильны, что зарывают отдельные части на земле, принадлежавшей их жертвам? В таком случае я отношусь скептически к вашим фактам. Я не знаю о существовании такого обычая. Кроме того, кажется, только часть тела была скрыта на земле м-ра Беллингэма, остальные же части были разбросаны на очень большом пространстве. Как же согласовать это с вашим предположением?

— Никак, — согласился я. — Но есть еще один факт, который, я полагаю, вы сочтете более знаменательным. Первая находка была сделана в Сидкепе. А Сидкеп ведь рядом с Эльтамом. В Эльтаме в последний раз видели живым м-ра Беллингэма.

— Какое же это имеет значение? И почему вы хотите найденные кости связать с этим местом, а не с каким-нибудь другим, где также были найдены части тела?

— Видите ли, — ответил я, немного сбивый с толку, — все говорит за то, что человек, который спрятал их там, начал с окрестностей Эльтама, где в последний раз видели пропавшего.

М-р Джеллико покачал головой.

— По-видимому, вы смешиваете порядок находок с порядком, в котором были зарыты кости. Какие у вас данные за то, что останки, найденные в Сидкепе, были зарыты там раньше, чем остальные, найденные в других местах?

— Нет никаких данных, — согласился я.

— В таком случае, — сказал он, — я не вижу, что вы тут сможете привести в пользу вашего утверждения, будто убийца начал с окрестностей Эльтама.

Подумав, я должен был признать, что у меня не было никаких данных, чтобы поддержать свою теорию. И выпустив свой последний заряд в этом неравном бою, я счел своевременным переменить тему.

— На днях я заходил в Британский музей, — сказал я, — и видел последний дар м-ра Беллингэма. Экспонаты прекрасно расставлены в центральном шкафу.

— Да, я очень доволен их расстановкой. Я думаю, что и мой старый друг остался бы доволен. Глядя на них, мне всегда хочется, чтобы и он мог их видеть. Может быть, в конце концов так и будет.

— Надеюсь, что так и будет, — искренне сказал я. — Вы сами ведь очень интересуетесь египтологией, не правда ли? — добавил я.

— Чрезвычайно, — ответил м-р Джеллико с живостью, на которую я не считал его способным. — Это такой захватывающий предмет! Древняя цивилизация, восходящая к младенческой эпохе человеческой расы, — цивилизация, на века сохранившаяся для нашего назидания в этих незыблемых монументах, словно муха, застывшая в янтаре! Все, связанное с Египтом, полно какой-то торжественности. Атмосфера чего-то постоянного, устойчивого, презирающего и время, и перемены, царит над ним. И место, и народ, и памятники — все говорит о вечности.

Меня сильно поразил такой взрыв красноречия со стороны этого сухого и молчаливого адвоката. Но он стал мне больше нравиться благодаря своему энтузиазму, который сделал его более человечным. И я решил воспользоваться этим.

— Однако, — заметил я, — этот народ все-таки должен был измениться на протяжении веков.

— Конечно, народ, сражавшийся с Камбизом, был уже совершенно не тот, который пришел в Египет пять тысяч лет назад и изображение которого мы видим на ранних памятниках. За эти 50 столетий кровь хиксосов, сирийцев,

эфиопов, хеттов и еще неизвестно скольких других рас смешивалась с кровью египтян. Но национальная группа продолжала непрерывно развиваться. Старая культура охватывала новые народы, и иммигранты кончали тем, что становились египтянами... Поразительный феномен! Когда мы теперь оглядываемся на жизнь древнего Египта, то получается впечатление скорее какой-то геологической эпохи, чем истории единой нации. А вы сами тоже интересуетесь этим предметом?

— Да, конечно, хотя я здесь полный невежда и интересоваться им я начал только очень недавно.

— Может быть, с тех пор, как вы познакомились с мисс Беллингэм? — сказал м-р Джеллико, сохраняя невозмутимость египетского изваяния.

Кажется, я покраснел, так как замечание это меня раздосадовало. А он продолжал тем же спокойным тоном:

— Я высказал свое предположение потому, что мисс Беллингэм живо интересуется древним Египтом и весьма осведомлена в его истории.

— Да, она, кажется, многое знает об египетских древностях, и я должен признаться, что ваша догадка была верна. Она показывала мне коллекцию своего дяди.

— Я так и думал, — сказал м-р Джеллико. — Это очень поучительная коллекция. Она вполне годится для общественного музея, хотя в ней нет ничего необычного, что могло бы особенно привлечь знатока. Могильная утварь прекрасна в своем роде, а футляр мумии также хорошо сделан и очень недурно раскрашен.

— Да, по-моему, он прямо красив. Но не можете ли вы мне объяснить, почему его так обезобразили смолой?

— А, — сказал м-р Джеллико, — это очень интересный вопрос. Футляры для мумий, вымазанные горной смолой, встречаются часто. В соседней галерее находится мумия жрицы, которая целиком покрыта слоем смолы, за исключением позолоченного лица. Смолой покрывали нарочно для того, чтобы уничтожить все надписи и таким образом скрыть личность умершего от грабителей и осквернителей могил. В мумии Себек-Хотепа есть одна странность. Очевидно, име-

лось в виду уничтожить надписи. Вся спина и ноги покрыты толстым слоем смолы. Потом рабочие, очевидно, передумали и оставили надписи с украшениями нетронутыми. Почему они хотели их замазать, и почему, раз начав это, они покрыли смолой только часть — осталось тайной. Мумия была найдена в своей могиле совершенно нетронутой, поскольку это касается грабителей могил. Бедный Беллингэм был в полнейшем недоумении, не зная, как объяснить это.

— Кстати, о смоле, — сказал я, — мне вспомнился один вопрос, который меня давно интересует. Вам ведь неизвестно, что это вещество часто употребляется современными художниками, неизвестно и то, что оно обладает одним очень опасным свойством. Я имею в виду его тенденцию размягчаться без какой-либо видимой причины, много времени спустя после того, как оно высохло.

— Да, я знаю. По-моему, есть даже какой-то рассказ об одной из картин Рейнольдса. Кажется, это был портрет одной дамы. Смола размягчилась и один из глаз этой дамы сполз на щеку. Пришлось повесить портрет вниз головой и подогревать до тех пор, пока глаз не возвратился на свое место. Но что именно вас заинтересовало тут?

— Интересно бы знать, не было ли случая, чтобы смола, употреблявшаяся египетскими художниками, размягчалась через большой промежуток времени?

— Кажется, были. Я слышал, что смоляной покров на футлярах мумий в некоторых случаях размягчался и становился липким... Боже мой, как я с вами заболтался, сколько времени у вас отнял! Сейчас уже почти без четверти девять! — вдруг заговорил он, поспешно поднимаясь. Я проводил его и не успели мы выйти, как все обаяние Египта постепенно рассеялось, его оживление и энтузиазм исчезли, и он снова превратился в молчаливого, сухого, необщительного и даже немного подозрительного адвоката.

НОВЫЙ СОЮЗ

Мы сидели за ярко освещенным столом в комнате первого этажа, выходявшей на Феттер-Лейн. Портьеры были спущены. Под аккомпанемент ножей и вилок, звон бокалов и веселое бульканье вина велась дружеская и оживленная беседа. Для одного из нас, по крайней мере, а именно для Годфри Беллингэма — этот ужин был необычным праздником, и его какая-то детская радость на нашем скромном пиршестве заставляла думать о тяжелых временах, которые он пережил, не жалуясь, но которые тем не менее оставили заметные следы. Разговор перескакивал с одного предмета на другой и велся по преимуществу на художественные темы, ни разу не подойдя к роковому вопросу о завещании Джона Беллингэма. От ступенчатой пирамиды в Саккаре мы переходили к средневековым церковным полам; от резной работы времен Елизаветы — к микенской керамике, а оттуда к изделиям каменного века и цивилизации ацтеков. Я начал было подумывать, что оба мои друга-юриста были так увлечены интересным разговором, что совершенно позабыли о тайной цели нашего ужина. Появился десерт, а о «деле» еще ни единого слова не было сказано. Казалось, Торндайк вел выжидательную политику. Он хотел, чтобы создалось чувство большей близости между нами, и сам искал подходящего случая.

Случай представился, как только мисс Деммер скрылась подобно призраку, унося поднос с тарелками и стаканами.

— У вас вчера был гость, доктор, — сказал м-р Беллингэм, — мой знакомый, Джеллико. Он говорил мне, что видел вас и страшно заинтересовался вами. Прежде я его никогда не считал таким энтузиастом. Что вы думаете о нем?

— Он странный субъект. Мне он показался очень занятым. Мы довольно долго перебрасывались вопросами и уклончивыми ответами. Я видел, что он интересуется делом, а он занял оборонительную позицию полнейшего неведения. Это была прелюбопытная встреча.

— Ему не следовало бы быть таким странным, — сказала мисс Беллингэм, — тем более, что в самом недалеком будущем наше дело станет общим достоянием.

— Значит, они предполагают дело передать в суд? — спросил Торндайк.

— Да, — сказал м-р Беллингэм. — Джеллико приходил сообщить мне, что мой двоюродный брат, Хёрст, поручил своему адвокату возбудить соответствующее ходатайство и предложить мне присоединиться к нему. В сущности, он пришел, чтобы предъявить мне ультиматум Хёрста... но мне не следует нарушать гармонии нашего пира этими тяжбами.

— Почему же нет? — спросил Торндайк. — К чему же налагать табу на вопрос, который нас всех живо интересует? Дело Джона Беллингэма во многих отношениях единственное в своем роде. Все лица нашего сословия, а занимающиеся судебной медициной, в частности, будут с глубочайшим вниманием следить за ним.

— Как это лестно для нас, — сказала мисс Беллингэм. — Мы, может быть, достигнем неумирающей славы, и наши имена навеки останутся в учебниках и трактатах. А все же мы не слишком гордимся такой известностью.

— Да, — добавил ее отец, — мы прекрасно могли бы обойтись и без этой известности, я думаю, мог бы обойтись без нее и Хёрст. Говорил вам Барклей о его предложении?

— Да, — ответил Торндайк. — А из ваших слов я вывожу заключение, что он его повторил.

— Да, он специально для этого прислал ко мне Джеллико, и я чуть было не согласился, но дочь моя была против, и, пожалуй, она права. Во всяком случае, она тут более заинтересована, чем я.

— А как относится к этому м-р Джеллико? — спросил Торндайк.

— О, он был крайне сдержан и осторожен, но свое мнение он все-таки высказал. Он советовал мне согласиться на условия Хёрста. Ему, конечно, хотелось бы получить мое согласие, так как ему хочется уладить это дело и забрать свою долю.

— Вы категорически отказались?

— Да, совершенно категорически. Теперь Хёрст будет ходатайствовать о разрешении признать факт смерти и об утверждении завещания, Джеллико будет его поддерживать. Он говорит, что у него нет другого выхода.

— А вы?

— Думаю, что буду протестовать, хотя хорошенько не знаю еще, на каких основаниях.

— Прежде чем предпринять какие-нибудь решительные шаги, — сказал Торндайк, — вам следовало бы все тщательно обдумать. Но, может быть, вы уже с кем-нибудь советовались?

— Нет, ни с кем. Наш общий друг, наверно, говорил вам, что мои средства, вернее, отсутствие их — не позволяют мне обратиться к адвокату. Оттого я так щепетилен в обсуждении этого дела даже с вами.

— В таком случае, вы хотите сами защищать свои интересы?

— Да, если понадобится мое присутствие в суде, а оно, наверно, понадобится, раз я буду протестовать.

Торндайк задумался на несколько мгновений, а потом серьезно сказал:

— По некоторым причинам вам было бы лучше не вести лично этого дела, м-р Беллингэм. Начнем хотя бы с того, что со стороны м-ра Хёрста, наверно, выступит умелый адвокат, и вы будете не в состоянии бороться с ним в суде. Вас ловко обойдут. Кроме того, не надо забывать судью.

— Но ведь, без сомнения, судья корректно отнесется к человеку, средства которого не позволяют ему пригласить адвоката.

— Как правило, судья, конечно, внимательно отнесется к стороне, не представившей адвоката, и даже постарается помочь ему. Вообще английские судьи обладают большим умом и глубоким сознанием своей ответственности. Но надо иметь в виду всякие случайности. Судья, положим, прежде был адвокатом и сохранил свои профессиональные предубеждения. Вспомните о той нелепой свободе, с какой адвокаты обращаются со свидетелями, вспомните о враждеб-

ном отношении некоторых судей к медикам и другим ученым, дающим показания; ум юриста не всегда беспристрастен. Далее, ваше личное выступление в суде будет связано с некоторыми неудобствами. Ваше незнание судебной процедуры и юридических деталей поведет к известному замедлению. А если к тому же судья попадется раздражительный, все эти неудобства и задержки могут его раздосадовать. Я не хочу сказать, что это может повлиять на его решение, — я не думаю, что это повлияет, — но благоразумнее ничем не раздражать судью. Наконец, крайне важно уметь предугадать и парировать все маневры противника, — а едва ли вы на это способны!

— Прекрасный совет, доктор Торндайк, — сказал с угрюмой усмешкой м-р Беллингэм, — я не боюсь, что мне придется действовать на свой риск.

— Это совсем не нужно, — сказал Торндайк. — Я хочу сделать вам одно предложение и попрошу вас отнестись к нему без предубеждения. Видите ли, ваше дело представляет исключительный интерес; оно попадет во все учебники, как предсказывает мисс Беллингэм, а так как оно связано с моей специальностью, то мне необходимо будет следить за ним самым внимательным образом. Для меня, конечно, будет гораздо лучше изучать это дело, так сказать, изнутри, а не извне. Мне нечего говорить, как поднимется моя репутация, если я сумею довести его до благополучного конца. Поэтому я хочу попросить вас передать дело в мои руки и разрешить мне действовать по моему крайнему разумению.

Несколько минут м-р Беллингэм молча раздумывал, а потом, бросив быстрый взгляд на свою дочь, неуверенно начал:

— Это чрезвычайно великодушно с вашей стороны, д-р Торндайк...

— Извините меня, — перебил Торндайк. — Вовсе нет. Как я уже сказал вам, мною руководят чисто эгоистические соображения.

М-р Беллингэм неестественно засмеялся и снова взглянул на свою дочь, которая, не подымая глаз, продолжала

спокойно чистить грушу. Не получив от нее никакой поддержки, он спросил:

— Неужели вы думаете, что тут возможен благоприятный исход?

— Возможность эта, конечно, очень отдаленная, если принять во внимание настоящее положение дел. Но если бы я считал дело абсолютно безнадежным, я посоветовал бы вам остаться в стороне и предоставить все своему течению.

— Допустим, что мое дело увенчается успехом, разрешите ли вы тогда вручить вам должное вознаграждение?

— Если бы от меня зависело, то я с удовольствием сказал бы «да». Но дело обстоит иначе. Адвокаты-профессионалы недоброжелательно относятся к практике «теоретиков». Но, по-моему, незачем и обсуждать такой вопрос. Если я доведу ваше дело до благополучного конца, я принесу себе этим большую пользу. Мы оба извлечем выгоду. Мисс Беллингэм, прибегаю к вашей помощи. Поддержите меня, этим вы в то же время сделаете большое одолжение д-ру Барклею.

— Разве д-р Барклея заинтересован здесь?

— Безусловно, да. Вы сами в этом убедитесь, когда я скажу вам, что он даже пытался подкупить меня тайком из своих собственных средств.

— Неужели это правда? — спросила она, взглянув на меня с таким выражением, которое меня немного испугало.

— Ну, не совсем так, — сказал я, густо покраснев, чувствуя себя крайне неловко и в душе посылая к черту Торндайка за его болтливость. — Я только говорил... что... вознаграждение адвокату... вы понимаете... ну и все остальное... только не набрасывайтесь на меня, мисс Беллингэм.

Она продолжала задумчиво смотреть на меня в то время, как я, запинаясь, бормотал свои оправдания. Наконец, она сказала:

— Я и не собираюсь бранить вас. Я только думала, что и бедность имеет свою хорошую сторону. Вы все так добры к нам. Что касается меня, то я бы с благодарностью приняла великодушное предложение д-ра Торндайка и еще раз

поблагодарила бы его за то, что он сделал его в такой деликатной форме.

— Прекрасно, моя дорогая, — сказал м-р Беллингэм. — Мы примем это большое одолжение, которое нам так любезно предлагают.

— Благодарю вас! — сказал Торндайк. — Вы оправдали мое доверие к вам, мисс Беллингэм. Итак, я могу считать, что вы теперь вручаете мне ваше дело?

— Да, полностью вручаем и с большой благодарностью, — ответил м-р Беллингэм. — Заранее соглашаюсь на все, что вы сочтете нужным сделать.

— Поэтому, — сказал я, — выпьем за успех дела. Разрешите налить вам портвейна, мисс Беллингэм. — Я наполнил ее стакан, и когда бутылка обошла всех, мы встали и торжественно выпили за новый союз.

— Я хотел бы сказать в заключение еще одну вещь, — сказал Торндайк. — Иметь своего собственного адвоката очень важно. Когда вы получите формальное извещение от адвоката м-ра Хёрста, что началась судебная процедура, вы можете его направить к м-ру Марчмонту из Грейс-Инна, который номинально выступит в качестве вашего поверенного. Фактически он ничего не будет делать, но мы должны сохранить видимость, будто я действую по указанию адвоката. А пока дело еще не перешло в суд, необходимо, чтобы ни м-р Джеллико, ни кто-то иной не знали, что я принимаю в нем участие. По возможности, мы должны держать наших противников в неведении.

— Будем хранить секрет, как могила, — сказал м-р Беллингэм. — И это будет совсем не трудно, так как случайно, по какому-то странному совпадению, я уже знаком с м-ром Марчмонтом. Он выступал в деле Стефана Блэкмора, — вы ведь помните это дело, которое вы так блистательно распутали? Я знал Блэкморов.

— Неужели? — сказал Торндайк. — Как мал наш мир! А какое это было поразительное дело! Оно представляло захватывающий интерес по своей запутанности и целому ряду встречных исков. Для меня оно памятно и в другом отно-

шении: оно было одним из первых дел, в которых я действовал совместно с д-ром Джервисом.

— Да, я был для вас чрезвычайно полезный помощник, нечего сказать! — заметил Джервис. — Хотя, впрочем, мне случайно и удалось найти один или два факта. Кстати, дело Блэкморров имело что-то общее с вашим делом, м-р Беллингэм. Тут тоже было исчезновение и спорное завещание, а исчезнувший человек был ученый антикварий.

— Дела по нашей специальности в общих своих чертах часто походят одно на другое, — сказал Торндайк; говоря это, он пристально посмотрел на своего младшего коллегу. Я отчасти понял значение этого взгляда, когда он резко переменил тему.

— Газетные сообщения об исчезновении вашего брата, м-р Беллингэм, удивительно изобиловали подробностями. Были даже приведены планы домов, как вашего, так и м-ра Хёрста. Не знаете ли вы, кто именно доставил все эти сведения?

— Нет, не знаю! — сказал м-р Беллингэм. — Знаю только, что не я. Какие-то газетные репортеры являлись ко мне за сведениями, но я их всех выставил. Насколько мне известно, Хёрст сделал то же самое. Что же касается Джеллико, то вы с большим успехом можете подвергнуть перекрестному допросу устрицу.

— Ну, — сказал Торндайк, — газетчики умеют добывать материал. Однако все-таки кто-нибудь да должен был дать им описание наружности вашего брата и эти планы. Интересно было бы узнать, кто именно. Мы этого, однако, не знаем. Теперь оставим этот разговор на судейские темы. Я прошу извинения у всех, что начал его.

— А теперь мы можем перейти в так называемую гостиную, — сказал я. — В сущности, это берлога Бернарда. А прислуга пусть убирает со стола.

Мы перешли в соседнюю комнату, куда мисс Диммер подала нам кофе. Я усадил своих гостей, а сам подошел к маленькому кабинетному роялю и открыл его.

— Может быть, мисс Беллингэм сыграет нам что-нибудь? — сказал я.

— Не знаю, смогу ли я, — сказала она. — Ведь я почти два года не прикасалась к роялю.

— Надо сделать опыт, — возразил м-р Беллингэм. — Но прежде чем начинать его, Руфь, я хотел бы сказать еще несколько слов об одном неприятном деле. Я полагаю, д-р Торндайк, вы читаете газеты? — спросил он.

— Да, — ответил Торндайк, — но только я знакомлюсь с их содержанием чисто в деловых видах.

— В таком случае, вам, наверно, попадались сообщения о нахождении человеческих останков, разных отдельных частей разрезанного на куски тела?

— Да, я видел эти сообщения и вырезал их для будущих справок.

— Вот именно. Излишне говорить, что эти останки, которые являются, без сомнения, разрезанными кусками тела какого-то несчастного, произвели на меня тяжелое впечатление. Вы понимаете, что я хочу сказать? Я хотел бы вас спросить, не навели ли они и вас на ту же мысль?

Торндайк помолчал, прежде чем ответить. Он сидел, задумчиво опустив глаза, а мы с нетерпением смотрели на него.

— Вполне понятно, — сказал он наконец, — что вы связали эти останки с таинственным исчезновением вашего брата. Мне хотелось бы сказать, что вы ошибаетесь, но мои слова были бы неискренни. Тут есть некоторые факты, внушающие эту мысль, а чего-либо говорящего против до сих пор нет.

М-р Беллингэм глубоко вздохнул и беспокойно задержался на своем стуле.

— Ужасная история! — глухо проговорил он. — Ужасная! Может быть, вы нам скажете, д-р Торндайк, свое мнение: какие тут есть данные за и против?

Торндайк снова задумался, и мне показалось, что ему не слишком хотелось обсуждать эту тему. Однако вопрос был поставлен прямо, и он счел долгом ответить на него.

— При настоящем состоянии расследования трудно говорить об этом. Вопрос можно обсуждать только теоретически. Найденные до сих пор кости все такие, по которым

невозможно опознать человека. Факт сам по себе очень интересен и знаменателен. Общий характер и величина костей заставляют предполагать человека средних лет, ростом приблизительно с вашего брата, а дата, когда они были там спрятаны, как будто совпадает с датой исчезновения.

— Разве известно, когда они были там спрятаны? — спросил м-р Беллингэм.

— Что касается костей, найденных в Сидкепе, то, кажется, возможно установить приблизительную дату. Кресс-салатные гряды очищались около двух лет назад. Следовательно, кости не могли лежать там дольше этого срока; а судя по их состоянию, они не могли лежать там и менее двух лет, так как, по-видимому, не осталось никаких следов мягких тканей. Конечно, я говорю только на основании газетных сообщений. Ничего более точного я не знаю.

— Не нашли ли они какой-нибудь более крупной части тела? Сам я не читаю газет. Моя приятельница, мисс Оман, принесла мне целую пачку их, но я не мог выдержать и выпрыгнул их все за окошко.

Я как будто заметил лукавый огонек в глазах Торндайка, но отвечал он совершенно серьезным тоном.

— Мне кажется, я могу по памяти рассказать вам все подробности, хотя и не ручаюсь за даты. Первоначальная находка была, по-видимому, сделана совершенно случайно в Сидкепе 15 июля. Она состояла из целой левой руки, у которой не хватало только безымянного пальца, но зато находились ключица и лопатка. Эта находка, по-видимому, подняла на ноги все местное население, главным образом молодежь, которая обшарила все окрестные пруды и речки.

— Каннибалы! — воскликнул м-р Беллингэм.

— В результате, в пруду, около местности св. Мэри Крей в Кенте, была найдена правая берцовая кость. Эта кость может дать нить, по которой можно будет установить личность этого человека. На головке ее есть маленькое пятнышко, гладкое, как фарфор, оно появляется на суставных частях костей, когда естественный хрящевой покров разрушен болезнью. Оно — результат трения незащищенной по-

верхности одной кости о такую же незащищенную поверхность другой.

— Каким же образом это может помочь опознанию? — спросил м-р Беллингэм.

— Оно указывает, что покойный, по-видимому, страдал ревматической подагрой; наверное, он слегка прихрамывал и жаловался на боли в правом бедре.

— Не думаю, чтобы это облегчало опознание, — сказал м-р Беллингэм. — Джон довольно сильно хромотал, но по другой причине, — у него давно была повреждена левая лодыжка, а на боль он никогда не жаловался. Но не буду вас прерывать.

— Следующая находка, — продолжал Торндайк, — была сделана около Ли, на этот раз самой полицией. Она, видимо, проявила внезапную энергию в этом деле и, производя поиски в окрестностях западного Кента, вытащила из пруда близ Ли кости правой ноги. Будь это левая нога, а не правая, у нас была бы нить, так как, насколько я помню, у брата вашего была переломана левая лодыжка и на ноге могли бы остаться следы этого перелома.

— Да, — сказал м-р Беллингэм, — я тоже так думаю. Такой перелом называется переломом Потта.

— Вот именно. Видите ли, теперь, после этой находки в Ли, полиция, по-видимому, организовала систематическое обследование всех прудов и водоемов в окрестностях Лондона, и 23 июля в Кукушкином пруду в лесу Эппинг, недалеко от Удфорда, они нашли кости правой руки вместе с плечевой костью, как и в первый раз. Они кажутся частями одного и того же тела.

— Да, — сказал м-р Беллингэм, — я слышал об этом. Совсем рядом с моим прежним домом. Ужасно! Ужасно! У меня прямо дрожь пробегает по телу. Я представлял себе, что, может быть, на бедного Джона напали и убили его в то время, когда он шел ко мне. Он, может быть, вошел уже в усадьбу через заднюю калитку, если она была незакрытой. Может быть, за ним последовали туда и там убили. Вы ведь помните, что там был найден скарабей, которого он носил на своей

часовой цепочке. Но действительно ли эта рука соответствует той, которая была найдена в Сидкепе?

— Кажется, они совпадают по своему характеру и размерам, — сказал Торндайк. — Это совпадение еще более подтверждается находкой, сделанной два дня тому назад.

— Какой же именно? — спросил м-р Беллингэм.

— Это — нижняя часть туловища. Полиция извлекла ее из довольно глубокого пруда на опушке леса в Лаутоне. Этот пруд называется Степль. Там были найдены следующие кости: обе бедренные кости и шесть позвонков хребта. Найдя эти кости, полиция запрудила речку и выкачала весь пруд, но больше ничего не нашли. Это немного странно, так как там должны бы находиться ребра, принадлежащие верхнему, двенадцатому спинному позвонку. Это заставляет нас призадуматься над тем, каким образом было произведено разделение на части. Но не буду вдаваться в неприятные подробности. Важно то, что в выемке правого бедренного сустава есть тоже следы, аналогичные тем, которые были обнаружены на головке найденной раньше правой берцовой кости. Поэтому почти не может быть никакого сомнения, что все эти кости составляют части одного и того же скелета.

— Понимаю, — пробормотал м-р Беллингэм, а потом добавил, после минутного размышления: — Теперь весь вопрос в том, являются ли эти кости останками моего брата Джона? Что вы скажете, д-р Торндайк?

— Я не могу дать никакого ответа на основании имеющихся пока у нас фактов. Мы можем только сказать, что это вполне вероятно и что некоторые обстоятельства говорят в пользу этого предположения. Но мы можем только ждать дальнейших находок. В любой момент полиция может напасть на такую часть скелета, которая окончательно разрешит вопрос в ту или иную сторону.

— Едва ли я смогу помочь вам в деле опознания, — сказал м-р Беллингэм.

— Конечно, сможете, — сказал Торндайк. — Я как раз собирался просить вас об этом. Мне бы хотелось, чтобы вы сделали для меня следующее: дайте мне полное описание

вашего брата, включая мельчайшие подробности, а также перечень всех болезней и повреждений, которые у него когда-либо были. А также, если возможно, имена и адреса всех докторов, хирургов и дантистов, которые когда-либо его лечили. Особенно важны дантисты, так как их показания будут бесценны, если будет найден череп, принадлежащий этим костям.

М-р Беллингэм содрогнулся.

— Ужасная мысль, — сказал он, — но, конечно, вы совершенно правы. Вы должны располагать фактами, если желаете составить себе определенное мнение. Я напишу все, что вам нужно, и пришлю без задержки. А теперь, ради бога, забудем хоть на время этот кошмар. Нет ли, Руфь, среди нот м-ра Барнарда чего-нибудь, что ты могла бы нам сыграть?

Музыкальная библиотека Барнарда отличалась скорее строго классическим уклоном, но все-таки мы откопали в ней и несколько более легких пьес в старинном духе, между прочим мендельсоновские «Песни без слов». Мисс Беллингэм прекрасно сыграла одну из них. Вскоре после этого м-р и мисс Беллингэм распростились с нами и ушли.

ОБЗОР ДАННЫХ

— Итак, игра началась, — заметил Торндайк, закуривая трубку. — Игра началась осторожными выступлениями противной стороны. Очень осторожными и не слишком уверенными.

— Почему вы говорите «не слишком уверенными»? — спросил я.

— Видите ли, очевидно, Хёрст, да, вероятно, и Джеллико хотели подкупить Беллингэма, чтобы он им не препятствовал. При данном положении вещей они предлагают ему очень большую сумму. Рассудите: теперь Беллингэм не мо-

жет привести почти никаких доказательств против признания факта смерти своего брата. Но как будто и Хёрст создает, что и у него их не слишком много.

— Да, — проговорил Джервис, — и у него немного козырей в руках, иначе он не соглашался бы выплачивать по 400 фунтов в год своему противнику. Нам это на руку, потому что и у нас карты неважные.

— Мы должны как следует взвесить, какими ресурсами мы располагаем, — сказал Торндайк. — Теперь у нас всего один козырь и довольно незначительный: этот козырь — очевидное намерение завещателя оставить все свое состояние брату.

— Я думаю, теперь вы начнете розыски, — заметил я.

— Мы уже начали их, начали на другой же день после того, как вы принесли нам завещание. Джервис просмотрел все метрические книги и установил, что со времени исчезновения в этих приходах не было похоронено человека по имени Джон Беллингэм. Мы так и ожидали. Ему удалось установить, что еще кто-то наводил справки. Это тоже не было для нас неожиданностью.

— А ваши собственные расследования?

— Они по большей части дали отрицательные результаты. Доктор Норбери из Британского Музея отнесся ко мне по-дружески и готов оказать всяческое содействие. И теперь я даже подумываю прибегнуть к его помощи в некоторых частных моих изысканиях относительно того, какое влияние оказывает время на физические свойства различных веществ.

— Вы мне ничего не говорили об этом, — сказал Джервис.

— Да, в сущности, я только теперь начал составлять план этих опытов и возможно, что они не дадут никаких результатов. Но я считаю вполне вероятным, что с течением времени различные молекулярные изменения могут иметь место в таких веществах, как дерево, кость, глиняная посуда, штукатурка. Если опыт подтвердит мои предположения, то это имело бы огромное значение для судебной медицины, да и не только для нее. Ведь тогда оказалось бы возможным хоть приблизительно определить возраст различ-

ных предметов известного состава при помощи наблюдения их реакций на электричество, тепло, свет и другие молекулярные колебания. Я предполагал прибегнуть к содействию д-ра Норбери, так как он может предоставить мне для опытов объекты такой большой древности, что на них будет чрезвычайно легко определить различные реакции, если таковые будут иметь место. Но вернемся к нашему делу. Я узнал от него, что у Джона Беллингэма были кое-какие друзья в Париже — коллекционеры и музейные работники, которых он обычно посещал как с научной целью, так и для обмена различных образцов. Я у всех наводил справки, и ни один из них не виделся с ним во время его последнего приезда в Париж. И в конце концов я не нашел ни единого человека, кто бы в этот приезд видел Джона Беллингэма в Париже. Таким образом, до сих пор эта поездка остается загадкой.

— Это не имеет большого значения, раз он, несомненно, возвратился оттуда, — заметил я. Но Торндайк со мной не согласился.

— Нельзя определить значение неизвестного, — сказал он.

— Но как же обстоит дело на основании имеющихся у нас данных? — спросил Джервис. — Джон Беллингэм исчез такого-то числа. Есть ли какие-нибудь данные, указывающие на то, каким образом он исчез?

— Факты, которыми мы располагаем, — сказал Торндайк, — главным образом взяты из газетных сообщений. Они допускают несколько толкований; их нам следует обсудить, так как в суде, без сомнения, придется их разбирать. Есть пять допустимых гипотез.

Во-первых, Джон Беллингэм может быть еще жив. Во-вторых, может быть, он умер и похоронен, не будучи опознанным. В-третьих, он мог быть убит неизвестным лицом. В-четвертых, он мог быть убит Хёрстом, а тело его было скрыто. В-пятых, его мог убить его же собственный брат. Рассмотрим по очереди все эти возможности.

Во-первых, он, может быть, еще жив. Если так, то он либо добровольно скрылся, либо внезапно потерял рассудок

и не был никем опознан, либо же был заключен в тюрьму по ложному обвинению или по другим причинам. Рассмотрим первую версию — его добровольное исчезновение. Очевидно, что оно крайне неправдоподобно.

— Джеллико думает иначе, — сказал я. — Он вполне допускает, что Беллингэм еще жив. Ничего необычайного, по его мнению, нет в таком временном исчезновении.

— Так почему же он ходатайствует о признании факта смерти?

— Я задал ему этот же вопрос. Он говорит, что нет ничего некорректного в таком поступке. Вся ответственность лежит на суде.

— Все это вздор, — сказал Торндайк. — Джеллико является поверенным своего отсутствующего клиента и, если он считает, что клиент его жив, он обязан сохранить его имущество неприкосновенным. Он это сам прекрасно понимает. Мы можем считать, что Джеллико одинакового со мной мнения, т. е. что Джона Беллингэма нет в живых.

— Но ведь бывают же случаи, — настаивал я, — когда люди исчезают, а затем, после нескольких лет отсутствия, появляются вновь.

— Да, но по понятным основаниям. Это или безответственные бродяги, которые таким способом избавляют себя от падающей на них ответственности, или люди, попавшие в сеть неблагоприятных для них условий. Какой-нибудь чиновник, стряпчий, купец на всю жизнь прикреплен к одному месту и к нестерпимо однообразному делу, да вдобавок страдает от дурного характера своей жены. Долгие годы он терпеливо все переносит, но, наконец, такая жизнь становится невыносимой; он внезапно исчезает, и осуждать его за это нельзя. Но Беллингэм? Богатый холостяк, многим интересующийся, путешествующий куда ему захочется и делающий что ему вздумается, — зачем ему было исчезать? Это совершенно невероятно.

Вторая гипотеза: он внезапно лишился рассудка и остался неопознанным. Тоже невероятно: ведь, наверно, при нем были визитные карточки, письма, белье его было помечено, да, наконец, полиция повсюду наводила о нем справ-

ки. Гипотезу о тюрьме мы можем совершенно отбросить, так как заключенный, как до, так и после приговора, имел бы полную возможность дать о себе знать своим друзьям. В высшей степени невероятно и то, что он умер внезапно и был погребен, не будучи опознан. Можно еще допустить, что он подвергся ограблению и тело его нельзя было опознать, — с таким предположением придется считаться, несмотря на его слабую вероятность. Третья гипотеза — он мог быть убит неизвестным лицом — далеко не так невероятна; но полиция повсюду производила розыски, а в газетах было приведено подробнейшее описание наружности исчезнувшего; следовательно, необходимо было полнейшее сокрытие тела. Но это, в свою очередь, исключает наиболее вероятное преступление, а именно убийство с целью грабежа. Такая гипотеза, хотя и возможна, но опять-таки маловероятна.

Четвертая гипотеза — Беллингэм был убит Хёрстом. Но один факт восстает против этого предположения. У Хёрста, по-видимому, не было никаких оснований для совершения убийства. Джеллико уверяет, что никому, кроме его самого, не было известно содержание завещания. А если так, хотя никаких доказательств у нас здесь нет, то Хёрст не мог извлечь больших материальных выгод из смерти своего двоюродного брата. Во всех других отношениях эта гипотеза не представляет ничего невероятного. Джона Беллингэма в последний раз видели живым в доме Хёрста. Видели, как он вошел туда, но никто не видел, чтобы он оттуда вышел. Не забывайте одного, что я говорю исключительно на основании газетных сообщений. А теперь, оказывается, Хёрст извлекает огромную выгоду из смерти этого человека.

— Но, — возразил я, — вы забываете, что, как только его хватились, Хёрст вместе с прислугой обыскал весь дом.

— Да. Что же они там искали?

— Как что? Ну, конечно, м-ра Беллингэма.

— Вот именно, м-ра Беллингэма. То есть живого человека. Как же вы обыскиваете дом, если желаете найти живого человека? Вы осматриваете все комнаты. Вы загляды-

ваете в них. Если человек там, вы его видите. Если вы его не видите, вы заключаете, что его там нет. Вы не ищете под диванами или за пианино, вы не выдвигаете больших ящиков, не шарите по шкафам. Вы просто осматриваете комнату. По-видимому, они произвели именно такой осмотр и м-ра Беллингэма не нашли. Но труп мог быть скрыт в любой из тех комнат, где они искали.

— Это — жуткое предположение, — сказал Джервис, — но совершенно правильное. Нет никаких доказательств, что этот человек не находился в доме убитым в то самое время, когда производились поиски.

— Допустим, что так, — сказал я. — Но ведь надо же было как-то отделаться от его тела. Каким же образом это можно было сделать, оставаясь незамеченным?

— Ага, — сказал Торндайк, — теперь мы подошли к самому главному вопросу. Что всегда было, есть и будет камнем преткновения для убийц? — отделаться от тела! Человеческое тело, — продолжал он, задумчиво глядя на свою трубку точно так же, как во времена моего студенчества он имел обыкновение разглядывать мел, — человеческое тело — удивительная вещь. Навсегда скрыть его — дело до крайности трудное. Оно грандиозно и имеет неудобную форму; к тому же оно тяжело; оно не может быть сожжено без остатка, оно химически непрочно, а разлагаясь, выделяет огромное количество зловонных газов, и тем не менее содержит очень прочные ткани, по которым легко опознать убитого. Его очень трудно предохранить от разложения и еще труднее уничтожить окончательно.

— В таком случае мы можем считать, что свет еще увидит Джона Беллингэма?

— Мы можем быть почти уверенными в этом, — ответил Торндайк. — Единственный вопрос — когда? Это может случиться завтра, но может произойти и через сотни лет, когда все связанное с настоящим делом будет позабыто.

— Предположим, — сказал я, — что Хёрст убил его и что тело было спрятано в кабинете в то время, как производились поиски. Как мог он от него отделаться?

— Он мог, — отвечал Торндайк, — или зарыть тело в усадьбе, или же разрезать его на куски и зарыть его частями в разных местах: в обоих случаях тело, почти наверно, было бы найдено.

— Как это и оказалось с теми останками, о которых вы говорили м-ру Беллингэму, — заметил Джервис.

— Вот именно, — сказал Торндайк, — хотя трудно предположить, чтобы действительно умный преступник выбрал кресс-салатовые гряды в качестве места, куда бы скрыть тело.

— Да, это была ошибка. Кстати, я счел лучшим ничего не говорить в то время, как вы разговаривали с м-ром Беллингэмом, но я заметил, что вы, говоря о найденных костях, ничего не упомянули об отсутствующем безымянном пальце левой руки. Я уверен, что вы едва ли упустили из виду этот факт. Ведь он имеет некоторое значение.

— Для установления личности? Нет, при данных обстоятельствах едва ли. Если бы исчез человек, у которого недоставало бы этого пальца, тогда этот факт был бы чрезвычайно важен. Но я не слыхал о таком человеке. Или если бы были какие-нибудь данные, что палец был ампутирован при жизни, факт тогда имел бы чрезвычайно важное значение. Но мы таких данных не имеем. Палец мог быть отрезан после смерти. В этом-то и кроется значение его отсутствия.

— Я не совсем понимаю, что именно вы хотите сказать, — заметил Джервис.

— Хочу сказать, что раз нигде не упоминается о человеке, у которого не хватает именно этого пальца, то весьма вероятно, что палец был удален после смерти. Но почему он был удален? Едва ли он случайно отделился от руки. Что вы думаете?

— Палец, — сказал Джервис, — мог отличаться какими-нибудь особенностями, иметь, например, какой-нибудь характерный недостаток в виде вывихнутого сустава, по которому было бы легко опознать тело.

— Да, но это объяснение вносит то же самое осложнение. Ни одним словом не упоминается о пропавшем человеке, у

которого был бы изуродован или вывихнут палец.

Джервис наморщил брови и взглянул на меня.

— Повесьте меня, если я тут нахожу какое-нибудь объяснение, — сказал он. — А вы как, Барклей?

Я покачал головой.

— Не забывайте, какого именно пальца не хватает, — сказал Торндайк. — Это ведь четвертый палец левой руки.

— А, понимаю! — воскликнул Джервис. — Палец, на котором обыкновенно носят кольцо. Вы, наверно, хотите сказать, что он удален был из-за кольца, которое нельзя было снять.

— Да, это был бы не первый случай в таком роде. Не только у мертвых, но даже у живых отсекали пальцы из-за колец, которые были слишком узки, которые невозможно было снять. Факт, что это левая рука, только подтверждает наше предположение. Узкие кольца предпочтительно носят на левой руке, так как она обычно немного меньше правой. Что с вами, Барклей?

Внезапная догадка осенила меня и это, должно быть, отразилось на моем лице.

— Какой я болван! — воскликнул я. — Мне бы следовало давным-давно вспомнить про это и рассказать вам. Джон Беллингэм носил кольцо, и оно было настолько узко, что, раз надев его, он уже никогда не мог его снять.

— Не знаете ли вы случайно, на какой руке он его носил? — спросил Торндайк.

— Знаю, на левой руке. Мисс Беллингэм говорила мне, что он никогда не мог бы носить этого кольца, не будь его левая рука немного меньше правой.

— Ну вот, — сказал Торндайк. — Имея в своем распоряжении новый факт, мы получили исходную точку для некоторых весьма любопытных соображений.

— Например? — спросил Джервис.

— При настоящем положении дел я должен предоставить вам самостоятельно делать эти построения. Теперь ведь я выступаю от имени м-ра Беллингэма.

Джервис усмехнулся и некоторое время молчал, задумчиво набивая свою трубку; но когда он ее зажег, он снова

возобновил разговор.

— Вернемся к вопросу об исчезновении. Вы ведь не считаете совершенно невероятным, что Беллингэм был убит Хёрстом?

— О, не думайте, что я кого-нибудь обвиняю. Я только чисто теоретически рассматриваю различные возможности. Те же рассуждения могут быть применены и к Бэллингэмам. Увидав Беллингэмов, я, конечно, не могу подозревать их; что же касается Хёрста, то я ничего не знаю или знаю очень мало, что говорит не в его пользу.

— Все-таки вам известно что-нибудь? — спросил Джервис.

— Видите ли, — не без некоторого колебания начал Торндайк, — не слишком хорошо перебирать прошлое человека. Однако это необходимо. Разумеется, я навел обычного характера справки относительно заинтересованных в этом деле лиц, и вот что мне удалось обнаружить. Хёрст, как вам известно, биржевой маклер. Он занимал хорошее положение и имел хорошую репутацию. Но приблизительно лет десять тому назад он совершил, выражаясь мягко, неосторожный поступок, который поставил его в затруднительное положение. По-видимому, он пустился в крупные спекуляции, значительно превышающие его средства. Внезапное падение цен перевернуло все его расчеты, и тут выяснилось, что он пользовался деньгами и обеспечениями своих клиентов. Одно время казалось, что ему грозят крупные неприятности, но потом совершенно неожиданно ему удалось каким-то образом занять необходимую сумму и удовлетворить всех своих кредиторов. До сих пор неизвестно, откуда он раздобыл эти деньги. Важно то, что он достал их и заплатил все, что был должен. И хотя, конечно, эта история не говорит в его пользу, тем не менее прямого отношения к настоящему делу она не имеет.

— Да, — согласился Джервис. — Но эта история заставляет нас все-таки с большим тщанием присмотреться к его действиям.

— Без сомнения, — сказал Торндайк.

В ПОИСКАХ

Прошло дня два или три после этого ужина. Я стоял у себя в приемной, чистя шляпу, уже готовый отправиться по утренним визитам, как вдруг мне докладывают, что два господина ожидают меня в амбулатории. Я велел привести их в приемную и минуту спустя в комнату вошел Торндайк в сопровождении Джервиса. Торндайк сразу приступил к изложению цели своего визита:

— Мы пришли попросить вас об одном одолжении, Барклей, — сказал он. — Вы можете оказать нам большую услугу в интересах ваших друзей, Беллингэмов.

— Вы знаете, что я всегда с наслаждением сделаю все, что в моих силах, — сказал я горячо. — В чем же дело?

— Сейчас я объясню. Вы ведь знаете, — а, впрочем, может быть, и нет, — что полиция собрала все найденные кости и поместила их в морге в Удфорде, где они будут освидетельствованы коронером и присяжными. Мне необходимо иметь более точные и надежные сведения, чем те, которые я могу получить из газетных сообщений. Лучше всего было бы мне самому съездить и осмотреть их, но по некоторым соображениям крайне желательно сохранить в тайне то, что я принимаю участие в этом деле. Поэтому я не могу лично отправиться туда, по этой же причине не могу направить туда и Джервиса. Между тем, в газетах прямо говорится, что полиция почти не сомневается, что это — останки Джона Беллингэма и, стало быть, вполне понятно, если вы, в качестве врача Годфри Беллингэма, отправитесь туда, чтобы по его поручению освидетельствовать их.

— Мне очень хочется поехать туда. Я бы многое дал за это, — сказал я. — Только как это устроить? Надо будет уехать на целый день и предоставить больных самим себе.

— Я думаю, что это можно уладить, — сказал Торндайк. — Дело же это чрезвычайно важно по двум причинам. Во-первых, следствие начинается завтра, и необходимо, чтобы кто-нибудь следил за судебной процедурой в интересах Год-

ффи Беллингэма, а во-вторых, наш клиент получил уведомление от поверенного м-ра Хёрста, что дело об утверждении завещания будет слушаться в суде через несколько дней.

— Что-то уж очень быстро, — сказал я.

— Да, видимо, за это принялись энергичнее, чем мы предполагали. Но вы сами понимаете, насколько это дело важно. Следствие это будет чем-то вроде генеральной репетиции перед судом. Поэтому крайне важно, чтобы мы имели возможность учесть все шансы.

— Да, я понимаю. Но что же мне делать с больными?

— Мы найдем заместителя.

— Если вы согласитесь, то я сию же минуту это улажу, — сказал Джервис.

— Прекрасно. Пригласите заместителя, а я отправлюсь в Удфорд тотчас же, как только он придет.

— Великолечно, — сказал Торндайк. — Теперь у меня словно гора с плеч долой. Постарайтесь забежать к нам сегодня вечером, покурим да заодно обсудим план кампании, а я вам скажу, какие именно сведения для нас особенно важны.

Я обещал зайти к нему в половине девятого, после чего друзья мои распрощались со мной, оставив меня в приподнятом состоянии духа.

* * *

Я занял место в углу купе, с потухшей трубкой в руках, и перед глазами моими проходили события самого недавнего прошлого. Вытащив из кармана инструкции, написанные для меня Торндайком, я тщательно перечел их. Они были очень ясны и подробны. Составляя их, Торндайк имел в виду недостаток моей опытности в судебно-медицинских вопросах. Морг, куда я отправился, находился под надзором полицейского сержанта, который подозрительно следил за моим приближением. А с полдюжины каких-то лю-

дей, очевидно, газетных репортеров, шныряли около входа, подобно стае шакалов.

Я предъявил ордер коронера, полученный м-ром Марчмонтом. Сержант прочел его, прислонившись спиной к стене, чтобы репортеры не заглядывали через его плечо и не прочли бы документ. Бумаги мои были найдены достаточными, и двери передо мной раскрылись. Я вошел в сопровождении трех предприимчивых репортеров, которых, однако, сержант заставил выйти и, заперев дверь, провел меня в помещение. Интерес, который он проявлял ко всем моим действиям, крайне стеснял меня.

Кости были разложены на большом столе и покрыты листом бумаги. Сержант медленно отвернул его, внимательно наблюдая за выражением моего лица, желая видеть, какое впечатление произведет на меня это зрелище. Кажется, он был разочарован моим бесстрастным видом, так как эти останки были для меня такими же обыкновенными костями, по которым студенты изучают остеологию.

Все кости были расположены в должном анатомическом порядке. Это было сделано полицейским врачом, как сообщил мне сержант. Несмотря на это, я тщательно пересчитал их, чтобы убедиться, все ли они налицо. Я проверил их по списку, которым снабдил меня Торндайк.

— Вы нашли, значит, и левую берцовую кость? — сказал я, заметив, что о ней не упоминалось в списке.

— Да, — сказал сержант, — ее нашли вчера вечером в большом пруду на песчаной равнине около Литтл Монк Ууд.

— Это недалеко отсюда? — спросил я.

— В лесу, по дороге в Лаутон, — был ответ.

Я записал этот факт. Сержант наблюдал за мной с таким выражением, как будто сожалел, что сообщил мне об этом. Затем я сделал общий обзор костей, прежде чем приступить к их детальному обследованию. Внешний вид их значительно бы выиграл, и обследование было бы сильно облегчено, если бы их как следует отскоблили. Но они находились в том виде, в каком их вытащили из ила, и трудно было решить, была ли красновато-желтая окраска естественной или же нет. Но окраска была одинаковая у всех, и я отметил

этот факт. Пребывание под водой оставило на них многочисленные следы, но они не могли помочь мне установить, сколько времени кости находились там. Конечно, они были покрыты илом, а местами к ним пристали водоросли. Но все же это не давало решительно никаких объяснений.

Однако некоторые следы были более показательны. К некоторым из костей, например, прилипли сухие яички обычной речной улитки, а в одной из выемок правой лопатки было целое гнездо трубочек красного речного червя, вылепленных им из глины. Эти следы указывали, что кости находились под водой в течение продолжительного срока, да кроме того, немало времени должно было пройти, пока не исчезли все мягкие ткани. Кости лежали в том положении, в каком они были найдены, и хотя при данных обстоятельствах это, казалось, не имело значения, но я тщательно записал положение всех приставших частиц, а также сделал грубые зарисовки.

Сержант следил со снисходительной улыбкой за всеми моими действиями.

— Вы составляете точный инвентарь, сэр, — заметил он. — Не думаю, чтобы эти улиточные яйца помогли вам установить личность.

— Все это уже проделано, — сказал он, увидав, что я вынул сантиметр.

— Конечно, — ответил я, — но мое дело произвести самостоятельное обследование и проверить предыдущее, если это понадобится.

Как размеры, так и общий вид парных костей почти не оставляли сомнения в том, что они составляли части одного целого.

Закончив измерения, я снова тщательно осмотрел все кости, чтобы убедиться, нет ли на них каких-нибудь особенностей, на которые указывал Торндайк. Но мой осмотр дал отрицательные результаты. Они были безнадежно нормальны.

— Итак, сэр, какое же вы сделаете заключение? — весело спросил сержант в то время, как я закрыл свою записную книжку и выпрямился. — Чьи это кости? Не м-ра ли

Беллингэма? Что вы скажете?

— Я затрудняюсь сказать, чьи это кости. Они так похожи одна на другую.

— Да, конечно, — согласился он. — Я полагал, что благодаря этим заметкам и измерениям вы пришли к какому-нибудь определенному выводу. — Очевидно, он разочаровался во мне, а я разочаровался в себе, сравнивая подробнейшие инструкции Торндайка с полученными мной жалкими результатами.

Сержант собирался снова закрыть кости, как вдруг внезапно постучали во входную дверь. Он тщательно прикрыл их, потом, проведя меня в прихожую, повернул ключ и впустил трех человек, оставив для меня дверь открытой. Но вид вновь прибывших заставил меня замешкаться. Один из них был местным констэблем, второй был простым рабочим. Он был весь покрыт грязью, а за спиной у него был небольшой мешок. В третьем же я почуял собрата, врача по профессии.

Сержант все еще держал дверь открытой.

— Больше я ничем не могу служить вам, сэр? — любезно спросил он.

— Это районный врач? — поинтересовался я.

— Да, я районный врач, — ответил вновь прибывший. — Что вам угодно?

— Этот господин — врач, получивший от коронера разрешение осмотреть кости. Он выступает от имени семьи покойного, т. е. я хочу сказать — семьи м-ра Беллингэма, — добавил сержант, заметив вопросительный взгляд врача.

— Понимаю, — сказал этот последний. — Сейчас, по-видимому, нашли остальную часть туловища, включая ребра, недостающие ребра. Не правда ли, Девис?

— Да, сэр, — ответил констэбль. — Инспектор Бэджер говорит, что теперь все ребра на месте, а также все шейные позвонки.

— Кажется, ваш инспектор занимается анатомией? — заметил я.

Сержант оскалил зубы.

— М-р Бэджер очень знающий человек. Он приезжал

сюда рано утром и долго осматривал кости и проверял их по списку в своей записной книжке. Он, думается мне, что-то тут нащупал, хотя ни словом не обмолвился об этом.

— Выложим эти новые кости на стол, — сказал полицейский врач. — Уберите этот лист, да не вытряхивайте их из мешка, словно угли. Вынимайте осторожнее.

Рабочий извлек из мешка одну за другой влажные и покрытые грязью кости, а врач разложил их в должном порядке.

— Да, чистая была работа, — сказал он. — Кости тщательно разделены по суставам. Этот парень имел кой-какие познания по анатомии, а, может быть, он был мясник. Он необыкновенно ловко владел ножом. Обратите внимание: кажется, рука отделена вместе с ключицей, — мясник так именно отрубают баранью ножку. Нет ли еще костей в этом мешке?

— Нет, сэр, — ответил рабочий, вытирая руки о шаровары с видом человека, закончившего свое дело. — Здесь — все.

Врач в раздумье посмотрел на кости, еще раз передвинул их, и, наконец, сказал:

— Инспектор прав. Все шейные позвонки налицо. Это очень странно, не правда ли?

— В каком отношении?

— Я хочу сказать, что этот эксцентричный убийца без видимой причины доставил себе массу хлопот. Возьмите, например, эти шейные позвонки. Он, очевидно, очень осторожно отделил череп от атланта вместо того, чтобы прямо перерезать шею. А посмотрите, как он разделил туловище. Только что сейчас были найдены двенадцатые ребра, а двенадцатый спинной позвонок был найден вместе с нижней частью туловища. Подумайте только, каких трудов это ему стоило. Чрезвычайно любопытно! Берите осторожнее! — Он взял кончиками пальцев кости грудной клетки, — они были покрыты влажной грязью, — и, передавая ее мне, сказал:

— Вот самое несомненное доказательство.

— Вы хотите сказать, что, соединив все кости в одно, мы можем теперь определить возраст покойного? Это был, очевидно, человек средних лет.

— Да, это очевидный вывод, который подтверждается и отложениями костных тканей на реберных хрящах. Скажите инспектору, Дэвис, что я проверил кости, они все налицо.

— Не будете ли вы так добры записать это, сэр? — сказал констэбль. — Инспектор Бэджер сказал, чтобы я все сообщения получал в письменной форме.

Врач вынул свою записную книжку. Перелистывая ее, он спросил:

— Как вы определяете рост покойного?

— Я думаю, рост его был приблизительно 5 ф. 8 дм.

— По моим расчетам, 5 футов с половиной, — сказал полицейский врач. — Но мы сумеем определить точнее, когда найдутся нижние кости ног. Где была сделана последняя находка, Дэвис?

— В пруду, по дороге в Лордс Бушес, сэр. Инспектор сейчас отправился в...

— Неважно, куда, — перебил его сержант. — Отвечайте только на вопросы и занимайтесь своим делом.

Окрик сержанта был намеком, который я не замедлил понять. Хотя мой коллега и отнесся ко мне вполне по-дружески, но было ясно, что полиция, считая меня чужим, не желала посвящать меня в свои дела. Поэтому я поблагодарил своего коллегу и сержанта за их любезность и, распрощавшись с ними, вышел на улицу и зашагал прочь, пока не нашел незаметного местечка, откуда я мог наблюдать за дверью морга. Несколько минут спустя я увидел, как оттуда вышел констэбль Дэвис и направился куда-то по дороге. Я следил за его быстро уменьшавшейся фигурой, пока он не удалился на достаточное расстояние; тогда я пошел следом за ним. Дорога шла прямо от деревни и через полмили подходила к самой опушке леса. Здесь я ускорил шаги, чтобы немного сократить расстояние. Вышло очень кстати, так как он внезапно свернул с дороги, и я потерял его из виду. Я пошел еще быстрее и снова увидел его в то время, как он свернул на узенькую тропинку, ведущую в буковый

лес, внизу густо заросший остролистником. Несколько минут шел я за ним, постепенно сокращая расстояние между нами, как вдруг слуха моего достигли ритмичные звуки, похожие на звуки насоса. Вскоре до меня донеслись и голоса людей, а затем констэбль свернул с тропинки в чащу леса.

Теперь я продвигался вперед осторожнее, пытаюсь ориентироваться по долетавшим до меня звукам. А затем я сделал маленький крюк, чтобы подойти к ним со стороны, противоположной той, с которой появился констэбль.

Идя на шум насоса, я, наконец, вышел на маленькую лужайку и остановился. Посреди лужайки находился небольшой пруд, имевший не более 12 ярдов в ширину, на берегу его стояла маленькая рабочая тачка. На ней, очевидно, привезли все инструменты: большой чан, наполненный теперь водой, лопата, грабли, грохот и переносной насос с длинной кишкой. Помимо констэбля, тут находилось еще трое, один из них работал у насоса, а другой читал бумагу, которую ему только что передал констэбль. Он пристально и с нескрываемым неудовольствием взглянул на меня, когда я подходил.

— Алло, сэр! Сюда нельзя, — сказал он. — Я не могу позволить вам оставаться здесь. Мы заняты делом секретного характера.

— Я знаю, чем именно вы заняты, инспектор Бэджер.

— Неужели? — сказал он, глядя на меня с хитрой усмешкой. — Я тоже знаю, зачем вы пришли. Но вы должны сейчас же уйти. Сейчас мы не можем допустить сюда вашу газетную братию.

Я счел наилучшим сразу же рассеять его заблуждение, объяснив ему, кто я такой, и показал ему ордер коронера, который он прочел с явным раздражением.

— Все это прекрасно, сэр, — сказал он, возвращая мне бумагу, — но это не дает вам права следить за всеми действиями полиции. Все находки мы препровождаем в морг, и там вы их можете осматривать, сколько вашей душе угодно. Но я не могу разрешить вам остаться здесь и наблюдать за нами.

Я вовсе не имел в виду следить за действиями инспек-

тора, но неосторожные слова сержанта возбудили мое любопытство, которое еще больше возросло благодаря очевидному желанию Бэджера отделаться от меня.

Пока мы разговаривали, насос прекратил работу (глинистое дно пруда было теперь совсем обнажено), а сопровождавший инспектора человек начал нетерпеливо вертеть в руках лопату.

— Тактично ли с вашей стороны, инспектор, дать людям повод говорить, что вы не допустили представителя семьи Беллингэмов присутствовать при розысках, дабы он не мог проверить правильности ваших будущих донесений? — заметил я.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил инспектор.

— Я хочу сказать, что если случайно найдется кость, которая окажется частью скелета м-ра Беллингэма, этот факт будет иметь большее значение для его семьи, чем для кого бы то ни было. Вы ведь знаете, что вопрос идет об очень богатом поместье и спорном завещании.

— Я ничего не знаю и не вижу, какое это имеет отношение к нашим действиям (сам я этого тоже не видел). Но раз вы так настаиваете, я не могу вам отказать. Только не мешайте нам, — обратился он ко мне, — вот и все.

Услышав эти слова, его помощник взялся за лопату и спустился на илистое дно. Мы все внимательно следили за ним. Вначале поиски были бесплодны. Один только раз искавший нагнулся и поднял какой-то предмет, который оказался куском гнилого дерева. Но вдруг он внезапно наклонился над маленькой лужицей, оставшейся в одной из более глубоких впадин, внимательно осмотрел ее и потом выпрямился.

— Тут есть что-то очень похожее на кости, сэр, — проговорил он нараспев.

— Не ройте кругом, — сказал инспектор. — Поднимите это прямо на лопату и кладите на грохот.

Приказание было исполнено, и на берег была вынесена полная лопата илистой грязи. Мы все окружили грохот, который инспектор держал над чаном; он приказал констеблю и рабочему помочь ему, очевидно, желая, чтобы они

столпились около чана и по возможности оттеснили меня. Когда все содержимое лопаты было положено на грохот, все четверо так низко нагнулись над ним, что совершенно скрыли его от меня. Я вытянул шею и пытался заглянуть то с одной, то с другой стороны. Количество ила и грязи постепенно уменьшалось, по мере того как инспектор опускал грохот в воду и понемногу встряхивал его. Наконец инспектор вынул грохот из воды и наклонился еще ниже, чтобы посмотреть его содержимое. Очевидно, это обследование не дало никаких конкретных результатов, так как он пробормотал что-то невнятное.

В конце концов он выпрямился и, повернувшись ко мне, с любезной, но хитрой усмешкой протянул мне грохот.

— Не желаете ли вы посмотреть на нашу находку, доктор? — спросил он.

Я поблагодарил и наклонился над грохотом. В нем находились маленькие веточки, истлевшие листья, водоросли, речные улитки, ракушки, словом, все, что можно найти на илистом дне старого пруда. Но, помимо их, в решете были три маленькие косточки, при виде которых я очень удивился, пока не разобрал, что именно они представляли.

Инспектор вопросительно смотрел на меня.

— Ну? — сказал он.

— Да, это очень интересно, — сказал я.

— Это человеческие кости?

— Без сомнения, — ответил я.

— Может быть, вы сразу скажете, какой это палец? — спросил инспектор.

Я подавил улыбку (так как ожидал этого вопроса) и ответил:

— Могу вам сказать, что это, во всяком случае, не палец руки. Это — кости сустава большого пальца ноги.

Лицо инспектора вытянулось.

— Черт возьми! — пробурчал он. — М-да, мне тоже показалось, что они слишком велики.

— Мне думается, — сказал я, — что если вы хорошенько поищите в том же месте, то найдете и всю ногу.

Сейчас же начались новые поиски. И когда искавший

наполнил грохот в третий раз, на дне его остался полный скелет ноги.

— Ну, теперь, я полагаю, вы должны быть совершенно удовлетворены, — сказал инспектор, в то время как я проверял кости. Они были все налицо.

— Я был бы еще более удовлетворен, — ответил я, — если бы узнал, что именно вы искали тут? Ведь не ногу же вы искали, не правда ли?

— Я искал то, что мне попадется, — ответил он, — и буду искать до тех пор, пока не найду всего скелета. Я обшарю все окрестные речки и пруды, за исключением Конау Уотер, его я оставлю под конец, так как там придется действовать при помощи драги, — не так, как в этих маленьких прудах. Но, может быть, череп окажется там; ведь этот пруд глубже всех остальных.

Так как теперь я узнал все, что мог узнать, то я решил далее не стеснять своим присутствием инспектора и предложить ему одному продолжать поиски. Поэтому я поблагодарил его за любезность и направился обратно той же дорогой, которой пришел.

На обратном пути я все думал о действиях инспектора. Осматривая изуродованную руку, я пришел к заключению, что палец был удален после смерти или незадолго до нее. Но первое было вернее. Очевидно, еще кто-то пришел к такому же заключению и сообщил свое мнение инспектору Бэджеру, так как было очевидно, что он искал именно этот палец. Но почему же он искал его здесь, раз рука была найдена в Сидкепе? И что он рассчитывал узнать благодаря этой находке? В отдельном пальце нет ничего особенно характерного. Целью же настоящих поисков являлось установить личность человека, которому принадлежали все эти кости.

Во всей этой истории было что-то таинственное; было похоже, что у инспектора Бэджера имелись сведения частного характера. Но какие сведения могли быть у него и откуда?

Ответить на эти вопросы я не мог. Я тщетно ломал себе голову, пока не дошел до скромной гостиницы, в которой собирался закусить перед предстоящим следствием.

ДОПРОС У КОРОНЕРА

Допрос должен был происходить в длинном зале, пристроенном к гостинице, предназначавшемся, судя по различным принадлежностям, совершенно для иных, более веселых целей.

Туда-то я и отправился не спеша, позавтракав и выкулив трубочку. Я пришел первым. Присяжные были приведены к присяге и прошли в морг осматривать останки. Я старался убить время, угадывая занятия постоянных посетителей по предметам, находившимся в зале.

Осмотрев их, я перешел к картинам на стенах, когда публика и свидетели стали собираться. Я поспешил сесть на единственное удобное кресло, кроме стоявшего у стола, вероятно, для коронера. И только что я сел, как вошел коронер с присяжными. За ними появились судебный пристав, инспектор Бэджер, один или два человека в штатском платье и, наконец, районный врач.

Коронер занял место за столом и открыл книгу, а присяжные расселись на скамьи по одну сторону длинного стола.

Я посмотрел на них. Эти двенадцать «лучших людей» представляли характерную группу британских торговцев и ремесленников, спокойных, внимательных и немного важных. Но мое внимание привлек в особенности маленький человек с умным лицом и очень большой головой, со щеткой волос, торчавших ежиком. Я подумал, что это деревенский сапожник. Он сидел между широкоплечим старшиной, похожим на кузнеца, и утрюмым краснолицым мужчиной, грязным и сальным, что заставляло предполагать в нем мясника.

— Джентльмены, — начал коронер, — допрос, который мы начинаем, имеет в виду разрешение двух вопросов. Первый — удостоверение личности: кто был тот человек, кости которого мы только что осматривали? Второй — как, когда и каким образом постигла его смерть? Мы займемся сна-

чала удостоверением личности и начнем с обстоятельств, при которых были найдены его кости.

Коронер начал вызывать свидетелей. Первым был огородник, нашедший кости в грядках кресс-салата.

— Не знаете ли вы, как давно эти гряды чистились до этого? — спросил коронер, когда свидетель рассказал, как он нашел кости.

— Их чистили по приказанию м-ра Тэпера перед тем, как он сдал их, около двух лет назад. Это было в мае. Я тогда работал на самом этом месте, и никаких костей тогда не было.

Коронер взглянул на присяжных.

— Нет вопросов? — спросил он.

Сапожник бросил угрожающий взгляд на свидетеля и спросил:

— Вы искали кости, когда нашли эти останки?

— Я? — воскликнул свидетель. — С какой стати мне искать кости?

— Не отвиливайте, — сказал сапожник. — Отвечайте: да или нет?

— Конечно, нет.

Присяжный мотнул своей огромной головой: так и быть, мол, на этот раз пропустим. Допрос свидетелей продолжался, не выяснив ничего для меня нового, и никаких инцидентов не было, пока сержант не стал рассказывать о находке правой руки в колодце.

— Это была случайная находка? — спросил коронер.

— Нет. У нас был приказ Скотланд-Ярда исследовать все пруды и колодцы в окрестностях.

Коронер скромно воздержался от дальнейшего развития этого вопроса, но сапожник, видимо, уже был взвинчен, и я предвкушал перекрестный допрос м-ра Бэджера, который, по-видимому, разделял мое предчувствие, потому что взглянул весьма неодобрительно на слишком пытливого присяжного.

— Находка нижней части торса в Степльском пруду, в Лофтоне, была достижением самого инспектора. Открытие это, — заметил он скромно, — последовало непосред-

венно за открытием правой руки.

— Были ли у вас какие-нибудь частные сведения, поведшие к розыскам в этой местности? — спросил сапожник.

— У нас вообще не было никаких частных сведений, — отвечал Бэджер.

— Но, скажите, пожалуйста, — продолжал присяжный, внушительно грозя очень грязным пальцем инспектору, — вот нашли какие-то останки в Сидкепе, еще какие-то останки в Санкт-Мэри Крэй, и еще какие-то в Ли. И все это в Кенте. Разве не удивительно, что вы направляетесь напрямиком в Эпингский лес, который находится уже в Эссексе, разыскиваете там кости и находите их?

— Мы систематически обследовали все подходящие места, — отвечал Бэджер.

— Именно, — сказал сапожник, — я так и думал. Но любопытно, что, найдя кости в Кенте, милях в двадцати отсюда, да еще за Темзой, вы являетесь сюда и прямо направляетесь к Степльскому пруду, где они и были, и находите кости?

— Было бы еще любопытнее, если бы мы нашли их там, где их не было, — сердито отвечал Бэджер.

Остальные одиннадцать «лучших и верных людей» захихикали от удовольствия, а сапожник свирепо улыбнулся. Но тут вмешался коронер.

— Это вопрос несущественный, — сказал он, — и мы не должны утруждать полицию бесполезными вопросами.

— Я убежден, — возразил сапожник, — что он знал с самого начала, что там есть кости.

— Свидетель утверждает, что у него не было частных сведений, — сказал коронер и продолжал допрос свидетелей со стороны инспектора. А скептик-присяжный внимательно вслушивался.

Был вызван участковый врач.

— Вы осматривали кости, находящиеся сейчас в морге? — спросил коронер.

— Осматривал.

— Расскажите, что вы отметили.

— Я нашел, что все кости человеческие и взяты от одного скелета. Не хватает черепа, четвертого пальца на левой кисти руки, коленных чашек и берцовых костей, т. е. костей от колен до щиколотки.

— Нет ли чего-нибудь особенного в отсутствии недостающего пальца?

— Нет. Никакой ненормальности и никакого признака, что он был ампутирован при жизни.

— Можете ли вы дать какое-нибудь описание покойного?

— Я сказал бы, что у него кости пожилого человека, вероятно, старше шестидесяти лет, около пяти футов восьми с половиной дюймов росту, очень крепкого сложения, мускулистого и хорошо сохранившегося. Нет признаков болезненности, исключая застарелой подагры правого бедренного сочленения.

— Есть у вас какие-нибудь предположения о причине смерти?

— Нет. Никаких признаков насилия и следов повреждения. Но ведь нельзя составить об этом никакого мнения, пока мы не видели черепа.

— Не заметили ли вы чего-нибудь особенного?

— Я был поражен познаниями в анатомии и искусством лица, которое разделяло на части эти останки. Кости были разделены по анатомической группировке. Шейные позвонки все целы и кончаются так называемым атлантом. Лицо, незнакомое с анатомией, отрезало бы голову посреди шеи. Затем, руки отделены вместе с лопаткой и ключицей, как для препарирования. Знание заметно по осторожному отделению частей тела в сочленениях, не видно ни царапин, ни зарубок на костях.

— Можете вы предположить, какое лицо обладало такими познаниями?

— Вернее всего, это был врач или студент-медик, возможно — мясник, вообще лицо, привыкшее к диссекции трупов и ловко действующее ножом.

Тут сапожник вдруг встал.

— Я протестую, г-н председатель, — сказал он. — Д-р Сэммерс намекает, что преступление было совершено человеком уважаемой профессии, представитель которой есть в числе присяжных.

— Оставьте меня в покое, — проворчал мясник.

— Нет, я желаю...

— Замолчите, Поп, — произнес старшина, протягивая огромную лапу и, потянув сапожника за фалды, принудил его сесть.

Но и сидя, м-р Поп не умолкал.

— Прошу занести мой протест в протокол.

— Этого я не могу допустить и прошу не прерывать свидетеля.

Мясник стал уговаривать Попа громким шепотом.

— Джентльмены! — строго сказал коронер. — Я не могу допустить такого неподобающего поведения. Я настаиваю на том, чтобы вы держали себя прилично.

Обратившись к свидетелю, он продолжал допрос.

— Можете ли вы сказать, доктор, сколько времени прошло со смерти покойного?

— Я могу сказать только, что не меньше, чем полтора года, но больше ничего. Насколько больше — нельзя определить осмотром. Кости совершенно очистились от более мягких тканей и в таком состоянии могут оставаться долгие годы.

— По свидетельству человека, нашедшего кости, они не могли пробыть в грядах кресс-салата более двух лет. Согласуется ли это с вашим мнением?

— Да, совершенно.

— Есть еще один важный пункт, доктор. Находите ли вы в какой-нибудь из костей — или во всех вместе, — по чему можно было бы определить, что они принадлежали какому-нибудь определенному индивидууму?

— Нет, я не нахожу никакой особенности, которая дала бы возможность определения личности.

— Нам было дано описание одного исчезнувшего лица, — сказал коронер, — человека пятидесяти девяти лет, пяти футов восьми дюймов ростом, здорового, хорошо сохранив-

шегоса, крепкого сложения, с застарелым Поттовым переломом левого бедра. Отвечают ли кости, которые вы осматривали, этому описанию?

— Да, насколько это возможно. Кости могут быть и этого субъекта. Но положительного указания на это нет. Описание может относиться к размерам скелета пожилого человека, исключая вот этот перелом.

— Вы не нашли следов такого перелома?

— Нет. Поттов перелом бывает в берцовой кости. Эта кость еще не найдена.

— Вы говорите, рост покойного был на полдюйма больше, чем рост пропавшего человека? Значит ли это, что описание не подходит?

— Нет. Я мог рассчитывать только приблизительно. Так как кости ног не все налицо, то я считал по ширине, с распростертыми руками. Но измерение бедра приводит к тем же результатам. Покойный мог быть ростом от пяти футов восьми дюймов до пяти футов девяти дюймов.

— Благодарю вас. Это все, что мы хотели узнать от вас, но, может быть, присяжные желают предложить вопросы?

Он взглянул неохотно в сторону присяжных, и неукротимый Поп воспользовался случаем.

— Не можете ли сказать нам, — спросил он, — почему был отнят недостающий палец?

Тут коронер вмешался.

— Доктор обязан дать показание только о тех костях, которые налицо.

— Но, сэр, — возразил Поп, — мы желали бы знать, почему был отделен этот палец? Могу я спросить, сэр, не было ли чего-нибудь особенного относительно этого пальца у того лица, которое пропало?

— Ничего нет относительно этого в описании личности, — отвечал коронер.

— Может быть, — предположил сапожник, — инспектор Бэджер может сказать нам?

— Мне кажется, — сказал коронер, — нам лучше не задавать полиции лишних вопросов. Нам скажут все, что было бы желательно довести до общего сведения.

— О, конечно! — выпалил сапожник. — Если это тайна, то я не имею больше ничего сказать. Только я не знаю, как мы можем вынести приговор, если нам не будут давать фактов.

Допрос свидетелей был кончен, и коронер перешел к резюме и обратился к присяжным.

— Вы слышали, джентльмены, показания разных свидетелей и, вероятно, пришли к заключению, что показания эти не помогут нам ответить ни на один из вопросов, составляющих предмет заседания. Мы знаем теперь, что покойный был пожилой человек, около шестидесяти лет от роду и около пяти футов девяти дюймов росту, и что его смерть произошла от полутора до двух лет тому назад.

Это все, что мы знаем. Относительно того, чему подвергалось тело, мы можем делать предположения, но мы ничего наверное не знаем. Мы не знаем, кто был этот человек и отчего он умер. Следовательно, необходимо отложить этот процесс, пока у нас на руках не будет новых фактов. И как только мы их узнаем, вы будете извещены, что ваша помощь необходима.

Тишина судебного заседания сменилась смешанным шумом отодвигаемых стульев и общим оживленным говором. Я встал и выбрался на улицу. В дверях я встретил д-ра Сэммерса, которого ожидал шарабан.

— Вы отправляетесь обратно в город? — спросил он.

— Да, — отвечал я, — как только захвачу поезд.

— Я могу доставить вас к пятичасовому. Вы не попадете к нему, если пойдете пешком.

Я с благодарностью принял предложение и через минуту мы быстро катились по дороге к станции.

— Вот заноза-то этот Поп! — заметил д-р Сэммерс. — Любопытный тип. Социалист, агитатор, так и подхлестывает. Такие парни бывают очень полезны. Некоторые из его вопросов были слишком смелы.

— Так, вероятно, думает и Бэджер.

— Да, клянусь Юпитером, — засмеялся Сэммерс. — Бэджеру он не очень-то понравился, и я подозреваю, что почтенному инспектору трудно было вывернуться.

— Вы думаете, у него действительно была частная информация?

— Зависит от того, что вы называете информацией. Полиция не особенно-таки ретива. Они не доставили бы себе столько труда, если бы не имели откуда-нибудь прямых указаний. Как поживают м-р и мисс Беллингэм? Я познакомился с ними, когда они жили здесь.

Я искал подходящего ответа на этот вопрос, когда мы подъезжали к станции. В ту же минуту поезд подкатил к платформе. Быстро пожав руку доктору и наскоро поблагодарив его, я соскочил с шарабана и устремился на станцию.

Во время медленного переезда домой я просматривал заметки, стараясь извлечь из отмеченных фактов какой-нибудь иной смысл, чем они представляли на первый взгляд, но без успеха. Потом я стал размышлять, что подумает Торндайк о показаниях на следствии и будет ли удовлетворен сведениями, которые я собрал. Эти мысли занимали меня всю дорогу до Темпла. Нетерпеливо поднимался я по лестнице к квартире своего друга.

Но здесь меня ждало разочарование. Гнездо было пусто. Только Поультон появился в дверях лаборатории в белом переднике и с парой каких-то плосконосых форм в руках.

— Доктору нужно было поехать в Бристоль по важному делу, — объяснил он мне, — и д-р Джервис поехал с ним. Они проезжают день или два, я думаю. А вам доктор оставил записку.

Он достал письмо с этажерки, где оно было выставлено на видном месте, и передал мне. Это была коротенькая записка, в которой Торндайк извинялся за свой внезапный отъезд и просил меня отдать Поультону мои заметки со всеми комментариями, какие я должен был сделать.

«Вам интересно будет узнать, — прибавлял он, — что дело о завещании будет заслушано послезавтра. Я, наверно, не успею вернуться, как и Джервис, поэтому мне хотелось бы, чтобы вы присутствовали и внимательно наблюдали за всем, что может произойти во время слушания дела, и что не будет занесено в записку, которую поручено будет составить клерку Марчмонта. Я просил д-ра Пэйна заменить

вас и помочь вам в вашей практике, так что вы со спокойной совестью можете отправиться в суд».

Это было очень лестно, и я с благодарным чувством за оказанное Торндайком доверие положил письмо в карман, передал свои заметки Поульстону, попрощался с ним и отправился в Феттер-Лейн.

В СУДЕ

Когда мы вошли с мистером и мисс Беллингэм в отделение по рассмотрению завещаний в суде, какой-то пожилой джентльмен с приятным лицом поднялся нам навстречу, сердечно пожав руку м-ру Беллингэму и приветствовав мисс Беллингэм почтительным поклоном.

— Это м-р Марчмонт, доктор, — сказал м-р Беллингэм, представляя нас друг другу.

Поверенный проводил нас к скамье, на дальнем конце которой сидел господин. Я узнал в нем м-ра Хёрста. М-р Беллингэм тоже узнал его и в ту же минуту метнул на него гневный взгляд.

— Я вижу, что этот негодяй здесь! — воскликнул он довольно громко. — Делает вид, что не видит меня, потому что ему стыдно смотреть мне в глаза, но...

— Тише, тише, дорогой сэр! — воскликнул испуганно поверенный. — Нельзя так говорить, особенно здесь. Прошу, умоляю: сдерживайте ваши чувства!..

— Простите, Марчмонт, — отвечал виновато м-р Беллингэм. — Я буду следить за собой. Я буду совсем скромн. Не стану даже смотреть в его сторону, а то не выдержу и схвачу его за нос!..

Такая форма скромности заставила Марчмонта посадить меня и мисс Беллингэм между ее отцом и его врагом.

— Кто этот длинноносый малый, что разговаривает с Джеллико? — спросил м-р Беллингэм.

— Это м-р Лорам, юрисконсульт м-ра Хёрста, а веселого вида господин рядом с ним — наш юрисконсульт, м-р Хиз, очень способный человек и, — прибавил он шепотом, прикрывшись рукой, — великолепно подготовленный д-ром Торндайком.

В это время вошел судья и занял свое место.

Он был немного странного вида и напоминал лягушку своим коротким лицом с выпуклыми глазами. У него была также совершенно лягушачья манера прихлопывать веки, точно он проглатывал крупного жука, — единственное внешнее проявление его волнения.

М-р Лорам встал и ознакомил суд с делом. После этого судья откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, точно готовясь перенести болезненную операцию.

— Настоящий процесс, — объявил м-р Лорам, — вызван необъяснимым исчезновением м-ра Джона Беллингэма 23 ноября 1902 года. После этого числа ничего не было слышно о нем, и так как по известным основательным причинам надо считать его умершим, то главный наследник по его завещанию, м-р Джордж Хёрст, обращается в настоящее время к суду за разрешением признать завещателя умершим и утвердить завещание. Обстоятельства исчезновения завещателя во многих отношениях были весьма странные, причем самой странной чертой исчезновения было то, что оно было полное и неожиданное.

Тут судья ровным и тихим голосом заметил, что было бы, пожалуй, еще более замечательно, если бы завещатель исчез постепенно и не вполне.

— Без сомнения, милорд, — согласился м-р Лорам, — но важно то, что завещатель, будучи человеком порядка и регулярной жизни, исчез упомянутого числа, не оставив никаких обычных распоряжений по ведению своих дел, и с тех пор о нем не было ни слуху, ни духу.

После этого предисловия м-р Лорам сообщил историю событий, связанных с исчезновением Джона Беллингэма. Это было все то, что я прочитал в газетах. Изложив факты перед присяжными, он стал обсуждать их значение.

— Предположение, что он умер, — настаивал м-р Лорам, — единственное возможное объяснение его исчезновения. Предположение это к тому же недавно получило убедительное и ужасное подтверждение. В Сидкепе нашли в июле месяце кости левой человеческой руки без третьего пальца. Другие части того же тела нашлись в разных местах близ Эльтама и Удфорда — в местности, где завещателя видели последний раз в живых.

Врач, осматривавший останки, говорит о костях человека около шестидесяти лет от роду, пяти футов и восьми дюймов роста, крепкого сложения. Другой свидетель утверждает, что исчезнувший человек был приблизительно лет шестидесяти, ростом пять футов восемь дюймов, хорошо сохранившийся, очень крепкого сложения. Поражает тот факт, что завещатель носил на безымянном пальце кольцо, которое сидело так крепко, что не снималось, а среди найденных останков нет безымянного пальца. Кольцо, джентльмены, было совершенно особенное и, будь оно найдено, послужило бы явной уликой. Одним словом, найденные кости представляют останки человека, совершенно схожего с завещателем, и все они были подброшены в разные места приблизительно в одно и то же время, как исчез завещатель. Согласно с этим, когда вы заслушаете свидетельство компетентных людей о найденных костях и о фактах, относящихся к исчезновению завещателя, я надеюсь, что вы вынесете приговор согласно с этими свидетельствами.

М-р Лорам сел, надел пенсне и стал просматривать бумаги.

Пристав ввел первого свидетеля. Это был м-р Джеллико, который, заняв место, устремил неподвижный взгляд на (по-видимому) не замечавшего этого судью. М-р Лорам обратился с вопросом:

— Вы были поверенным и доверенным лицом завещателя?

— Был и остался.

— Давно ли вы были знакомы с ним?

— Двадцать семь лет.

— Как по-вашему, способен ли он был скрыться неожиданно и прекратить сношения с друзьями?

— Нет.

— Будьте добры объяснить, почему вы так думаете?

— Это совершенно не согласовывалось бы с его привычками и характером. Он был необыкновенно точен и аккуратен в деловом отношении. Уезжая за границу, он всегда сообщал мне свои адреса или, если отправлялся в места, лишенные сообщений, то заранее совещался со мной.

— Были ли у него причины скрываться?

— Нет.

— Когда и где видели вы его последний раз?

— В шесть часов вечера четырнадцатого октября тысяча девятьсот второго года.

— Будьте любезны рассказать, что при этом происходило?

— Завещатель зашел в мою контору и мы с ним вместе отправились в его квартиру, а немного спустя туда явился д-р Норбери осмотреть древности, которые завещатель предложил в дар Британскому музею. Пожертвование состояло из мумии, четырех канопских сосудов и другой погребальной утвари. Но из всех предметов прибыла только мумия. Остальное должно было прибыть через неделю. Д-р Норбери должен был сообщить директору музея и получить от него инструкции, прежде чем перевозить вещи в музей. Завещатель поэтому дал мне инструкции по перевозке вещей, так как сам он должен был уехать из Англии в тот же вечер.

— Инструкции эти имеют какое-нибудь отношение к делу?

— Мне кажется. Завещатель уезжал в Париж и оттуда, может быть, в Вену. Он поручил мне распаковывать вещи и сохранять их, вместе с мумией, в особой комнате три недели. Если бы ему не удалось вернуться к этому времени, то он просил известить администрацию музея, что вещи можно взять, когда угодно.

Я понял тогда, что завещатель не знал точно продолжительности своего отсутствия.

— Вы знаете точно, куда он поехал?

— Нет. Он выехал из дому в шесть часов. На нем было длинное пальто. Он взял с собой чемодан и зонтик. Я простился с ним у порога и посмотрел ему вслед. Я не имел понятия, куда он отправился. И больше я его не видел.

— Вы не получали от него известий после отъезда?

— Нет. Я больше о нем ничего не слыхал и от него ничего не получал. Через три недели я сообщил в музей относительно вещей. Через пять дней приехал д-р Норбери, он официально принял пожертвование, и вещи были перевезены в музей.

— Когда вы после этого слышали о завещателе?

— Двадцать третьего ноября, в четверть восьмого вечера, м-р Джордж Хёрст приехал ко мне и сказал, что завещатель был у него в его отсутствие и вошел в его кабинет подождать его. По возвращении м-ра Хёрста было обнаружено исчезновение завещателя; он не предупредил слуг о своем уходе, и никто не видел, как он оставил дом. М-р Хёрст был поражен и поспешил в город известить меня. Я также сообразил, что это обстоятельство странное, особенно ввиду того, что я не имел сведений о завещателе. И мы оба решили, что нужно уведомить м-ра Годфри Беллингэма о том, что случилось.

Мы вместе с м-ром Хёрстом отправились с первым поездом в Удфорд, где жил тогда м-р Годфри Беллингэм. Мы приехали туда в пять минут девятого и узнали от служанки, что его нет дома, но что его дочь в библиотеке — отдельном здании через двор. Служанка с фонарем провела нас в библиотеку. Там мы нашли м-ра Беллингэма и его дочь. Беллингэм только что вернулся через заднюю калитку, звонок от которой проведен был в библиотеку. Когда мы шли из библиотеки в дом, я увидел при свете фонаря маленький предмет на лугу. Я указал на него; его подняли и узнали в нем скарабея, которого завещатель носил как брелок. Колечко брелка было сломано. В доме мы спросили, не было ли посетителей. Но все слуги утверждали, что никто не приходил ни после обеда, ни вечером. М-р Годфри и мисс Беллингэм уверяли, что они не слышали ничего о

завещателе, не видали его и не знали, вернулся ли он в Англию. На следующее утро я снесся с полицией и просил приступить к розыскам. По розыскам оказалось, что чемодан с инициалами Д. Б. был найден невостребованным в кладовой вокзала Черинг-Кросс. Я удостоверил, что чемодан был тот же, который завещатель взял с собой из дому на Куин-Сквер. Я признал также и содержимое. Служащий станции сообщил мне, что чемодан был сдан двадцать третьего около четырех часов 15 минут пополудни. Он не помнил, кто сдавал. Чемодан оставался на станции невостребованным три месяца, потом был передан мне.

М-р Лорам, сделав заметки у себя, сказал:

— Вы говорите, м-р Джеллико, что знали завещателя очень близко двадцать семь лет. Замечали ли вы когда-нибудь, чтобы он носил кольца на руках?

— Он носил на безымянном пальце кольцо древнего образца со знаком «Око Озириса». Это было единственное кольцо, которое я у него видел.

— Он носил его постоянно?

— Да, по необходимости: оно не снималось с пальца.

По окончании допроса свидетель посмотрел вопросительно на юрисконсульта м-ра Беллингэма. Но тот углубился в свои заметки, и м-р Джеллико вернулся на свое место.

— Что вы об этом думаете? — спросил я мисс Беллингэм.

— Все так подробно и так убедительно, — отвечала она, — бедный дядя Джон! О нем говорят так холодно и деловито, как о завещателе, точно о каком-то алгебраическом знаке. Кто эта леди?

Она указала на модно одетую молодую женщину, которая появилась на свидетельском месте. Это была экономка м-ра Хёрста, мисс Доббс.

— М-р Хёрст живет один, кажется? — сказал м-р Лорам.

— Я не знаю, что вы хотите этим сказать.

— Я задаю вам вопрос.

— Это я знаю, — сказала злобно свидетельница. — Вы не имеете права делать какие-то намеки молодой девушке,

когда там есть еще и кухарка, и судомойка, которые живут в доме, да и он тоже годится мне в отцы.

Тут судья захлопал своими веками для устрашения, а м-р Лорам ответил:

— Я не делаю никаких намеков, я только хочу знать: ваш хозяин, м-р Хёрст, женат или нет?

— Об этом я его не спрашивала, — сказала свидетельница, — почему я знаю? Я не сыщик.

Жалобный голос послышался с судейского места:

— Этот вопрос очень важен?

— Конечно, сэр, — отвечал м-р Лорам.

— Тогда лучше спросите м-ра Хёрста. Он, вероятно, знает.

М-р Лорам поклонился и обратился к торжествующей свидетельнице:

— Не помните ли вы, не случилось ли чего-нибудь замечательного двадцать третьего ноября, два года назад?

— Да, м-р Джон Беллингэм пришел к нам в дом.

— В какое это было время?

— Вечером, пять минут шестого.

— Что случилось потом?

— Я сказала, что м-ра Хёрста нет еще дома. А он сказал, что подождет его. Я ввела его в кабинет и затворила дверь. Потом в свое время вернулся м-р Хёрст, отомкнул дверь своим ключом и прошел прямо в кабинет. В шесть часов м-р Хёрст вошел в столовую — он обедает в шесть — и увидел два прибора. Он спросил — почему два, а я ответила: «Я думала, м-р Беллингэм останется обедать». — «М-р Беллингэм? — спрашивает он. — Я не знал, что он здесь». — «Я думала, что он у вас, — говорю. — Я его провела в кабинет». — «Его там не было, — говорит он, — когда я вошел, и сейчас его нет. Может, он вошел в гостиную?» Посмотрели в гостиную, и там его нет. Потом м-р Хёрст подумал, что м-р Беллингэм устал ждать и ушел. Но я говорю ему, что нет, потому что я все время посматривала. Потом он спрашивает, «что, м-р Беллингэм был один или с ним была дочь?». А я говорю, что это не тот м-р Беллингэм, а м-р Джон Беллингэм. А тогда он еще больше удивился. Я говорю: «Мы лучше обойдем дом, посмотрим наверху, здесь он

или нет». Мы обошли весь дом и обыскали все комнаты. Нигде не было. Тогда м-р Хёрст расстроился, наскоро пообедал и побежал к поезду шесть тридцать один и уехал в город.

— Вы говорите, что м-р Беллингэм не мог уйти из дому, потому что вы посматривали. Где же вы были?

— В кухне. Оттуда из окна видна калитка.

— Есть ли другая калитка?

— Да. Она выходит в узкий проход сбоку от дома.

— А из кабинета есть балконная дверь?

— Да, она выходит на маленькую дерновую площадку против боковой калитки.

— Балконная дверь и калитка были заперты, или, может быть, м-р Беллингэм прошел боковой калиткой?

— И калитка, и дверь запираются изнутри. Он мог выйти, но, конечно, не вышел.

— Почему?

— Ни один джентльмен не станет выходить из дому украдкой, точно вор.

— А вы смотрели, эта дверь была заперта, когда вы хватились м-ра Беллингэма?

— Я посмотрела, когда мы запирали дом на ночь. Тогда она была заперта и замкнута изнутри.

— А боковая калитка?

— Она защелкивалась сама, если хорошенько стукнуть, и никто не мог бы из нее выйти — слышно было бы.

М-р Лорам облегченно вздохнул.

Мисс Доббс повернулась, чтобы уйти, когда поднялся м-р Хиз.

— Вы видели м-ра Беллингэма при хорошем освещении? — спросил он.

— Довольно хорошо. На дворе уже стемнело, но горела маленькая лампа.

— Посмотрите-ка вот на это! — здесь ей передали маленькую вещицу. — Этот брелок висел на цепочке м-ра Беллингэма. Вы не заметили, был ли он у м-ра Беллингэма или нет?

— Нет, не было.

- Вы уверены?
 - Да, уверена.
 - Обходя дом, вы заходили в кабинет?
 - Нет, пока м-р Хёрст не уехал.
 - А когда вы вошли, балкон был заперт?
 - Да.
 - Какая мебель в кабинете?
 - Письменный стол, вертящийся стул, два кресла, два больших книжных шкафа и гардероб.
 - Гардероб замыкается?
 - Да.
 - Какая мебель в гостиной?
 - Небольшой шкафчик, шесть или семь кресел, диван, пианино и несколько столов.
 - Как поставлено пианино?
 - Наискось, в углу.
 - Может ли за ним спрятаться человек?
 - Да.
 - Обыскивая, вы смотрели за пианино, под диваном?
 - Нет.
 - Где же вы искали?
 - Мы просто отворяли дверь и смотрели, нет ли его там? Мы искали ведь не кошку или обезьяну, а пожилого джентльмена.
 - Нет ли в доме комнат, в которые редко заходят?
 - Есть комната во втором этаже, которая служит кладовой, и еще комната внизу, где стоят сундуки, чемоданы и разные вещи.
 - Вы заглядывали в эти комнаты?
 - Нет. Ведь они заперты.
- Тут судья захлопал веками, но м-р Хиз опустил на скамью и сказал, что больше нет вопросов.
- Мисс Доббс собралась уходить. Но м-р Лорам вскочил, точно кукла на пружине.
- Вы говорили, — сказал он, — что у м-ра Беллингэма не было на цепочке брелка двадцать третьего ноября. Вы уверены в этом?
- Совершенно. Если бы был, так я уж заметила бы.

В публике послышалось хихиканье. Мисс Доббс расплакалась, и ее отпустили. Потом были вызваны постепенно: м-р Норбери, м-р Хёрст и служащий на вокзале. Из них никто не прибавил ничего нового. Потом появился огородник, отрывший кости в Сидкепе. Он говорил то же, что говорил у коронера. Наконец, вызвали д-ра Сэммерса.

— Вы слышали описание завещателя, данное м-ром Джеллико? — спросил м-р Лорам.

— Слышал.

— Можно ли применить его к лицу, останки которого вы осматривали?

— В общем, может быть.

— Я попрошу вас ответить прямо: да или нет?

— Да. Но я должен сказать, что мои определения только приблизительные.

— Хорошо. Исходя из вашего освидетельствования костей и описания м-ра Джеллико, могли бы эти останки быть останками Джона Беллингэма?

— Да, могут быть.

М-р Лорам сел, но тотчас же м-р Хиз поднялся.

— Осматривая эти кости, д-р Сэммерс, заметили ли вы какие-нибудь особенности, по которым можно было бы утверждать, что это останки такого-то индивидуума, а не другого того же роста, размеров и возраста?

— Нет. Я не нашел ничего, что могло бы указать на определенную личность.

М-р Хиз больше вопросов не имел, и свидетеля отпустили. М-р Лорам заявил, что он ничего больше не имеет сказать.

Встал м-р Хиз и обратился к суду от имени ответчика. Это не была длинная речь и не блистала она цветами красноречия. Она состояла исключительно из опровержений аргументов поверенного истца.

Указав вкратце, что период отсутствия завещателя слишком мал, чтобы можно было дать заключение о его смерти, м-р Хиз продолжал:

— Доказал ли мой ученый собрат, что завещатель умер? Я думаю, что нет. Самый факт отсутствия завещателя на

более долгое время, чем обыкновенно, не дает повода поднимать процесс о подтверждении его смерти и о переходе имущества в другие руки.

Относительно упоминавшихся здесь человеческих костей в связи с этим делом мне хочется сказать следующее: попытка связать кости с завещателем совершенно не удалась. Вы слышали, что говорил об этом д-р Сэммерс.

Мой ученый собрат указывает, что кости найдены были близ Эльтама и близ Удфорда, и что завещателя видели живым в последний раз в одном из этих мест. Вот если бы кости нашлись также в том же месте, это могло бы иметь значение. Но его могли видеть только в одном месте, а кости нашлись в обоих. Здесь мой ученый собрат хватил через край.

Я повторяю, что для оправдания подтверждения смерти завещателя необходимы ясные и положительные доказательства. Таких доказательств нет. Согласно этому, ввиду возможного возвращения завещателя в любое время и его права на собственное имущество, которое должно оставаться неприкосновенным, я прошу от вас вердикта, обеспечивающего для завещателя эту меру самой обыкновенной справедливости.

Судья, как бы проснувшись, открыл глаза. Он стал читать сначала часть завещания, а потом свои заметки, которые он ухитрился сделать как-то с закрытыми глазами. Потом он резюмировал свидетельские показания и речи сторон для присяжных.

— Прежде чем обсуждать заслушанное вами дело, джентльмены, — сказал он, — я должен сделать некоторые разъяснения.

Если кто-нибудь уезжает или исчезает из дому и из местности своего обычного пребывания надолго, то подтверждение предположенной смерти происходит через семь лет от числа, когда исчезнувшего видели последний раз. Тогда это подтверждение может быть опровергнуто только предъявлением доказательства, что он был жив в этот период. Но, если требуется подтвердить смерть лица, бывшего в отсутствии более короткое время, то необходимо дать такое дока-

зательство, которое вполне убеждало бы в его смерти. И чем короче период отсутствия, тем яснее должно быть доказательство.

Вы должны быть вполне уверены в основаниях вашего решения.

Истец просит признания смерти завещателя для разрешения раздела имущества между наследниками. Такое разрешение накладывает на нас огромную ответственность. Необдуманное решение поведет к несправедливости по отношению к завещателю, которая может быть непоправимой.

Затем, перечислив вкратце неопределенные показания свидетелей, судья продолжал:

— Итак, джентльмены, ваш вердикт должен быть разбит на две части. Во-первых, согласуется ли исчезновение завещателя с его привычками и характером и, во-вторых, существуют ли факты, доказывающие положительным образом, что завещатель умер. Ответ на эти вопросы, вытекаая из того, что вы здесь слышали, должен привести вас к правильному вердикту.

Покончив с инструкцией, судья занялся исследованием завещания, заинтересованный им, как профессионал. Из этого занятия вывел его старшина, объявив, что вердикт готов.

Судья выпрямился и посмотрел в сторону присяжных. Когда старшина прочел: «Мы не находим достаточных доказательств, чтобы считать Джона Беллингэма умершим», судья одобрительно кивнул головой; очевидно, таково было и его мнение. Затем он объявил м-ру Лораму, что суд отказывает ему в желаемом разрешении.

Решение суда было большим облегчением для меня, для мисс Беллингэм и ее отца, который был не в силах скрыть торжествующей улыбки и бросился поскорее к выходу, чтобы разочарованный Хёрст не увидел его.

— Итак, — сказала с улыбкой мисс Беллингэм, когда мы выходили, — мы еще не совсем нищие. Есть у нас шансы в рубрике происшествий, и, пожалуй, есть еще шансы и у бедняги дяди Джона.

КОСВЕННЫЕ ДАННЫЕ

На другой день по заслушании дела я освободился от своих пациентов в четверть одиннадцатого и поспешил к Торндайку, с нетерпением ожидая услышать его мнение. В тот же день я должен был вместе с мисс Беллингэм отправиться в музей. Тяжелая дубовая дверь квартиры Торндайка была уже открыта. На мой скромный звонок у внутренней двери мне открыл ее сам мой бывший учитель.

— Как хорошо, Барклей, — сказал он, энергично пожав мне руку, — что вы пришли так рано. Я как раз один и просматриваю свидетельские показания на вчерашнем заседании.

Он пододвинул мне кресло и, собрав отпечатанные на машинке листки, отложил их в сторону.

— Вы были удивлены решением? — спросил я.

— Нет, два года — небольшой срок. Но все же решение могло быть и другое. Это очень облегчает мою задачу. Отсрочка дает нам время произвести розыски без лишней торопливости.

— Пригодились вам мои заметки? — спросил я.

— Поульстон передал их Хизу, и они оказались очень ценными для перекрестного допроса. Я сам еще не видел их, так как только что получил их назад. Давайте просмотрим их вместе.

Он достал из ящика письменного стола мою записную книжку и внимательно стал читать мои заметки.

— Добрались вы до чего-нибудь важного из свидетельских показаний на следствии? — спросил я.

— Трудно сказать, — отвечал он. — Итог моих выводов основывается исключительно на косвенных данных. Я не имею ни одного факта, о котором я мог бы сказать, что он допускает одно только истолкование. Но все же не надо забывать, что из самых незначительных фактов, если их наберется достаточное количество, складывается очень показательный итог. И моя запись данных мало-помалу растет.

Минуты через две Торндайк направился в Ломбард-стрит, а я — к Феттер-Лейну, невольно думая о назревающих событиях.

Дома я застал только одно приглашение. Я захватил стетоскоп и отправился в Пороховую аллею, аристократический квартал, где жил мой пациент.

В Невиль-Коурт я поспел к назначенному часу. Но мисс Беллингэм была уже в саду, наполняя вазу цветами, и ждала только меня, чтобы отправиться.

— Вот мы и опять, как раньше, идем вместе в музей, — сказала она. — И вспоминаются мне таблицы из Тель-Эль-Амарны и ваше милое, самоотверженное сотрудничество. Я думаю, ведь мы сегодня пойдем туда пешком?

— Конечно, — отвечал я. — Я вовсе не намерен пользоваться вашим обществом вместе с простыми смертными, которые ездят в omnibusах. Да и приятнее идти пешком.

— После шума на улицах больше ценишь тишину музея. Что мы сегодня будем осматривать?

— Решайте вы, — отвечал я. — Вы знаете музей лучше меня.

Она задумалась и потом вдруг остановилась, смотря вдаль перед собой.

— Вы очень заинтересовались нашим казусом, как выражается д-р Торндайк. Не хотите ли взглянуть на кладбище, где желал быть похороненным дядя Джон? Это немного в стороне, но ведь мы не спешим, не правда ли?

Мы завернули на улицу, ведущую к воротам одного из заброшенных кладбищ, встречающихся в старинных кварталах Лондона. Здесь мертвых бесцеремонно отпихивают к углам, чтобы дать место живым. Некоторые памятники еще стояли, а другие, чтобы очистить место для асфальтовых дорожек и скамеек, выстроились у стены. Надписи на них казались бессмысленными, так как были оторваны от могил. По контрасту с жаркой, пыльной улицей, которой мы шли, здесь было прохладно и приятно, хотя трава была желтая и сухая, а щебетанье птиц на деревьях смешивалось с непрерывным криком школьников, игравших у скамеек и оставшихся нетронутыми могил.

— Это, значит, место успокоения именитой фамилии Беллингэм? — сказал я.

— Да. Но мы не единственные именитые здесь. Здесь погребена, ни больше, ни меньше, как дочь Ричарда Кромвеля. Ее могила еще цела. Но вы, может быть, бывали здесь?

— Я не помню, чтобы был здесь когда-нибудь, но местность мне кажется почему-то знакомой.

Я осматривался, стараясь уяснить себе, какие смутные воспоминания вызвала во мне эта местность, как вдруг заметил группу строений, окруженных каменной оградой с деревянной решеткой.

— Да, конечно! — воскликнул я. — Вспоминаю. Здесь я никогда не был, но за этой оградой, выходящей с другой стороны на улицу Генриетты, был, а, может быть, и есть еще анатомический театр, который я посещал на первом курсе медицинской школы. Здесь я производил и свое первое вскрытие.

— Самое подходящее место, — заметила мисс Беллингэм. — У вас материал был всегда под рукой. А вот и могила, о которой я говорила вам.

Мы остановились перед простой каменной гробницей, выветрившейся и потертой, но заботливо поддерживаемой. Скромная и вместе гордая надпись гласила, что здесь поживает Анна, шестая дочь Ричарда Кромвеля-Протектора. Это был простой, обыкновенный памятник, отражающий аскетический век. Но он вызывал и представление о беспокойных временах, когда в тенистых аллеях Грэйс-Инн-Лэна раздавались звон оружия и тяжелые шаги вооруженных людей, когда эта нелепая площадка для детских игр была сельским кладбищем среди зеленых полей, а поселяне, проезжая с возами в Лондон, останавливались, чтобы заглянуть через деревянную решетку.

— Наши фамильные памятники вот в том углу, — сказала мисс Беллингэм. — Но там есть кто-то, по-видимому, списывающий надпись. Хорошо, если бы он ушел. Мне хочется показать вам.

Тут я впервые заметил человека с записной книжкой, внимательно рассматривающего надпись на камне. Иногда

он даже ошупывал руками стертые буквы.

— Сейчас он копирует памятник моего деда, — сказала мисс Беллингэм.

В эту минуту человек обернулся и уставился на нас. Он был в очках и смотрел на нас пронизывающим взглядом.

У нас одновременно вырвалось восклицание удивления, так как перед нами был м-р Джеллико.

ПРОЩАЙ, АРТЕМИДОР!

Был ли удивлен м-р Джеллико при виде нас, невозможно было сказать. Прочесть на его физиономии какую-нибудь мысль было так же трудно, как на деревянном лице, изваянном на ручке зонтика.

М-р Джеллико двинулся нам навстречу, держа в руках раскрытую записную книжку и карандаш, чопорно, по-старинному, поклонился, протянул вялым движением руку и предоставил нам начать разговор.

— Вот неожиданное удовольствие, м-р Джеллико! — сказала мисс Беллингэм.

— Вы очень любезны, — отвечал он.

— И какое совпадение: все мы случайно пришли сюда в тот же день.

— Совпадение, конечно, а если бы случилось, что из нас никто не пришел, — что случается часто, — это было бы тоже совпадение.

— Надо полагать, — сказала она. — Но я надеюсь, что мы вам не помешали.

— Нет, я только что кончил, когда имел удовольствие заметить вас.

— Вы делали какие-нибудь заметки, относящиеся к делу, как я полагаю? — сказал я. Вопрос был смелый, поставленный с коварной мыслью — послушать, как он вывернется.

— К делу? — повторил он. — Вы подразумеваете иск Стивенса к приходскому совету?

— Мне кажется, доктор Барклей намекал на дело о завещании моего дяди, — сказала мисс Беллингэм серьезно, хотя с подозрительным дрожанием в уголках рта.

— Разве есть такое дело? Тяжба?

— Я подразумеваю процесс, возбужденный м-ром Хёрстом.

— Ах, но ведь это было только простое обращение к суду, да и тут уже все кончено, насколько мне известно. Я работаю не для м-ра Хёрста, соблаговолите вспомнить. На самом деле, — продолжал он, помолчав немного, — я старался освежить в своей памяти слова надписей на этих камнях, особенно на камне вашего деда, Френсиса Беллингэма. Мне пришло в голову: если выяснится, что дядя ваш умер, то надо бы здесь как-нибудь увековечить его память. Но так как кладбище упразднено, то возникает затруднение с постановкой нового памятника, тогда как без всякого затруднения можно прибавить надпись к уже существующим. Ведь на памятнике не указано, что здесь покойся тело Френсиса Беллингэма. Поэтому не нужно было бы писать: «а также и тело сына его Джона Беллингэма». Но здесь указывается только, что монумент воздвигнут в память названного Френсиса, без указания места упокоения останков. Но, может быть, я вам мешаю?

— Нет, нисколько, — возразила мисс Беллингэм. — Мы шли в Британский музей и зашли сюда по дороге.

— А, — сказал м-р Джеллико, — ведь и я иду в музей к д-ру Норбери. Полагаю, что это тоже совпадение?

— Конечно, — ответила мисс Беллингэм и прибавила: — Может быть, двинемся вместе?

Мы вернулись на улицу, и тут мне удалось в отместку за нежелательное общество старого адвоката навести опять разговор на тему об исчезновении человека.

— М-р Джеллико, заставляло ли состояние здоровья м-ра Джона Беллингэма предполагать, что он может умереть скоропостижно?

Адвокат взглянул на меня подозрительно и заметил:

— Вы, по-видимому, очень интересуетесь Джоном Беллингэмом и его делами?

— Да, тут замешаны мои друзья. Да и самое дело интересно с профессиональной точки зрения.

— А к чему ведет ваш вопрос?

— Ведь понятно, — сказал я, — если известно, что пропавший человек страдал недугом вроде болезни сердца, аневризма, артериосклероза, при котором возможна внезапная смерть, то этот факт имеет существенное значение в вопросе: что более вероятно — жив он или умер?

— Вы, без сомнения, правы, — сказал м-р Джеллико. — Я мало сведущ в медицине. Но я поверенный м-ра Беллингэма, а не его врач. Состояние его здоровья вне моей компетенции. Вы слышали мое показание, что завещатель казался, по моему неавторитетному мнению, человеком здоровым. Больше я ничего не могу прибавить.

— Если этот вопрос настолько важен, — сказала мисс Беллингэм, — то почему же они не вызвали его врача и не установили этого положительно? Мое собственное впечатление таково, что он был — или есть — необыкновенно сильный и здоровый человек. Он выздоровел очень быстро после одного несчастного случая.

— После какого случая? — спросил я.

— О, разве отец не рассказывал вам этого? Это случилось, когда он жил с нами. Он упал с высокого обрыва и сломал одну из костей левой ноги. Это был какой-то особенный перелом.

— Поттов?

— Да, Поттов перелом. И, кроме того, он разбил обе коленные чашки. Сэру Моргану Беннету пришлось сделать ему операцию, иначе дядя был бы калекой на всю жизнь. Но он совершенно поправился через несколько недель, только немного хромал на левую ногу.

— Мог он подниматься на лестницу? — спросил я.

— О, да. Он играл в гольф и ездил на велосипеде.

— Вы знаете наверное, что он разбил обе коленные чашки?

— Наверное. Я помню, что об этом говорили, как о не-

обыкновенном случае, и сэр Морган был этим очень доволен.

— Надо полагать, что он был очень доволен результатом операции?

Тут наступила пауза в разговоре и, пока я придумывал новый подвох для м-ра Джеллико, этот джентльмен воспользовался случаем переменить разговор.

— Вы идете в египетский отдел? — спросил он.

— Нет, — возразила мисс Беллингэм. — Мы идем взглянуть на глиняную посуду.

— Старую или новую?

— Сейчас нас интересуют вещи 17-го столетия. Вы находите это «старым» или «новым»?

— Не знаю, — сказал м-р Джеллико, — «старый» или «новый» термины без определенного значения. Они условны и в каждом отдельном случае должны определяться особым масштабом.

Когда мы дошли до Музея, Джеллико стал почти гениален. Говорил он много интересного и поучительного. Я и не думал вступать с ним в соревнование, не мешая ему распространяться на любимые темы, тем более, что моя спутница слушала, по-видимому, с интересом. Внимание к нему не ослабело у нас и тогда, когда мы вошли в музей и покорно пошли за ним мимо ниневийских быков и огромных статуй, пока не очутились наверху, среди ярких мумий, там, где зародилась дружба между мной и Руфью Беллингэм.

— Прежде чем мы расстанемся, — сказал м-р Джеллико, — мне хотелось бы показать вам мумию, о которой мы говорили тогда вечером, — мумию, которую друг мой Джон Беллингэм пожертвовал в Музей незадолго до своего исчезновения. Факт, о котором я напоминаю, самый обыкновенный, но впоследствии он может возбудить интерес, когда явится какое-нибудь правдоподобное объяснение.

Он провел нас через зал к ящику, содержащему дар Джона Беллингэма. Тут он остановился и стал смотреть на мумию с любовью настоящего знатока.

— Вы заметили, конечно, мисс Беллингэм, — сказал он, — что мумия покрыта смолистым составом?

— Да, — отвечала она, — и это отвратительно.

— В эстетическом отношении это ужасно, но в данном случае это возбуждает особое внимание. Заметьте, что черным составом не покрыто главное украшение и вся надпись. А между тем, это именно те места, которые нуждаются в предохранении. А вот ноги и спина, где, вероятно, не было надписей, покрыты точно коркой.

Он нагнулся и внимательно стал рассматривать спину мумии, где не мешали подставки.

— Д-р Норбери объясняет это чем-нибудь? — спросила мисс Беллингэм.

— Нет, — отвечал м-р Желлико. — Он, так же, как и я, находит это загадочным. Но он думает, что мы получим объяснение от директора, когда тот вернется. Вы знаете, что это большой авторитет и что у него большой опыт, так как он сам производил много раскопок. Но я не должен больше отвлекать вас. Прошу извинения, если задержал вас долго. — Он принял свой прежний невозмутимый вид, пожал нам руки, торжественно поклонился и направился к кабинету заведующего.

— Какой странный человек! — сказала мисс Беллингэм, когда м-р Желлико исчез за дверью. — Я бы сказала скорее: странное существо, я никак не могу думать о нем, как о человеке. Я никогда не видала человеческого существа, похожего на него.

— Да, этот старик — темная личность, — согласился я.

— Этого мало сказать. Он до того бесчувствен, до того далек от всего окружающего, что кажется, будто он живет среди обыкновенных мужчин и женщин лишь в качестве постороннего наблюдателя, не принимающего в жизни никакого участия.

— Да, это правда. Но он вдруг оживает и становится человеком, когда дело коснется египетских древностей.

— Оживает, но не становится человеком. Даже когда он сильнее всего заинтересован и увлечен, он для меня не человек, а какое-то олицетворение науки.

Незаметно, в разговорах, мы подошли к мумии Артемидора, и моя спутница остановилась, устремив свои задум-

чивые серые глаза на лицо, смотревшее прямо на нас. Я наблюдал за ней с почтительным восхищением. Она была очаровательна со своим нежным, серьезным лицом, обращенным к предмету ее мистического обожания! И вдруг только тут я заметил, как изменилась она со времени нашей первой встречи. Она помолодела, стала как-то нежнее и милей. Прежде она казалась гораздо старше меня: грустная, усталая, серьезная, загадочная женщина, с горькой иронической усмешкой, холодная и неприступная. Теперь это была только кроткая молодая девушка, серьезная, правда, но откровенная, грациозная и очень привлекательная.

Неужели на нее так повлияла наша возрастающая дружба? При этом вопросе мое сердце сильно забилося. Мне захотелось высказать ей, чем она была для меня, чем мы могли бы в будущем быть друг для друга.

Наконец, я решился прервать ее мечтательную задумчивость.

— О чем вы задумались так серьезно, прекрасная леди?

Она обернулась с сияющей улыбкой и блестящими глазами откровенно взглянула на меня.

— Я думала, — сказала она, — не ревнует ли он меня к новому другу. Но я начинаю говорить глупости, точно ребенок!

Она засмеялась тихим счастливым смехом, чуть-чуть лукаво.

— Почему ревнует? — спросил я.

— Ну, вот видите ли, прежде мы с ним были друзьями. Нас было только двое. У меня никогда не было друга-мужчины, исключая отца, да и вообще близкого друга никогда не было. И я была очень одинока, когда начались наши бедствия. Вообще я не общительна, но все же я еще молода, я вовсе не философ. Так вот я часто приходила сюда, смотрела на Артемидора и представляла себе, что он понимает, как грустна моя жизнь, и сочувствует мне. Это смешно, конечно, но, право, это меня успокаивало.

— Это вовсе не было смешно. Мне кажется, он был хороший человек, тихий, со спокойным лицом, и заслужил любовь всех, кто его знал, как гласит эта прекрасная надпись.

И очень было мудро и хорошо с вашей стороны, что вы догадались скрасить горечь своей жизни той человеческой любовью, которая вырастает из праха веков. Нет, вы были не смешны, и Артемидор не ревнует вас к новому другу!

— Вы думаете? — Она еще улыбалась, но как-то мягче, и в ее вопросе чувствовалась тревога.

— Вполне уверен. Могу поручиться.

Тут она весело рассмеялась.

— Теперь я буду спокойна, потому что вы, наверно, знаете. Только, пожалуй, с вами страшно: вы можете читать мысли даже мумий. Но как вы можете это знать?

— Я знаю, потому что он сам передал вас мне, чтобы вы были моим другом. Вспомните-ка!

— Да, я вспомнила, — отвечала она тихо. — Это было, когда вы отнеслись так тепло к моим глупым слезам; тогда я почувствовала, что мы будем друзьями.

— А когда вы передали мне эту вашу фантазию, я поблагодарил вас. Вы подарили мне свою дружбу, я оценил ее и ценю выше всего на земле.

Она бросила в мою сторону быстрый нервный взгляд и опустила глаза.

Потом, после нескольких секунд неловкого молчания, как бы желая перевести разговор на менее эмоциональную почву, она сказала:

— Замечаете ли вы, как эта надпись курьезно разделяется на две совершенно отдельные части?

— Что вы хотите сказать? — спросил я, недовольный переменной темы.

— Я думаю, что часть надписи чисто декоративная, а другая — выразительна и эмоциональна. Вы видите, что хотя надпись на греческом языке, но общий вид ее и декоративная схема, чисто греческие по выражениям, явно подражают египетской манере. Портрет уже совсем греческий. А когда дело дошло до патетических слов разлуки, то необходимым оказался родной язык — греческие буквы.

— Да, я заметил это. И с каким вкусом выбрана надпись, чтобы не бросалась в глаза и гармонировала с рисунком!

Она кивнула рассеянно головой, точно думала о чем-то другом, и опять взглянула на мумию.

— Не знаю, почему я вам рассказала об Артемидоре. Это глупая, чисто детская сказка. И ни за что бы я не рассказала этого никому, даже отцу. Как я могла знать, что вы все поймете?

Она сказала это совершенно просто, смотря на меня своими серьезными серыми глазами. И ответ вырвался у меня бурно, от сердца.

— Я знаю, почему это, Руфь, — прошептал я страстно. — Это потому, что я люблю вас больше всех на свете, с самого начала полюбил вас, а вы почувствовали это и называли это симпатией.

Я замолчал, потому что она вспыхнула, а потом побледнела смертельно. И она смотрела на меня растерянно, почти со страхом.

— Я испугал вас, дорогая? — воскликнул я в раскаянии. — Я заговорил слишком рано? Простите меня. Но я должен был сказать вам. Сердце у меня просто разрывалось. Мне кажется, я люблю вас с первой встречи. Может быть, я и не заговорил бы об этом. Но, Руфь, милая, если бы вы знали, какая вы чудная девушка, вы бы не осудили меня!

— Я не осуждаю вас, — прошептала она. — Я сама виновата. Я оказалась плохим другом. Я не должна была этого допускать. Потому что ничего из этого не выйдет, Поль. Я не могу сказать вам того, что вы желали бы услышать. Между нами никогда не может быть ничего другого — только дружба.

Точно чья-то холодная рука схватила меня за сердце — страх, ужасный страх, что я теряю все, что люблю, что делало жизнь привлекательной.

— Почему? — спросил я. — Вы хотите сказать, что... что боги были благосклонны к кому-нибудь другому?

— Нет, нет, — отвечала она торопливо, с негодованием, — совсем не то!

— Тогда это значит, что вы меня еще не любите? Конечно, нет! Но когда-нибудь вы полюбите меня, дорогая. А я буду ждать терпеливо и не буду к вам приставать. Я буду

ждать вас, как Иаков Рахиль; если только вы меня не прогоните без малейшей надежды.

Она потупилась, бледная, со сжатыми губами, точно испытывая физическую боль.

— Вы не поймете, — прошептала она. — Это невозможно. Есть нечто, не допускающее этого, и так будет всегда. Я не могу сказать больше.

— Но, Руфь, милая, — умолял я в отчаянии. — Неужели всегда будет так? Я могу ждать, но не могу от вас отказаться. Неужели нет надежды?

— Очень мало. Вряд ли есть. Нет, Поль, я не могу об этом больше говорить. Расстанемся здесь и не будем встречаться некоторое время. Может быть, со временем, мы опять будем друзьями, когда вы простите меня?

— Простить вас, дорогая! — воскликнул я. — Мне нечего прощать. И мы останемся друзьями, Руфь! Что бы ни случилось, вы самый дорогой друг, какой у меня был на свете или когда-нибудь будет.

— Благодарю, Поль, — сказала она чуть слышно. — Вы очень добры ко мне, но теперь отпустите, пожалуйста. Я должна остаться одна.

Ее рука дрожала, и я был поражен, заметив, как она взволнована и как изменилась.

— Мне нельзя идти с вами? — спросил я.

— Нет, нет! — воскликнула она, задыхаясь. — Я должна уйти одна. Я хочу побыть одна. Прощайте!

— Прежде, чем отпустить вас, если уж вам необходимо уйти, Руфь, я должен взять с вас обещание.

Ее грустный взгляд встретился с моим, и губы ее дрожали с немым вопросом.

— Вы должны обещать мне, — продолжал я, — если это препятствие, разделяющее нас, будет устранено, вы дадите мне знать немедленно. Помните, что я всегда буду вас любить и ждать хоть до могилы.

Она вздохнула с подавленным рыданием и пожала мне руку.

— Да, — прошептала она. — Я обещаю. Прощайте.

Она ушла, а я смотрел в открытую дверь, следя за ней,

и увидел ее отражение в зеркале на площадке, где она установилась и вытерла глаза.

ПАЛЕЦ В РОЛИ ОБВИНИТЕЛЯ

О дальнейших событиях этого ужасного дня, после посещения музея, у меня осталось слабое воспоминание. Должно быть, я исходил не мало-таки улиц и скверов, пока не настал срок возвращения в больницу.

Около восьми часов, когда я сидел в кабинете, мрачно убеждая себя, что я готов к неизбежному, мне подали заказную посылку. При взгляде на почерк сердце мое так забилось, что я с трудом расписался в получении. Как только слуга вышел (подозрительно взглянув на мой нервный росчерк), я вскрыл пакет и, вынимая письмо, выронил на стол крошечную коробочку.

Письмо показалось мне слишком коротким. Я пробежал его снова и снова с чувством осужденного, читающего об отсрочке казни.

«Дорогой Поль, простите меня за то, что я ушла сегодня так быстро и оставила вас таким несчастным. Сейчас я спокойнее и потому шлю вам привет и умоляю не горевать о том, чего никогда не может быть. Это совершенно невозможно, дорогой друг, и я убедительно прошу, если вы любите меня, никогда не заговаривать об этом, никогда не давать мне чувствовать, что я даю так мало, тогда как вы отдали так много. И постарайтесь не видаться со мной некоторое время. Мне будет очень не хватать вас, как и моему отцу, который вас очень любит. Но лучше не встречаться, пока не восстановятся наши прежние отношения — если это когда-нибудь возможно.

Я посылаю вам на память маленький подарок на случай, если жизненный водоворот разлучит нас. Это кольцо, о котором я вам говорила, которое подарил мне дядя. Может быть, вы будете носить его, так как у вас не большая рука. Но, во всяком случае, сохраните его на память о нашей дружбе. На нем изображено Око Озириса — мистический символ, к которому у меня какое-то сентиментально-суеверное пристрастие, как было и у дяди. У него он был нататуирован на груди и раскрашен яркой красной краской. Оно обозначает, что великий судья мертвых смотрит с неба на людей и наблюдает, чтобы справедливость и истина всегда побеждали. И вас я поручаю Озирису; да будет око его на вас и да сохранит вас в отсутствие вашего любящего друга Руфи».

— Какое хорошее письмо! — подумал я, — хотя оно и малоутешительно. Спокойное и сдержанное, как его автор, хотя в нем сквозит искренняя привязанность. — Я отложил его, наконец, и, вынув кольцо из коробочки, стал его рассматривать. Хотя это была только копия, но в ней выражена была вся тонкость оригинала, а главное, оно было в духе той, которая его дарила. Нежное и тонкое, оно сплеталось из золота и серебра с инкрустацией из красной меди.

Когда я надел его на палец, изящный глазок из голубой эмали взглянул на меня так ласково, что я почувствовал, что и меня охватывает волшебство древнего суеверия.

В этот вечер не было ни одного пациента на приеме, и это было хорошо, так как я мог написать длинный ответ. Приведу его конец:

«А теперь, дорогая, я все сказал и не открою рта на эту тему, пока “времена не изменятся”. А если этого никогда не будет, если когда-нибудь, по закону вещей, мы будем сидеть рука об руку, седые, в морщинах, положив подбородок на костыль, и ворчать и болтать дружески о том, что могло бы быть, если бы угодно было всеблагову Озирису, — я все же буду счастлив, Руфь, потому что ваша дружба лучше любви другой женщины. Итак, вы видите,

я взял себя в руки и даже готов улыбаться, и обещаю вам исполнить вашу просьбу и никогда не беспокоить вас.

Ваш верный и любящий друг Поль».

Я надписал адрес, заклеил письмо, сам отнес его и опустил в ящик.

Первое время я считал себя чрезвычайно несчастным.

У меня не было никаких планов, но я жаждал освобождения от ненавистной рутины практики, чтобы быть вполне свободным.

Однажды вечером стремление к одиночеству вдруг сменилось жадной обществу. То общество, к которому меня на самом деле тянуло, было для меня недостижимым, по запрещению моей повелительницы. Но у меня были друзья в Темпле. Я не видел их больше недели. Они, наверное, удивляются, что случилось со мной. Поужинав и набив трубку табаком, я немедленно устремился к ним.

Подходя к дому, в надвигавшихся сумерках, я наткнулся на самого Торндайка, выходявшего из подъезда и нагруженного двумя складными стульями, фонариком и книгой.

— Ну, Барклея! — воскликнул он, — это вы? А мы удивлялись, что с вами?

— Действительно, я давно у вас не был, — согласился я.

Он посмотрел на меня внимательно у освещенного подъезда и заметил:

— Феттер-Лейн как будто не очень хорошо на вас действует, сынок. Вы похудели и осунулись.

— Мое дело там почти окончено. Барнард будет здесь через десять дней. Его судно остановится только на Мадере, чтобы забрать груз, а оттуда оно прямо пойдет домой. Куда это вы собрались со стульями?

— Я хочу посидеть в конце улицы, у садовой решетки. Там прохладнее, чем в комнатах. Если вы минуточку подождете, я захвачу еще стул для Джервиса, хотя он вернется не так скоро. — Он взбежал по лестнице и сейчас же вернулся с третьим стулом, и мы отправились со всей амуницией в

спокойный уголок в начале аллеи.

— Ваше рабство, значит, подходит к концу, — сказал он, как только мы расставили стулья и повесили фонарик на решетку. — Больше нет никаких новостей?

— Нет. А у вас?

— К сожалению, тоже нет. Все мои розыски привели к отрицательным результатам. Конечно, есть довольно много данных, и все они идут в одном направлении, но я неохотно делаю решающие выводы, не имея чего-нибудь совершенно определенного. Я жду либо подтверждения, либо отрицания своих предположений; мне нужно еще какое-нибудь новое доказательство.

— Я не знал, что есть данные.

— Как же! — сказал Торндайк — Ведь вы знаете столько же, сколько и я. У вас в руках все существенные факты. Но, по-видимому, вы не сопоставили их и не выяснили их значения. Вы нашли бы нечто весьма любопытное и значительное.

— По-видимому, я не могу спросить об их значении?

— Думаю, что нет. Когда я веду дело, я не сообщаю своих подозрений никому, даже Джервису. Тогда только я могу сказать, что не было никаких упущений. Не думайте, что я вам не доверяю. Помните, что мои мысли принадлежат моему клиенту и что сущность стратегии — держать неприятеля в неизвестности.

— Да, я понимаю, конечно, я не должен был и спрашивать.

— Вы не должны были иметь необходимости спрашивать, — отвечал Торндайк с улыбкой. — Вам нужно было только сопоставить факты и сделать вывод самому.

Во время нашего разговора я заметил, что Торндайк время от времени пристально на меня поглядывал. Немного помолчав, он вдруг спросил меня:

— У вас что-нибудь неладно, Барклея? Вы озабочены делами ваших друзей?

— Нет, не особенно. Хотя у них перспективы не очень-то розовые.

— Может быть, и не так плохо, как вам кажется, — сказал он. — Но я боюсь, что у вас есть какая-то особая забота. Вся ваша веселость куда-то испарилась. Я не хочу вмешиваться в ваши личные дела, но если бы я мог помочь вам советом, то помните, что мы старые друзья и что вы мой ученик.

Я выложил ему всю историю моего романа, сначала застенчиво, в сдержанных фразах, но потом свободнее и доверчивее. Он слушал внимательно и предложил один-два вопроса, когда мой рассказ не удовлетворял его. Когда я кончил, он тихо опустил руку мне на плечо.

— Вам не повезло, Барклей. Я не удивлен, что вы чувствуете себя несчастным. Не могу вам высказать, как я огорчен. Ведь она вам ясно сказала, что тут не замешан никакой мужчина?

— Да. И я не могу придумать никакой веской причины. Разве только, что она недостаточно любит меня. Это, действительно, основательная причина, но ведь это только временное, вовсе не такое непреодолимое препятствие, как она утверждает.

— Я не вижу, — сказал Торндайк, — почему мы должны путаться в каких-то непонятных, неестественных мотивах, когда вполне разумное объяснение бросается в глаза.

— Какое же? — воскликнул я. — Я не вижу.

— Очень естественно, что вы упускаете из виду некоторые обстоятельства, касающиеся мисс Беллингэм. Но я не думаю, что она не учитывала их значения. Сообразите, каково ее действительное положение? Я подразумеваю относительно исчезновения ее дяди.

— Я не понимаю вас.

— Ну, не к чему закрывать глаза на факты, — сказал Торндайк. — Положение таково: если Джон Беллингэм попал в дом своего брата в Удфорде, то почти наверно он попал туда после своего посещения Хёрста. Заметьте, я говорю: если он попал. Я не говорю, что я думаю, будто он попал. Но установлено, что, по-видимому, он пошел туда. А если пошел, то после этого его никто не видел живым. Дальше, он не входил в парадную дверь. Никто не видел, что он

входил в дом. Но была калитка позади дома и оттуда был звонок в кабинет. А вы вспомните, что когда пришли Хёрст и Джеллико, то м-р Беллингэм только что вернулся. До этого мисс Беллингэм была в кабинете. Это значит, что она была одна именно в то время, когда, как говорят, туда приходил Джон Беллингэм. Вот каково положение, Барклея. До сих пор ничего нельзя утверждать. Но рано или поздно, если Джон Беллингэм не будет найден, живой или мертвый, вопрос этот будет поставлен. Тогда Хёрст ввиду самозащиты подберет все факты, которые перенесут подозрение с него на другое лицо. И этим лицом будет мисс Беллингэм.

Первое время я сидел буквально в столбняке от ужаса. Потом меня охватило негодование.

— Но, черт возьми! — воскликнул я, вскакивая. — Извините. Но у кого же хватит дьявольского нахальства подозревать, что эта милая изящная девушка убила своего дядю?

— На это будут намекать, если не утверждать положительно. И она знает это. Теперь нетрудно понять, почему она отказывается открыто соединить ваше имя со своим. Рисковать втянуть ваше честное имя в процесс? Запятнать его, может быть, такой ужасной гласностью?

— Ах, перестаньте! Это ужасно. Я не о себе думаю. Я был бы рад разделить ее мучительное состояние, если это неизбежно. Но ведь одна мысль об этом — кошунство и святотатство. Это прямо бесит меня.

— Да, я понимаю и вполне сочувствую вам. Право, я разделяю ваше справедливое негодование в отношении этого подлого дела. Вы не должны считать жестокостью с моей стороны, что я подхожу к делу так прямо.

— Я и не считаю. Вы мне указали только на опасность, которой я не видел, не сообразил. Но вы как будто намекаете, что так коварно обставлено дело намеренно.

— Разумеется. Все это не случайно. Либо вся обстановка указывает на действительные факты — чего я не думаю, — либо все подстроено нарочно, с определенной целью — навести на ложный след. Но обстоятельства убеждают ме-

ня, что все умышленно подстроено. И я жду — вовсе не с христианским терпением, уверяю вас, — когда можно будет наложить руку на негодяя, который все это сделал.

— Чего же вы ждете?

— Жду я неизбежного, — возразил он, — ложного шага, который неизменно делает всякий преступник, даже самый ловкий. До сих пор о нем ничего не было слышно. Но сейчас он должен что-нибудь предпринять, и тогда — он у меня в руках.

— Ну, а если он никак себя не проявит, что вы тогда будете делать?

— Да, вот это-то и страшно. Быть может, придется иметь дело с негодяем, дошедшим до совершенства. Я такого никогда еще не встречал, но, тем не менее, существование его возможно.

— И тогда что же? — мы будем стоять, сложа руки, и смотреть, как гибнут наши друзья?

— Возможно, — сказал Торндайк. И оба мы погрузились в мрачное, молчаливое раздумье.

Спустя немного я спросил:

— Мог ли бы я как-нибудь помочь вам в ваших расследованиях?

— Это именно то, о чем я сам хотел просить, — отвечал Торндайк. — Это было бы правильно и даже должно, и я думаю, вы можете.

— Как же? — спросил я с нетерпением.

— Трудно сказать все сразу. Но Джервис теперь берет отпуск, фактически он уже свободен с сегодняшнего вечера. Дела сейчас немного. Приближаются каникулы, и я могу обойтись без него. Но если бы вы захотели переселиться сюда и занять место Джервиса, вы были бы мне очень полезны. А если придется что-нибудь предпринять по делу Беллингэмов, ваш энтузиазм заменит отсутствующую опытность.

— Я, конечно, не могу заменить Джервиса, — сказал я, — но если вы позволите мне помочь вам каким бы то ни было способом, это будет большая любезность с вашей стороны. Я готов лучше чистить вам сапоги, чем быть совер-

шенно в стороне от дела.

— Хорошо. Положим, что вы переедете сюда, как только Барнард вас освободит. Вы можете занять комнату Джервиса, которой он почти не пользуется последнее время, и здесь вам будет лучше, чем где-нибудь, это я знаю. Я вам даже сейчас могу дать свой ключ, у меня дома есть другой, и вы понимаете, что вся моя квартира к вашим услугам с настоящей минуты.

Он передал мне ключ, и я поблагодарил его от всего сердца. Я был уверен, что предложение делается не столько ради пользы, какую я могу принести, сколько ради моего успокоения.

Только что я кончил говорить, как послышались быстро приближающиеся шаги.

— Вот и Джервис, — сказал Торндайк. — Мы сообщим ему, что есть заместитель, как только он пожелает уехать.

Он направил фонарь на дорожку и через несколько минут перед нами стоял его помощник с пачкой газет под мышкой.

Меня поразило, что Джервис взглянул на меня как-то искоса, когда узнал меня при слабом свете, а также, что он несколько стеснялся, как будто мое присутствие ему мешало. Он выслушал сообщение Торндайка о нашем решении без особого восторга и без своих обычных шутливых комментариев. И опять я заметил косой взгляд на меня, полный не то любопытства, не то неудовольствия и совершенно для меня загадочный.

— Все это прекрасно, — сказал он, когда Торндайк объяснил положение. — Я полагаю, что Барклей будет вам полезен так же, как я, и во всяком случае, — лучше быть ему здесь, чем оставаться с Барнардом. — Он говорил с необыкновенной серьезностью, и в тоне его была такая заботливость обо мне, что она привлекла внимание как мое, так и Торндайка. Помолчав немного, последний спросил:

— А что принес мой ученый брат? На улицах слышны громкие выкрики этих варваров, газетчиков, и я вижу целую пачку газет под мышкой моего ученого друга. Случилось что-нибудь особенное?

Джержис смешался больше прежнего.

— Ну — да, — ответил он нерешительно, — нечто случилось. Вот! Нечего ходить вокруг да около. Барклею лучше узнать от меня, чем от всяких крикунов.

Он выбрал несколько газет из пачки и передал одну мне, другую Торндайку.

Странный образ действия Джержиса встревожил меня. Я развернул газету с безотчетным страхом. Но моя неопределенная тревога сменилась ужасом, когда я увидел, что неясные крики газетчиков вылились в короткие строчки, смотревшие на меня пылающими заглавными буквами.

Статья была короткая, и я пробежал ее в одну минуту.

«НЕДОСТАЮЩИЙ ПАЛЕЦ. ТРАГИЧЕСКАЯ НАХОДКА В УДФОРДЕ»

«Тайна, окружавшая разрезанное человеческое тело, части коего найдены были в различных местностях Кента и Эссекса, получила частичное и очень мрачное разоблачение. Полиция давно подозревала, что это части тела м-ра Джона Беллингэма, исчезнувшего при несколько подозрительных обстоятельствах около двух лет тому назад. Теперь в этом нет никакого сомнения, так как палец, которого не хватало на руке, найденной в Сидкепе, обнаружен был на дне пустого колодца вместе с кольцом, которое, как установлено, носил постоянно м-р Джон Беллингэм.

Дом, в саду которого находился колодец, принадлежал убитому и был занят во время его исчезновения братом его, м-ром Годфри Беллингэмом. Но последний оставил вкоро-сти дом, и с тех пор он пустовал. Недавно там начался ремонт. Колодец начали чистить. Полицейский инспектор Бэд-жер в поисках исчезнувших частей трупа спустился до дна колодца, где, в тине, нашел три кости и кольцо. Таким образом, подлинность останков вне сомнения, и остается решить вопрос: кто убил Джона Беллингэма? Вспомним, что брелок,

по-видимому, оторвавшийся от цепочки его часов, найден был на участке, прилежавшем к этому же дому в день исчезновения Джона Беллингэма. Насколько важны эти факты — покажет время».

Вот и все. Я уронил газету и взглянул мельком на Джервиса, который мрачно уставился на носки своих сапог. Это было ужасно! Просто невероятно! Удар парализовал мои мыслительные способности, и некоторое время у меня не являлось ни одной ясной мысли.

Меня встряхнул голос Торндайка, спокойный, деловой.

— Покажет время, верно! Но пока мы должны быть благоразумны. И не расстраивайтесь попусту, Барклея. Отправляйтесь домой, примите брома с чем-нибудь возбуждающим и ложитесь. Я боюсь, что это для вас сильное потрясение.

Я поднялся со стула, точно во сне, и протянул руку Торндайку. Но даже и при слабом освещении и при своем подавленном состоянии я заметил, что лицо его стало таким, каким я раньше никогда его не видел: это был лик Неизбежного — страшного, грозного, неумолимого.

Оба моих друга дошли со мной до ворот у начала Среднего проезда Темпля, и, когда мы дошли до выхода, идущий быстро человек догнал и обогнал нас. При свете фонаря у домика привратника он бросил быстрый взгляд через плечо и прошел, не остановившись и не кланяясь. Однако я узнал его и был как-то странно поражен — отчего? — я не мог и не могу дать себе отчет и сейчас. Это был м-р Джеллико.

Я попрощался со своими друзьями и пошел прямо к Невиль-Коурту. Что меня толкало — я не знаю. Вероятно, инстинкт защиты слабых вел меня туда, где была моя возлюбленная, не ведавшая страшной угрозы, нависшей над ней. При входе на площадь высокий, сильный человек стоял, прислонившись к стене, и, кажется, он как-то странно взглянул на меня. У калитки дома я приостановился и взглянул на окна. Они все были темны. Значит, все там спали. Насколько успокоенный этим, я прошел дальше. У поворота на Новую улицу также стоял высокий, коренастый чело-

век. Он также вопросительно посмотрел мне в лицо. Тогда я повернул назад, замедлил шаги и опять, дойдя до калитки знакомого дома, приостановился и обернулся. Вслед за мной шел последний замеченный мною человек. Тут я понял ужас положения: это были переодетые полисмены.

В первый момент меня охватило слепое бешенство. Мне захотелось броситься на этого человека, отомстить ему за оскорбление, наносимое его присутствием здесь. К счастью, это был только момент. Я не произвел никакой демонстрации. Но появление этих двух полисменов заставило ясно осознать положение, показало весь ужас действительности. У меня выступил холодный пот и стоял звон в ушах.

ДЖОН БЕЛЛИНГЭМ

Следующие дни были полны кошмарным страхом и мраком. Конечно, я не пошел в изгнание, как хотела Руфь. Ведь я же был, наконец, ее другом, и мое место во время опасности было возле нее. Молча, — хотя с благодарностью, — бедняжка примирилась с фактом и открыла мне доступ в дом.

Потому что нечего было закрывать глаза. Газетчики выкрикивали новости по всей Флит-стрит с утра до ночи, у расклеенных на столбах «новостей» собирались толпы зевак, и газеты так и сыпали «возмутительными подробностями».

Правда, прямого обвинения не высказывалось. Но первоначальное известие об исчезновении человека появлялось с комментариями, заставлявшими меня скрежетать зубами от бешенства. Эти ужасные дни останутся у меня в памяти до конца жизни. Я никогда не забуду ужаса, какой я переживал при одном взгляде на расклеенные объявления. А несчастные сыщики, бродившие вокруг Невиль-Коурта, вызывали во мне даже некоторого рода благодарность,

потому что они напоминали, что окончательный удар еще не обрушился на мою возлюбленную. Через несколько времени мы даже стали обмениваться взглядами, узнавая друг друга. И мне казалось, что им жалко меня и ее и не особенно приятно исполнять свой долг. Конечно, большую часть свободного времени я проводил в старом доме и старался, хотя и не очень успешно, поддерживать бодрый дружеский разговор, отпуская по-прежнему шуточки и пытаясь даже вступить в спор с мисс Оман. Но этот эксперимент не удался. А когда она вдруг прервала поток моего блестящего красноречия, разразившись истерическими рыданиями на моей груди, я бросил свою попытку и никогда уже не повторял ее.

Весь дом был погружен в какой-то ужасный мрак. Бедная мисс Оман молча и беспокойно ползала по лестнице вверх и вниз с влажными глазами и трясущимся подбородком или уныло сидела у себя в комнате над предложением, вносимым в парламент (требовавшим, насколько я помню, назначения женщины в состав жюри для рассмотрения дел о браках и разводах), и лежавшем у нее на столе в страстном ожидании подписей, которых оно так и не дождалось. М-р Беллингэм, вначале переходивший от яростного гнева к полной панике, теперь постепенно погружался в нервную прострацию, которую я наблюдал со страхом. Фактически единственным лицом в доме, вполне владевшим собой, была сама Руфь, но и она не могла скрыть следов печали и уныния от надвигавшейся опасности. Обращение ее не изменилось. Или, я сказал бы, она вернулась к тому настроению, какое я замечал раньше, спокойному, сдержанному, скрытному, с оттенком горечи, проглядывавшим в ее приветливости. Когда мы бывали одни, ее холодность пропадала, она была кротка и мила. Но сердце у меня переворачивалось при виде того, как она тает и делается все мрачнее, бледнее, как ее серьезные глаза делаются все более грустными, но еще бодро глядят навстречу судьбе.

Ужасно было. И все время всплывали вопросы: когда обрушится удар? Чего ждет полиция? И когда она наложит руку, что скажет Торндайк?

Так протянулись четыре дня. Но на четвертый, как раз когда началась вечерняя консультация и моя приемная была полна пациентов, появился Поульстон с запиской.

Записка — от Торндайка — была следующего содержания:

«Я узнал от д-ра Норбери, что он получил только что письмо из Берлина от Ледербогена — авторитетного специалиста по восточным древностям, — который упоминает об англичанине-египтологе, встреченном им в Вене около года тому назад. Он не может вспомнить имени этого англичанина, но в письме есть выражения, которые заставляют доктора Норбери подозревать, что дело идет о Джоне Беллингэме.

Я хотел бы, чтобы вы привезли ко мне м-ра и мисс Беллингэм сегодня в 8 ч. 30 мин. вечера, чтобы их свести с д-ром Норбери и поговорить о письме. Ввиду важности вопроса, прошу вас непременно исполнить мою просьбу».

Надежда возродилась во мне, и я почувствовал облегчение, точно тяжесть свалилась с плеч. Еще была возможность разрубить этот гордиев узел, возможность распутать дело, пока не поздно. Я быстро написал две записки, одну в ответ Торндайку, другую Руфи, сообщая ей о предстоящем свидании, и передал их верному Поульстону.

К моему облегчению, число пациентов не увеличивалось, и я мог поспеть вовремя.

Было около восьми часов, когда я добрался до Невиль-Коурта. Последние красные лучи заходящего солнца уже бледнели на крышах и дымовых трубах, и вечерние тени ступали в углах и нишах.

Так как у меня оставалось еще несколько минут до восьми часов, то я стал бродить по кварталу, задумчиво смотря на знакомые лица и стены.

Мои размышления довели меня до знакомой калитки в высоком заборе и, открыв ее, я увидел Руфь, разговаривавшую с мисс Оман у порога дома. Она, очевидно, ждала меня, так как была в темном плаще и в шляпе с вуалью. Уви-

дав меня, она пошла навстречу, затворив дверь, и протянула мне руку.

— Как вы точны! — сказала она. — Часы как раз бьют.

— Да, — сказал я. — Но где же ваш батюшка?

— Он уже лег в постель, мой старичок. Он чувствовал себя нехорошо, не мог поехать, а я не решилась его уговаривать. Он в самом деле нездоров. Это напряженное состояние убьет его, если так будет продолжаться.

— Будем надеяться, что нет, — сказал я, но боюсь, что я это говорил без всякого убеждения в голосе.

Молча мы двинулись в путь.

— Чего вы ищете? — спросил я, когда она остановилась и оглянулась.

— Сыщика, — отвечала она спокойно. — Было бы жаль, если бы несчастный человек пропустил меня, прождав так долго. А я его, однако, не вижу.

Для меня было неприятным сюрпризом, что ее зоркие глаза распознали тайную слежку, и сухой, саркастический тон ее резнул мой слух, напомнив ее холодную сдержанность в первые дни нашего знакомства. И все-таки я был поражен холодным спокойствием, с каким она относилась к своему положению. Я рассказал ей о совещании, на которое она была приглашена с отцом, и об известии, полученном из Берлина.

— Вот в чем дело, — сказала Руфь. В тоне ее слышалось раздумье, но далеко не восторг.

— Вы, кажется, не придаете этому особого значения? — заметил я.

— Нет. Это как-то не согласуется с обстоятельствами. Какой смысл предполагать, что дядя Джон жив, но ведет себя, как идиот, — каким он, во всяком случае, не был — если тело его действительно найдено?

— Но, — мягко возразил я, — тут может быть какая-нибудь ошибка. В конце концов это окажется не его тело.

— А кольцо? — спросила она со слабой улыбкой.

— Это может быть простое совпадение. Это была подделка хорошо известной формы античного кольца. И у других могли быть такие подделки, как у вашего дяди. Впро-

чем, — прибавил я с большим убеждением, — мы не видали кольца. Может оказаться, что оно вовсе не его.

Она покачала головой.

— Милый Поль, — сказала она спокойно, — к чему обманывать себя? Каждый из известных фактов указывает на то, что это его тело. Джон Беллингэм умер, в этом не может быть сомнения. И каждому, исключая неизвестного убийцу и одного или двух моих верных друзей, должно казаться, что вина в его смерти лежит на мне. С самого начала я убедилась, что подозрение колеблется между мною и Джоном Хёрстом. А найденное кольцо прямо уже указывает на меня. Меня только удивляет бездействие полиции.

Спокойная убежденность ее тона лишила меня на время языка от ужаса и отчаяния. Потом я вспомнил спокойное, даже уверенное поведение Торндайка и поспешил напомнить ей об этом.

— Есть еще один из ваших друзей, — сказал я, — который остается непоколебимым. Торндайк, по-видимому, не встречает никаких затруднений в деле.

— А все-таки, — возразила она, — он приготовился перенести крушение своих надежд. Ну, посмотрим!

— Я не вижу света в квартире Торндайка, — сказал я, когда мы пересекали улицу-аллею перед домом, и указал на ряд темных окон.

— А ставни не закрыты. Его, верно, нет дома.

— Не может быть. Ведь он пригласил нас и вашего отца. Это что-то загадочное. Торндайк необыкновенно точен во времени.

Когда мы поднялись по лестнице, тайна разрешилась благодаря лоскутку бумаги, прикрепленному к дубовой двери:

«На столе записка для П. Б.».

Прочитав это лаконичное сообщение, я открыл дверь своим ключом. Записка лежала на столе, я вынес ее на освещенную площадку.

«Прошу извинения у своих друзей за маленькое изменение в программе», — прочел я. «Норбери настаивает, чтобы я произвел свои опыты до возвращения директора, во избежание лишних разговоров. Он просил меня начать сегодня же вечером и приглашает м-ра и мисс Беллингэм в музей. Пожалуйста, привезите их сейчас же. Швейцары предупреждены и проводят вас к нам. Я думаю, что при свидании выяснятся важные обстоятельства.

Д. Е. Т.»

— Я надеюсь, вы не сердитесь, — сказал я, прочтя письмо.

— Конечно, нет. Я очень довольна. У нас столько воспоминаний связано с милым старым музеем. Не правда ли? — Она взглянула на меня как-то странно трогательно и повернулась к выходу.

У ворот Темпля я кликнул экипаж и мы быстро понеслись на северо-запад.

— Д-р Норбери в одной из комнат, прилегающих к четвертому египетскому залу, — сообщил нам швейцар музея в ответ на наш вопрос. И с фонарем, заключенным в проводочную сетку, он повел нас туда. Через центральный зал, средневековый и азиатский и дальше шли мы длинным рядом этнографических галерей.

Наше путешествие было полно каких-то чар. Качающийся фонарь бросал лучи слабого света в мрак глубоких темных зал, освещая мимолетно предметы в витринах, так что те выплывали и моментально исчезали, погружаясь опять в небытие. Уродливые идола с круглыми вытаращенными глазами выступали из тьмы, уставившись на нас, и уплывали опять во мрак. Грубые маски, внезапно освещаемые дрожащим светом, принимали подобие дьявольских рож, которые делали насмешливые гримасы, когда мы проходили мимо. А что касается манекенов во весь рост — достаточно реальных и днем, — вид их внушал положительно страх. Пробегавший по ним свет, а потом тень, при-

давали им жизнь и подвижность, так что, казалось, они тайно следят за нами, чего-то ждут и вот-вот сойдут с места и пойдут за нами. Эта иллюзия, вероятно, охватила и Руфь, как меня, потому что она пододвинулась ко мне и прошептала:

— Эти фигуры поразительны. Видели вы того полинезийца? Я, право, почувствовала, как будто он вот-вот прыгнет на нас.

— Действительно, жутко, — согласился я, — но опасность миновала, мы уже вне сферы их влияния.

Мы вышли в это время на площадку и круто повернули влево вдоль северной галереи, из которой мы попали в четвертый египетский зал.

В ту же минуту дверь с противоположной стороны открылась, послышался своеобразный высокий звук, как бы жужжание, и показался Джервис на цыпочках, с поднятой рукой.

— Двигайтесь как можно тише, — произнес он. — Мы как раз начали экспозицию.

Наш провожатый вернулся назад со своим фонарем, а мы вошли за Джервисом в комнату, откуда он вышел. Она была велика и, пожалуй, не светлее галерей, потому что единственная зажженная лампа в той стороне, с которой мы вошли, оставляла почти в полной темноте остальную часть комнаты. Мы сели тотчас же на стулья, приготовленные для нас и, раскланявшись со всеми, я стал осматриваться. В комнате было трое, исключая Джервиса: Торндайк, с часами в руках, седой господин, как я подумал, д-р Норбери, и небольшая фигура в полутемном дальнем конце — это был, вероятно, Поультон. В нашем конце комнаты помещались два больших подноса, которые я видел в мастерской. Теперь они были на подставках, и каждый из них соединялся с резиновым рукавом, опущенным в бадью. В дальнем конце обрисовывались зловещие очертания освещенной виселицы. Только теперь я увидел, что это была вовсе не виселица, потому что к верхней перекладине прикреплена была большая стеклянная чаша без дна. Внутри чаши был стеклянный шар, светившийся странным зеле-

ным светом. А в середине шара было яркое красное пятно. Пока все было довольно ясно. Своеобразный звук, наполнявший комнату, был жужжанием прерывателя. Шар был, очевидно, трубкой Крукса, а красное пятно внутри — светящийся, раскаленный докрасна круг антикатода. Яснее говоря, производился снимок X-лучами. Но снимок — с чего? Я напрягал зрение, стараясь рассмотреть продолговатый предмет, лежавший на полу, как раз под шаром, но не мог решить, на что похож этот предмет. Но вдруг д-р Норбери разрешил эту загадку.

— Я страшно удивлен, — сказал он, — что вы выбрали для начала такой сложный предмет, как мумия. Мне казалось, что проще было бы взять гроб или деревянную фигуру. Это было бы понятнее.

— В некоторых отношениях — да, — возразил Торндайк. — Но разнообразие материала, заключающегося в мумии, имеет свои преимущества. Я надеюсь, ваш отец не болен, мисс Беллингэм?

— Он нездоров, — ответила Руфь, — и мы решили, что лучше отправиться мне одной. Я знала хорошо господина Ледербогена. Он жил у нас одно время, когда был в Англии.

— Я надеюсь, — сказал д-р Норбери, — что побеспокоил вас недаром. Г-н Ледербоген говорит о «нашем знакомом — бродяге с длинным именем, которое он никогда не мог запомнить!» Мне кажется, что он называет так вашего дядю.

— Но я не могу назвать своего дядю бродягой, — сказала Руфь.

— Нет, нет, конечно, — поспешил согласиться д-р Норбери. — Однако вы должны сами взглянуть на письмо. Ведь мы не должны заводить разговоров на неподходящие темы, пока опыт производится, доктор?

— Подождите лучше, пока мы не кончим, — сказал Торндайк, — потому что я хочу погасить свет. Прекратите ток, Поультон.

Зеленый свет исчез. Жужжание прерывателя понизило тон и замерло. Тогда Торндайк и д-р Норбери встали и направились к мумии, которую они осторожно приподняли,

пока Поультон вытаскивал из-под нее то, что оказалось теперь огромным конвертом из черной бумаги. Единственная лампа была потушена, и комната погрузилась в полную темноту, пока не вспыхнул внезапно яркий оранжево-красный свет как раз над одним из подносов.

Мы все собрались в кружок, чтобы наблюдать, как Поультон — старший жрец в этой мистерии — вытащил из черного конверта колоссальный лист бромистой бумаги, осторожно положил его на поднос и начал смачивать при посредстве большой кисти, которую погружал в ведро с водой.

— Я думал, что вы всегда употребляете в таких случаях пластинки, — сказал д-р Норбери.

— Да, мы предпочитаем пластинки, но шестифутовая пластинка немыслима, а поэтому я заказал специальную бумагу.

Есть что-то таинственно-притягательное в наблюдении постепенного проявления фигуры на белой гладкой поверхности пластинки или бумаги.

С полминуты не было заметно никакой перемены на однообразной поверхности. Потом, мало-помалу, почти незаметно, края начали темнеть, оставалось светлое пятно с контуром мумии. Потом края из грифельно-серых постепенно становились почти черными, но контур мумии, ясно выделившийся, оставался белым. Наконец, и белое пятно стало покрываться серой дымкой, и когда серый цвет сгустился, из него начал выделяться, выползая точно светлое сероватое привидение, таинственный страшный скелет.

— Жутко, — проговорил д-р Норбери. — У меня такое чувство, точно я присутствую при каком-то нечестивом обряде. Ну, посмотрите-ка!

Серые тени футляра, обмоток и мускулов стали проваливаться куда-то во мрак, а белый скелет выделился резким контрастом. Зрелище было действительно жуткое.

— Вы растеряете и все кости, если будете продолжать проявление, — сказал д-р Норбери.

— Мне нужно, чтобы и кости потемнели, — возразил Торндайк, — на случай, если есть там какие-нибудь металлические предметы. У меня есть еще три листа бумаги.

Теперь стал темнеть и белый скелет, становясь все менее ясным. Торндайк наклонился над подносом и впился глазами в середину грудной клетки.

А мы все молча следили за ним.

Вдруг он встал.

— Теперь, Поульстон, — сказал он резко, — давайте гипосульфит, как можно скорее.

Поульстон, который ждал, положив руку на кран дренажной трубы, быстро спустил проявитель в таз и залил фиксажем.

— Ну, теперь можем смотреть сколько угодно, — сказал Торндайк. Через несколько секунд мы отвернули одну из ламп. Свет упал на фотографию, и Торндайк прибавил:

— Видите, мы не совсем растеряли скелет.

— Нет, — доктор Норбери надел очки и наклонился над подносом.

И в эту минуту я почувствовал, что Руфь коснулась моей руки у локтя, сначала легко, а потом сжала руку крепко, нервно. Я чувствовал, что ее рука дрожит. Я со страхом взглянул на нее и увидел, что она смертельно побледнела.

— Не выйти ли нам лучше в галерею? — спросил я. — В комнате с плотно закрытыми окнами стало душно и жарко.

— Нет, — спокойно возразила она. — Я хочу остаться. Мне теперь совсем хорошо.

Но она все еще крепко держалась за мою руку. Торндайк пристально взглянул на нее, потом отвернулся, так как д-р Норбери обратился к нему с вопросом.

— Почему это, как вы думаете, некоторые зубы кажутся гораздо белее других?

— Я думаю, что эта белизна зависит от присутствия металла, — отвечал Торндайк.

— Как? Вы думаете, что в зубах есть металлические пломбы? — спросил Норбери.

— Да.

— Да что вы? Это чрезвычайно интересно. Употребление золотых пломб и искусственных зубов было, действительно, известно в Древнем Египте, но у нас, в музее, не было таких экспонатов. Надо бы развернуть мумию. Как

вам кажется? Все эти зубы запломбированы одним металлом? Они не все одинаково белы?

— Нет, — отвечал Торндайк. — Те зубы, которые совершенно белы, несомненно, запломбированы золотом, но вот этот сероватый запломбирован, вероятно, оловом.

— Очень интересно, — сказал д-р Норбери.

— Весьма интересно! А что вы скажете вот об этом слабом пятне на груди вверху грудной кости?

На этот его вопрос отвечала Руфь.

— Это Око Озириса! — воскликнула она нерешительно.

— Господи! — воскликнул д-р Норбери. — Так и есть. Вы совершенно правы. Это действительно — Око Горуса или Озириса, если вы предпочитаете это название. Я полагаю, это вызолоченный девиз на какой-нибудь ткани.

— Нет, я сказал бы, что это татуировка. Это слишком неясно для позолоты. И я сказал бы даже, что татуировка выполнена киноварью, так как татуировка углем не оставила бы такого заметного пятна.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — сказал д-р Норбери, — но это мы увидим, если директор позволит развернуть мумию. Кстати, вот эти маленькие предметы у коленей тоже металлические, кажется?

— Да, металлические. Но они не у коленей, они в самих коленях. Это куски серебряной проволоки, которая употребляется для скрепления разбитых коленных чашек.

— Вы уверены в этом? — воскликнул д-р Норбери, с восторгом глядя на маленькие белые пятна. — Потому что, если это так, то ведь мумия Себек-Хотепа представляет единственный образец.

— В этом я вполне уверен, — сказал Торндайк.

— В таком случае, — сказал д-р Норбери, — ведь мы сделали открытие, благодаря вашим исследовательским способностям. Бедный Джон Беллингэм! Не знал он, какое сокровище оставляет нам. Как бы я хотел, чтобы это было ему известно! Как бы я хотел, чтобы он был здесь сейчас!

Он замолчал, чтобы опять взглянуть на фотографию, но тут Торндайк своим спокойным, бесстрастным голосом произнес:

— Джон Беллингэм здесь, д-р Норбери. Вот Джон Беллингэм!

Д-р Норбери отпрянул назад и уставился на Торндайка в безмолвном удивлении.

— Уж не думаете ли вы, — сказал он после продолжительной паузы, — что эта мумия — тело Джона Беллинзгэма?

— Думаю, действительно. В этом нет никакого сомнения.

— Но это невозможно! Мумия была здесь уже за три недели до того, как он исчез.

— Нет, это не так, — сказал д-р Торндайк. — Джона Беллингэма видели живым вы и Желлико четырнадцатого октября, больше чем за три недели до того, как мумия покинула дом в Куин-Сквер. После этого числа Джона Беллингэма не видел ни живым, ни мертвым никто, кто бы знал его и мог удостоверить его личность.

Д-р Норбери с минуту молчал, глубоко задумавшись. Потом спросил грустным голосом:

— Как, вы предполагаете, попало тело Джона Беллингэма в этот фугляр?

— Я думаю, что на этот вопрос скорее всех может дать ответ м-р Желлико, — сухо возразил Торндайк.

Наступила опять минута молчания. Потом вдруг д-р Норбери спросил:

— Ну, а что — вы предполагаете — случилось с Себек-Хотепом, т. е. с настоящим Себек-Хотепом?

— Я полагаю, что останки Себек-Хотепа — или часть их — лежат в настоящее время в мертвецкой в Удфорде в ожидании судебного следствия.

Как только Торндайк высказал это предположение, точно внезапный луч осветил мне все и вместе вызвал чувство самоуничтожения. Как это было просто! А я-то, компетентный анатом и физиолог, да еще ученик Торндайка, я мог принять эти древние кости за останки недавно умершего человека!

Д-р Норбери сначала был, видимо, смущен этим утверждением Торндайка.

— Все это довольно основательно, должен сознаться, — сказал он, наконец, — и все же вы совершенно уверены, что здесь нет ошибки? Это так невероятно!

— Никакой ошибки, уверяю вас, — отвечал Торндайк. — Чтобы убедить вас, я перечислю все факты.

Во-первых, зубы. Я виделся с дантистом Джона Беллингэма и получил подробную выписку из его книги. Всего было пять пломбированных зубов. Они видны совершенно ясно на этом снимке. На нижнем зубе слева маленькая золотая пломба, которая видна, как белое пятнышко. К этому всему прибавилась оловянная пломба, когда покойный был за границей — во втором левом верхнем коренном зубе. Это темно-серое пятно, которое мы уже заметили. Этого одного уже было бы достаточно для опознания тела. Но в добавление ко всему у нас есть татуированный девиз — Око Озириса...

— Горуса, — пробормотал д-р Норбери.

— Горуса, пусть так, — в том именно месте, в котором оно было сделано покойному, и нататуировано именно этой краской. Далее, швы на коленных чашках, сделанные проволокой. Сэр Морган Беннет, по справкам в своей записи операций, сообщает мне, что им наложены три шва проволокой в левой чашке и два — в правой. Это показывает и наш снимок. Наконец, у покойного был гораздо раньше Поттов перелом с левой стороны. Сейчас он не особенно заметен, но я видел его ясно, когда оттенок костей был светлее. Я думаю, вы согласитесь, что здесь не может быть сомнения.

— Да, — согласился д-р Норбери с мрачным видом. — Ваши доводы, безусловно, убедительны. Но какое ужасное дело! Бедный старина Джон Беллингэм! Похоже, что ему пришлось встретить предательство и борьбу. Как вы думаете?

— Я думаю то же, — сказал Торндайк. — С правой стороны черепа было пятно, похожее на перелом. Оно было не совсем ясно, так как приходилось сбоку, но мы проявим следующий негатив, чтобы показать его.

Д-р Норбери сжал зубы и сделал глубокий вздох.

— Тяжелая это вещь, доктор, — сказал он. — Ужасное дело! Кстати, как мы должны отнестись к этому делу? Ка-
зкие шаги мы должны предпринять?

— Вы дадите знать коронеру, — я возьму на себя поли-
цию, а вы должны войти в сношение с одним из душепри-
казчиков.

— С м-ром Джеллико?

— Нет, не с м-ром Джеллико, по особым соображениям.
Вам лучше написать м-ру Годфри Беллингэму.

— Но я был уверен, что другой душеприказчик м-р
Хёрст, — сказал д-р Норбери.

— Ну да, таково положение, — сказал Джервис.

— Вовсе нет, — возразил Торндайк, — он был душепри-
казчиком. Таково было положение. Но теперь не он. Вы
забыли условия второго пункта? Этот пункт объявляет ус-
ловия, при которых Годфри Беллингэм наследует все иму-
щество и делается душеприказчиком. А эти условия сле-
дующие: «что тело завещателя будет покоем в предна-
значенном для помещения тел месте, находящемся в пре-
делах прихода церкви св. Георгия в Блемсбери и св. Эгидия
на Полях, или же св. Андрея и св. великомученика Геор-
гия. Ну, так ведь египетские мумии представляют тела, а
этот музей предназначен для помещения их. А здание это
находится в пределах прихода церкви св. Георгия в Блем-
сбери. Таким образом, условия пункта второго являются
выполненными, а потому Годфри Беллингэм является глав-
ным наследником и вторым душеприказчиком, согласно
воле завещателя. Это вполне ясно?

— Совершенно ясно, — сказал д-р Норбери, — и какое
удивительно совпадение! Но, милая барышня, не лучше
ли вам присесть? Вам, должно быть, дурно.

Он тревожно посмотрел на Руфь, которая была необык-
новенно бледна и тяжело опиралась на мою руку.

— Барклей, — сказал Торндайк, — вам бы лучше вывес-
ти мисс Беллингэм в галереи. Там больше воздуха. Это
ужасное напряжение для нее слишком тяжело после всех
перенесенных ею так храбро испытаний. Пройдитесь с Барк-
леем! — прибавил он ласково, — и посидите там, пока мы

будем проявлять другие негативы. Ободритесь. Теперь буря прошла и выглянуло солнце. — Он открыл нам дверь, и по лицу его пробежала ласковая улыбка.

— Вы не рассердитесь, что я за вами замкну дверь, — сказал он, — тут сейчас будет темный кабинет для проявления.

Замок щелкнул и мы очутились в темной галерее. Тут не было полной темноты, так как лунный свет проникал сквозь стекла в потолке.

Мы двигались медленно. Ее рука лежала на моей и мы оба молчали. Кругом была полная тишина. Таинственность неясных очертаний предметов в витринах гармонировала с глубоким чувством облегчения, наполнявшим наши сердца.

Незаметно, по мере того, как мы продвигались, руки наши соединились в пожатии, и Руфь воскликнула:

— Какая ужасная трагедия! Бедный, бедный дядя Джон! Мне кажется, что он вернулся из мира теней, чтобы рассказать об этих ужасах. Но какая тяжесть свалилась с души!

Она перевела дух и крепко пожала мне руку.

— Это все прошло, дорогая, — сказал я, — прошло навсегда. Останется только воспоминание о перенесенном горе и о вашем благородном мужестве и терпении.

— Я еще не могу прийти в себя. Это было точно страшный, бесконечный сон.

— Не будем вспоминать об этом, — сказал я. — Будем думать о счастье, которое нас ожидает.

Она не отвечала, только вздохи, вырывавшиеся из ее груди по временам, говорили о долгой агонии, которую она выносила с таким героическим спокойствием.

Еле нарушая тишину своими тихими шагами, мы прошли медленно во второй зал. Неопределенные очертания мумий, стоящих вертикально у стен, напоминали молчаливых гигантов, сторожащих памятники бесконечных столетий. В лице их исчезнувший мир смотрел на нас из мрака, но не грозно и не с гневом, а как бы торжественно, благословляя недолговечные современные создания.

У середины стены выступала из ряда призрачная фигура с неопределенным бледным пятном на том месте, где должно было быть лицо. Точно сговорившись, мы остановились перед ней.

— Вы знаете, кто это, Руфь? — спросил я.

— Конечно, — отвечала она. — Это — Артемидор.

Мы стояли рука об руку, смотря на мумию, вызывая в памяти неясный силуэт со всеми запомнившимися подробностями. Я притянул ее к себе и прошептал:

— Руфь, вы помните, как мы стояли здесь в последний раз?

— Как будто я могла забыть! — отвечала она страстно.

— О, Поль! Это горе! Это отчаяние! У меня сердце разрывалось, когда я говорила с вами! Вы были очень несчастный, когда я ушла от вас?

— Несчастен!? Я... не знал до сих пор, что горе может разбить сердце. Мне казалось, что свет погас навсегда. Но у меня оставался луч надежды.

— Какой?

— Вы дали мне обещание. И я чувствовал, что настанет день, — нужно только терпение, когда вы исполните его.

Она прижалась ко мне и ее голова очутилась на моем плече, а щека прижалась к моей.

— Милая, — прошептал я. — Теперь время настало?

— Да, дорогой, — прошептала она нежно. — Теперь — и навсегда!

Мои руки обвилились вокруг нее и прижали ее к сердцу, которое так давно любило ее. Теперь не будет ни горя, ни несчастья. Мы пройдем рука об руку наш земной путь, и он покажется очень коротким.

Звук отмыкаемой двери оторвал нас от грез о будущем счастье.

Руфь подняла голову и наши губы встретились на мгновение. С молчаливым приветом другу, который был свидетелем и нашего горя, и нашего счастья, мы повернулись и быстро пошли обратно, наполняя залы эхом наших шагов.

— Не будем входить обратно в темную комнату, хотя она теперь не темная, — сказала Руфь.

— Почему? — спросил я.

— Потому что, когда я выходила, я была очень бледна. А теперь — ну, я не думаю, чтобы я была бледна теперь. И потом, там бедный дядя Джон. А я... мне стыдно смотреть на него, когда мое сердце замирает от эгоистического счастья.

— Вы не должны стыдиться, — сказала я. — Мы живем и имеем право на счастье. Но можно не входить, если вы не хотите. — И я ловко устранил ее от луча света, струившегося из двери.

— Мы проявили четыре негатива, — сказал Торндайк, выходя из двери вместе с другими. — Я оставляю их под охраной д-ра Норбери. Он сделает к ним надписи, когда они высохнут, так как они могут понадобиться, как доказательства. Вы что думаете предпринять?

Я взглянул на Руфь.

— Если вы не будете считать меня неблагодарной, — сказала она, — я хотела бы остаться сегодня одна с отцом. Он очень слаб и...

— Да, я понимаю, — сказал я поспешно.

Я, действительно, понимал. М-р Беллингэм легко возбуждался и, вероятно, будет взволнован внезапной переменной судьбы и вестью о трагической смерти своего брата.

— В таком случае, — сказал Торндайк, — давайте уговоримся. Вы проводите мисс Беллингэм домой, а потом дождетесь меня на моей квартире.

Я согласился, и мы тронулись в сопровождении д-ра Норбери, несшего электрический фонарь, в обратный путь. У ворот мы разошлись. Когда Торндайк пожелал «покойной ночи» моей спутнице, она протянула руку и посмотрела на него влажными глазами.

— Я не поблагодарила вас, д-р Торндайк, — сказала она, — и чувствую, что никогда не буду в состоянии высказать благодарность. То, что вы сделали для меня и отца, выше всякой благодарности. Прощайте! Да благословит вас судьба!

СТРАННЫЙ БАНКЕТ

Я был крайне поражен, найдя на дубовой двери Торндайка все ту же записку. Так много случилось с тех пор, как я видел ее последний раз, что, казалось, это было в далеком прошлом. Я снял ее, оставил дверь открытой, закрыв только внутреннюю, зажег свет и стал ходить по комнате.

Время шло незаметно, но я ждал, вероятно, очень долго, потому что мои друзья очень извинялись, когда вернулись.

— Я думаю, — сказал Торндайк, — вы были удивлены, зачем я вас вытребовав.

— Я, по правде сказать, об этом вовсе не думал.

— Мы отправляемся к м-ру Джеллико, — объяснил Торндайк. — В этом деле есть какая-то подкладка, и пока я не выясню, в чем суть, я считаю дело незаконченным.

— Разве нельзя это отложить до завтра? — спросил я.

— И да, и нет. Надо поймать лисицу за хвост. М-р Джеллико осторожная и хитрая лисица, и я считаю нужным свести его как можно скорее с инспектором Бэджером.

— Состязания лисицы с барсуком* — очень интересный спорт, — заметил Джервис. — Но вы не думаете, что Джеллико выдаст себя?

— Вряд ли. Выдавать-то нечего. Но я думаю, что он может дать показание. Я уверен, что тут скрыты какие-то исключительные обстоятельства.

— А давно вы узнали, что тело находилось в музее? — спросил я.

— Я думаю, за тридцать, за сорок секунд до вас.

— То есть, вы не знали этого, пока не стали проявлять негатив?

— Милый мой, — возразил Торндайк, — неужели вы думаете, что знай я наверное, где тело, — я допустил бы эту милую девушку переживать такую агонию, подвергаясь по-

* Фамилия «Бэджер» совпадает с англ. «барсук» (badger).

дозрению, если бы я мог все вывести на чистую воду? Стал бы я производить эти проклятые, якобы научные опыты, если бы передо мной был более прямой путь?

— Что касается опытов, — сказал Джервис, — вряд ли Норбери отказал бы вам, если бы вы посвятили его в дело?

— Весьма вероятно, что отказал бы. Я бы должен был высказать подозрение против уважаемого лица, хорошо ему известного. Он посоветовал бы обратиться к полиции, а ведь у меня были только подозрения и ни одного факта.

Разговор был прерван быстрыми шагами по лестнице и громовым звонком.

Джервис открыл дверь, и в комнату ворвался инспектор Бэджер, возбужденный в высочайшей степени.

— Что это, доктор Торндайк? — спросил он. — Вы даете показания против м-ра Джеллико? У меня приказ об его аресте. Но прежде, чем это исполнить, я считаю долгом сказать вам, что у нас больше показаний, чем вам это известно, против совершенно другого лица.

— Показания по информации м-ра Джеллико, — сказал Торндайк. — Но факт тот, что я осматривал и опознал тело, доставленное в Британский музей м-ром Джеллико. Я не утверждаю, что он убил Джона Беллингэма, — хотя это можно предположить по существующим обстоятельствам, — но я настаиваю на том, что он должен оправдаться в таинственной доставке трупа.

Инспектор Бэджер был поражен, как громом. Вместе с тем, он был, очевидно, и раздосадован. Пыль, которую так ловко напустил м-р Джеллико в глаза полиции, засорила их, должно быть, довольно основательно. Ибо, когда Торндайк передал Бэджеру в общих чертах факты, последний мрачно воскликнул:

— Ну, меня мало повесить! И подумать только, сколько времени и труда я убил из-за этих проклятых костей! Вот так штука!

— Не говорите так, — сказал Торндайк. — Кости эти сыграли свою роль. Это — та неизбежная ошибка, которую делает всякий преступник рано или поздно. Если бы он просто притаился и устранился, ключ был бы потерян для рас-

следования. Но нам пора двигаться.

— И мы пойдем все вместе? — спросил инспектор, поглядывая на меня с не особенно лестным вниманием.

— Мы пойдем все вместе, — отвечал Торндайк. — Но вы, конечно, произведете арест, как вам заблагорассудится.

— Целая процессия, — проворчал инспектор, но более определенного протеста он не заявлял, и мы отправились.

Через пять минут мы стояли у порога старинного дома в Новом Сквере.

— В первом этаже виден свет, — сказал Бэджер. — Вы лучше отойдите в сторону, пока я буду звонить.

Но эта предосторожность оказалась излишней. Когда инспектор протянул руку к звонку, из окна, как раз над входной дверью, высунулась голова.

— Кто это? — спросил голос, который я узнал. — Это был голос м-ра Джеллико.

— Я, инспектор Бэджер из уголовного департамента. Мне нужно видеть м-ра Артура Джеллико.

— Ну, так посмотрите на меня. Я — м-р Артур Джеллико.

— У меня приказ о вашем аресте, м-р Джеллико. Вы обвиняетесь в убийстве Джона Беллингэма, тело которого только что найдено в Британском музее.

— Кем найдено?

— Д-ром Торндайком.

— В самом деле? — сказал м-р Джеллико. — Он тоже здесь?

— Да.

— А! И вы хотите меня арестовать, как я полагаю?

— Да, для этого я здесь.

— Я согласен сдать на известных условиях.

— Я не могу ставить никаких условий, м-р Джеллико!

— Нет, это я ставлю их, а вы их примете. Иначе вы меня не арестуете.

— Всякие разговоры бесполезны, — сказал Бэджер. — Если вы меня не впустите, я сломаю дверь. И я должен сообщить вам, — прибавил он предупредительно, — что дом окружен полицией.

— Смею вас уверить, — спокойно возразил м-р Джеллико, — что вы меня не арестуете, если не примете моих условий.

— Ладно. Какие ваши условия? — нетерпеливо спросил Бэджер.

— Я желаю дать показание, — сказал м-р Джеллико.

— Это можно, но я предупреждаю, что все, что бы вы ни сказали, может послужить уликой против вас.

— Конечно, но я хотел бы говорить в присутствии доктора Торндайка, и мне хотелось бы узнать от него, каким способом он открыл присутствие трупа. То есть, если он согласен на это?

— Если вы думаете, что мы разъясним что-нибудь друг другу, я охотно соглашаюсь, — сказал Торндайк.

— Отлично. Так вот мои условия, инспектор: я выслушаю д-ра Торндайка и мне позволят дать показания. И пока эти показания не будут закончены, как и все необходимые возражения и разъяснения, я останусь на свободе. Я обещаю, что после того я подвергнусь без сопротивления всему, что вы найдете нужным предпринять.

— На это я не могу согласиться, — сказал Бэджер.

— Не можете? — холодно возразил м-р Джеллико, и, помолчав, прибавил: — Не будьте опрометчивы. Я предупреждаю вас.

Было что-то в бесстрастном тоне м-ра Джеллико, что заставило инспектора насторожиться. Он обернулся к Торндайку и тихо сказал ему:

— Я не знаю, что он затеял. Он ведь не может ускользнуть.

— Тут есть несколько возможностей, — сказал Торндайк.

— Н-да, — протянул Бэджер, задумчиво поглаживая подбородок.

— Так в чем же дело? Его показания могут многое разъяснить, и вы ничем не рискуете.

— Ну, — сказал Джеллико, положив руку на окно, — согласны вы, или нет?

— Ладно, — хмуро отвечал Бэджер. — Я согласен.

— Вы обещаете не мешать мне, пока я не кончу?

— Обещаю.

Голова м-ра Джеллико исчезла, и окно захлопнулось. Потом я услышал стук тяжелого болта и звон цепи.

Тяжелая дверь открылась, и показался м-р Джеллико, спокойный и бесстрастный, со старинным подсвечником в руке.

— Кто остальные? — спросил он, пристально всматриваясь через очки.

— Это доктор Барклей и доктор Джервис, — сказал Торндайк.

— А, — произнес м-р Джеллико. — Очень любезно с их стороны. Войдите, пожалуйста, джентльмены. Я уверен, что вы с интересом выслушаете наши сообщения.

Он распахнул дверь с церемонной любезностью, и мы вошли в переднюю. Он тихо закрыл дверь и проводил нас по лестнице в комнату, из окна которой диктовал нам условия капитуляции. Это была красивая старинная комната, большая и строгая, с деревянными панелями и резным камином, на котором выступали буквы J. W. P. и год «1671». В дальнем конце стоял большой письменный стол, а за ним несгораемый шкаф.

— Я ожидал этого посещения, — спокойно заметил м-р Джеллико, ставя четыре стула против стола.

— С каких пор? — спросил Торндайк.

— С понедельника, когда я имел удовольствие увидеть вас вечером у внутренних ворот Темпля с моим приятелем, д-ром Барклеем. Я понял тогда же, что вы интересуетесь этим делом. Могу я предложить вам хереса, джентльмены?

Говоря это, он поставил на стол графин и рюмки на подносе и посмотрел на нас вопросительно, положив руку на пробку.

— Я, пожалуй, не прочь, м-р Джеллико, — сказал Бэджер.

М-р Джеллико налил рюмку и подал с церемонным поклоном. Потом, держа еще графин в руке, обратился к Торндайку убедительно:

— Доктор, разрешите налить вам рюмку?

— Нет, благодарю, — сказал Торндайк таким решительным тоном, что инспектор быстро обернулся в его сторону и, поймав его взгляд, медленно опустил на стол рюмку, которую было подносил ко рту, не прикоснувшись к вину.

— Я не желал бы торопить вас, м-р Джеллико, — сказал инспектор, — но уже очень поздно, а мне хотелось бы приступить к делу. Как вы желаете поступить?

— Я желаю, — сказал м-р Джеллико, — дать подробное показание о происшествии и хотел бы услышать от д-ра Торндайка, как именно дошел он до своих замечательных выводов. После этого я буду в полном вашем распоряжении. Притом, я полагаю, что будет интереснее, если д-р Торндайк сделает свое сообщение раньше, чем я передам вам действительные факты.

— Я вполне разделяю ваше мнение, — сказал Торндайк.

— В таком случае, — сказал м-р Джеллико, — я полагаю, что вы не будете обращать внимания на меня и сообщите свои наблюдения вашим друзьям, как если бы меня здесь не было.

Торндайк кивнул головой в знак согласия, и м-р Джеллико, усевшись в кресло за столом, налил себе стакан воды, выбрал папиросу из красивого серебряного портсигара, закурил ее и, приняв спокойную позу, приготовился слушать.

— Мое первое знакомство с этим делом, — начал Торндайк без всякого вступления, — произошло при посредстве газет около двух лет назад, и я должен сказать, что хотя вначале у меня пробудился чисто академический интерес специалиста к делу, относящемуся к моей специальности, оно возбудило во мне глубокое внимание.

Газетные известия не сообщили никаких подробностей об отношениях замешанных лиц, так что нельзя было уловить никаких мотивов преступления. Сообщались только факты. Приходилось принимать факты, не обращаясь к мотивам, взвешивать возможности без предвзятости. Это было большим удобством. Вы, может быть, удивитесь, что эти первые предположения указывали с самого начала на те

выводы, которые были подвергнуты испытанию при опытах, произведенных сегодня. Поэтому лучше всего с самого начала сообщить вам те выводы, к которым я пришел путем рассуждения, принимая факты, данные газетами, раньше, чем до моего сведения дошли все дальнейшие факты.

Из фактов, констатированных газетами, вытекало четыре возможных объяснения исчезновения:

1. Человек мог быть жив и скрываться. Это было весьма невероятно по многим причинам; на одну из них я укажу сейчас.

2. Он мог умереть от несчастного случая, или от болезни, и тело его не было опознано. Это было еще менее вероятно ввиду того, что при нем постоянно находились вещи, по которым его можно было бы узнать, включая визитные карточки.

3. Он мог быть убит неизвестным лицом с целью ограбления. Это было совершенно невероятно по тем же самым причинам: его тело не могло остаться неузнанным.

Эти три объяснения мы можем считать отпадающими. Они не касались никого из прикосновенных лиц. Они были невероятны вообще. Единственным указанием оставался скарабей, найденный в саду Годфри Беллингэма. Поэтому я отбросил все три объяснения и обратил все внимание на четвертое. Это объяснение заключалось в том, что человек убит одним из лиц, о которых упоминали газетные сообщения. Но они упоминали троих. Очевидно, приходилось выбирать одно из трех предположений, а именно:

а) что Джон Беллингэм был убит Хёрстом, или б) Беллингэмами, или с) м-ром Джеллико.

Я постоянно своим ученикам, что неизбежным вопросом при таком расследовании является: когда в последний раз видели исчезнувшее лицо живым? Этот же вопрос я задал самому себе по прочтении газет. И ответ был: его несомненно видели живым четырнадцатого октября тысяча девятьсот второго года, в Куин-Сквер, в Блемсбери. Не могло быть никакого сомнения, что он был жив тогда и был именно там, ибо его видели в одно время два лица, оба хорошо его знавшие, и одно из них — доктор Норбери

— было совершенно беспристрастным свидетелем. После этого числа его никогда никто не видел ни живым, ни мертвым. Было констатировано, что его видела двадцать третьего ноября служанка м-ра Хёрста. Но так как это лицо не знало его раньше, то не могло быть определено, был ли это Джон Беллингэм или кто-нибудь другой.

Поэтому днем исчезновения надо считать не двадцать третье ноября, как предполагали все, а четырнадцатое октября. И вопрос должен быть поставлен не «что случилось с Джоном Беллингэмом после того, как он вошел в дом м-ра Хёрста», а «что случилось с ним после того, как его видели в Куин-Сквер?».

Но, как только я решил, что этот вопрос должен быть отправным пунктом при расследовании, раскрылось удивительное стечение обстоятельств. Стало очевидным, что если м-р Джеллико желал по каким-либо причинам убить Джона Беллингэма, то ему представлялся такой случай, какой редко выпадает на долю преднамеренного убийцы.

Торндайк пустился в очень подробный анализ всех фактов и затем сказал:

— Обратите внимание на следующие обстоятельства. Было известно, что Джон Беллингэм отправляется один в заграничное путешествие. Куда именно — не было определено. Он должен был отсутствовать неопределенное время, но не менее трех недель. Его исчезновение не потребует объяснений, не поведет к расследованию, по крайней мере, в течение еще нескольких недель; а за это время убийца будет иметь возможность скрыть труп и следы преступления. Условия с точки зрения убийцы — идеальные.

Но это не все. Во время отсутствия Джона Беллингэма м-р Джеллико должен был доставить в Британский музей то, что может быть названо мертвым человеческим телом и это тело должно было быть уложено в закрытый ящик. Куда лучше? Но в этом был один слабый пункт: было бы известно, что мумия увезена из Куин-Сквер после исчезновения Джона Беллингэма, и могло в конце концов возникнуть подозрение. К этому пункту я еще вернусь.

По-видимому, не может быть сомнения, что кто-то, под видом Джона Беллингэма, действительно был в доме м-ра Хёрста. И должен был или выйти из дома, или остаться там. Если он ушел, то тайно. Если остался, то нет основания сомневаться, что он был убит и тело его было скрыто. Рассмотрим возможность обоих случаев.

Положим, что посетитель был действительно Джон Беллингэм. В таком случае мы имеем дело с положительным господином средних лет, и мысль, что такое лицо входит в дом, говорит, что останется, а потом исчезает незаметно, — такая мысль трудно допустима. Кроме того, тогда надо предположить, что он приехал в Эльтам по железной дороге, только что высадившись в Англии, оставив багаж на вокзале Черинг-Кросс. Это указывало бы на определенный план, несовместимый с его неожиданным исчезновением из дома.

С другой стороны, можно бы предположить, что он был убит Хёрстом. Физическая возможность здесь есть. Но не всякая возможность вероятна. Риск и последующие затруднения были бы чересчур велики. А поведение Хёрста, немедленно оставившего дом под охраной прислуги, несовместимо с предположением, что там было тело.

Но существует еще третья возможность, которую, как это ни странно, никто до сих пор не предположил. Посетителем мог быть совсем не Джон Беллингэм, а кто-то другой, сыгравший его роль. Такая мысль устраняет вполне все затруднения. Странное исчезновение перестает быть странным, ибо лицо, выдавшее себя за Джона Беллингэма, должно было исчезнуть, прежде чем м-р Хёрст вернется и разоблачит его. Но если принять это предположение, то возникают два дальнейших вопроса: «кто это был?» и «какая была здесь цель?».

Конечно, это не был сам Хёрст, потому что его узнала бы служанка. Следовательно, это мог быть либо Годфри Беллингэм, либо м-р Желлико, либо какое-нибудь другое лицо. Так как газеты не упоминали ни о каких других лицах, то я сосредоточил свои рассуждения на двух упомянутых.

Во-первых, Годфри Беллингэм. Неясно было, знала ли его служанка. Я предположил, как потом оказалось, невер-

но, что не знала. Но для чего ему было играть роль своего брата? Ведь преступление еще не было совершено. Для этого было слишком мало времени. Ему надо было оставить Удфорд раньше Джона и отправиться в Черинг-Кросс. И даже, если он совершил убийство, ему ни к чему было предпринимать такие шаги. Ему следовало бы оставаться в покое и делать вид, что ничего не знает. Все эти соображения говорят против того, чтобы изображавший Джона Беллингэма был его брат.

Тогда мог ли это быть м-р Джеллико? Ответ на этот вопрос заключается в ответе на следующий: какая была цель этой игры?

Что заставило это неизвестное лицо появиться в качестве Джона Беллингэма и вслед за тем исчезнуть? Цель здесь могла быть только одна, а именно: зафиксировать день исчезновения Джона Беллингэма — создать определенный момент, когда его видели последний раз живым.

Если бы м-р Джеллико убил Джона Беллингэма и спрятал его тело в футляр мумии, то первое время он был бы в полной безопасности. В продолжение месяца или несколько долее исчезновение его клиента не было бы замечено. Но позже, так как Джон Беллингэм не возвращался, могло начаться расследование, и тогда выяснилось бы, что никто не видел Беллингэма после того, как тот ушел из Куин-Сквер. Тогда было бы отмечено, что последним, с кем его видели, был м-р Джеллико. Далее, следует вспомнить, что мумия была доставлена в музей несколько времени спустя после того, как исчезнувшего человека видели живым последний раз. И, таким образом, возникло бы подозрение и последовало бы роковое расследование. Но, предположим, что подстроено было так, как будто бы Джона Беллингэма видели в живых более чем через месяц после его свидания с м-ром Джеллико и через несколько недель после доставки мумии в музей. Тогда м-р Джеллико не мог считаться причастным к этому исчезновению и был бы в полной безопасности.

Тщательно обсудив эту часть газетного отчета, я пришел к заключению, что таинственное происшествие в доме м-ра

Хёрста могло иметь одно только объяснение, а именно, что посетителем был не Джон Беллингэм, а кто-то другой, избравший его, и этот кто-то был м-р Джеллико.

Прошло почти два года, пока я услышал опять кое-что об этом деле. Теперь сведения дошли до меня через доктора Барклея, и я ознакомился с новыми фактами, которые я рассмотрю в том порядке, в каком они мне стали известны.

Прежде всего новое освещение делу дало завещание. Прочтя документ, я почувствовал, что тут что-то неладно. Очевидным желанием завещателя было передать все имущество брату, тогда как форма завещания была такова, что совершенно определенно устраняла этого наследника. Передача имущества устанавливалась пунктом о погребении — пунктом вторым. Распоряжение похоронами обычно возлагается на душеприказчика, которым оказывался м-р Джеллико. Таким образом, завещание ставило распоряжение наследством под контроль м-ра Джеллико, хотя его действия и могли быть оспариваемы.

Дальше, что завещание, хотя и написанное Джоном Беллингэмом, составлено было в конторе м-ра Джеллико, как доказывает тот факт, что два клерка этой конторы подписались в качестве свидетелей. М-р Джеллико был поверенным завещателя и настаивать на точном выполнении завещания было его обязанностью. Очевидно, он поступил не так, и это заставляет предполагать какое-то соглашение между ним и Хёрстом, который был бы в выигрыше при неточном исполнении завещания. Вот тут-то и таится какая-то странность: ответственным лицом за точность исполнения являлся м-р Джеллико, а выиграл от этого Хёрст.

Все это указывало на м-ра Джеллико, как на активное лицо в сокрытии тела и, по прочтении завещания, я стал уже определенно подозревать его в совершении преступления.

— Вы не составили себе решительно никакого мнения относительно мотивов преступления? — спросил м-р Джеллико спокойным, бесстрастным тоном, как если бы обсуждалось какое-нибудь крупное судебное дело, к которому у него был чисто профессиональный интерес. Вообще его бес-

страстное внимание, подчеркиваемое легкими знаками одобрения при всяком ярком пункте аргументации Торндайка, было самой поразительной чертой в его поведении в течение этой странной беседы.

— Мнение я себе составил, — отвечал Торндайк, — но оно было чисто теоретическое, и я бы никогда не мог подтвердить его. Я узнал, что назад тому лет десять у м-ра Хёрста были затруднения и что он неожиданно получил большую сумму денег неизвестно каким путем и под какое обеспечение. Я отметил, что это обстоятельство совпало по времени с составлением завещания, и заподозрил тут какую-нибудь связь. Но ведь это было только предположение. Я не мог ничего доказать. Так я и не открыл мотивов м-ра Джеллико, не знаю их и теперь.

— В самом деле не знаете? — сказал м-р Джеллико как будто несколько живее. Он отложил окурок своей папиросы и, выбирая другую папиросу из портсигара, продолжал:

— Я думаю, что это самая интересная черта вашего замечательного анализа. Она делает вам честь. Отсутствие мотива показалось бы большинству роковым препятствием к теории, так сказать, судебного преследования. Позвольте приветствовать постоянство и твердость, с какими вы доискивались действительных очевидных фактов. — Он торжественно поклонился Торндайку (который ответил на поклон с такой же торжественностью), закурил другую папиросу и опять откинулся в кресло в спокойной позе человека, внимательно слушающего лекцию или музыку.

— Так как не было достаточных доказательств для действия, — продолжал Торндайк, — то ничего не оставалось, как ждать новых фактов. При изучении целого ряда преступлений, совершенных с большой предусмотрительностью, выявляется почти неизменно одна характерная черта. Осторожный убийца, стараясь обеспечить свою безопасность, хватается через край. И вот эта излишняя предосторожность и выдает его. Это случается постоянно, можно сказать — всегда, в тех преступлениях, которые были открыты. О тех, которые остались нераскрытыми, мы ничего не можем

сказать. Я твердо надеялся, что так случится и в этом деле. Так и случилось.

В тот момент, когда дело моих клиентов казалось почти безнадежным, части человеческого скелета найдены были в Сидкепе. Я прочел об этом в вечерней газете. И как ни скудно было сообщение, оно давало мне достаточное количество фактов, убедивших меня, что неизбежная ошибка сделана преступником.

— Да что вы? — сказал м-р Джеллико. — Простое неопытное репортерское сообщение. Мне бы оно показалось ничего не стоящим с научной точки зрения.

— Таково оно и было, — отвечал Торндайк. — Но оно все же сообщало время и место открытия, а также упоминало, какие кости найдены.

Вид костей заставлял предполагать, что тело разлагалось в очень сухой атмосфере, и что части его были оторваны или отломаны. Что связки скелета были ломки — это доказывается отделением кисти руки, которая, вероятно, оторвалась случайно. Но единственный род трупа, вполне соответствующий описанию, — это египетская мумия. Мумия, правда, сохраняется хорошо, но если ее выставить на воздух в нашем климате, она быстро разрушается, так как разлагаются и связки.

Предположение, что эти кости были частями мумии, естественно, вело к подозрению, падавшему на м-ра Джеллико. Если он убил Джона Беллингэма и скрыл тело в футляре мумии, то у него оставалась самая мумия, и эта мумия подверглась влиянию воздуха и неосторожному с ней обращению.

Интересно, что среди останков не хватало безымянного пальца. Бывали случаи, что пальцы отрезались от мертвых тел ради бывших на них колец. Целью было — сохранение ценного кольца неповрежденным. Если это была рука Джона Беллингэма, то здесь была другая цель — устранить предмет, по которому можно было бы узнать труп. Это легче всего было бы сделать, сняв или распилив кольцо. Значит, здесь была другая цель? Может быть. Если бы стало как-нибудь известно, что Джон Беллингэм носил кольцо на этом паль-

це, и особенно, если оно сидело плотно, то устранение кольца создало бы впечатление, что это сделано ради кольца, по которому труп можно было бы узнать. Но если м-р Джеллико был убийцей и спрятал тело в другом месте, то возникло бы неопределенное подозрение, чего он и желал, а не очевидное доказательство, чего он избегал.

Впоследствии выяснилось, что Джон Беллингэм носил кольцо на этом пальце и что оно сидело очень плотно. Отсюда следует, что отсутствие пальца было добавочным пунктом, запутывающим м-ра Джеллико.

А теперь сделаем краткий обзор этой массы доказательств. До сегодняшнего открытия у меня не было ни одного очевидного факта, ни одного ключа к мотивам преступления. Но как ни слабы были отдельные улики, все же они ясно указывали на одно лицо — м-ра Джеллико. Итак...

Лицом, у которого была возможность убить и спрятать тело, был м-р Джеллико.

Пропавшего человека видели последний раз живым с м-ром Джеллико.

Неопознанный человеческий труп был доставлен в музей м-ром Джеллико.

Одним из двух лиц, у которых были причины подбросить скарабея, был м-р Джеллико, хотя, благодаря слабому зрению и очкам, ему было труднее всех присутствовавших найти его.

Лицом, ответственным за исполнение запутанного завещания, был м-р Джеллико.

Теперь относительно костей. Они были, очевидно, не костями Джона Беллингэма, а частями трупа совершенно особого вида. Но единственным лицом, располагавшим таким трупом, был м-р Джеллико.

Единственным лицом, у которого могли быть мотивы замены этими останками останков покойного, был м-р Джеллико.

Наконец, единственным лицом, по распоряжению которого открыты были эти останки в надлежащий момент, был м-р Джеллико.

Такова была сводка доказательств, бывших в моем распоряжении до заслушания дела и несколько позже, но всего этого было мало, чтобы начать действовать. Когда же дело было начато судом, то стало ясно, что или процесс будет прекращен — что было маловероятно — или, что вскроются новые обстоятельства.

Я наблюдал за развитием событий с глубоким интересом. Была сделана попытка (м-ром Джеллико или кем-то другим) заставить утвердить завещание, не разыскав тела Джона Беллингэма. Попытка эта не удалась. Следовательно отказался установить подлинность останков. Отделение суда, рассматривавшее завещание, отказалось предположить смерть завещателя. При таком обороте дела завещание не могло быть утверждено.

Дальше должна была последовать попытка подsunуть нечто, могущее быть принятым за останки завещателя. Что же это было?

Ответ на это заключается в ответе на другой вопрос: было ли мое раскрытие тайны верно?

Если я не был прав, то возможно, что в настоящее время были открыты некоторые из костей несомненно Джона Беллингэма. Например, череп, коленная чашка или левая берцовая кость. Любая из них могла бы дать положительное доказательство. Если я был прав, то могла случиться только одна вещь. М-р Джеллико должен был рискнуть последним козырем, который он удерживал на тот случай, если суд откажет в утверждении. Этот ход для него был нежелателен.

Ему пришлось подбросить палец мумии вместе с кольцом Джона Беллингэма.

Но все это должно было быть найдено в таком месте, чтобы м-р Джеллико мог точно определить момент находки.

С нетерпением ожидал я ответа на вопрос: прав я или нет?

И вот, в надлежащее время, кости и кольцо были найдены в колодце, во дворе дома, где жил недавно Годфри Беллингэм. Этот дом принадлежал Джону Беллингэму. М-р

Джеллико был поверенным Джона Беллингэма. А потому можно сказать наверное, что день, когда должны были вычистить колодец, был назначен м-ром Джеллико.

Оказалось потом, что кости были не Джона Беллингэма (если бы были действительно его, то кольца не понадобилось бы для удостоверения), но кольцо было его. Отсюда следовал важный вывод: тот, кто бросил кости в колодец, имел в своем распоряжении тело Джона Беллингэма.

И уже не было сомнения, что этим лицом был м-р Джеллико.

Получив это окончательное подтверждение своих заключений, я тотчас же обратился к д-ру Норбери за разрешением исследовать мумию Себек-Хотепа. О результатах вам уже известно.

Когда Торндайк кончил, м-р Джеллико посмотрел на него задумчиво и сказал:

— Вы дали нам полную, ясную картину вашего метода расследования, сэр. Я просто наслаждался и воспользовался бы всем этим впоследствии... при других обстоятельствах. Не позволите ли все же налить вам рюмку? — Он дотронулся до пробки графина, но инспектор Бэджер внушительно посмотрел на свои часы.

— Ну, я не задержу вас долго, — сказал поверенный, — мое показание состоит просто в изложении событий. Но мне хотелось бы высказаться, а вы, без сомнения, выслушаете с интересом.

Он открыл портсигар и вынул новую папироску, которой, однако, не закурил. Инспектор Бэджер вынул записную книжку и раскрыл ее на колене, а мы все приготовились с большим любопытством слушать показания м-ра Джеллико.

КОНЕЦ ДЕЛА

Настало глубокое молчание. М-р Джеллико сидел, опустив глаза, как бы задумавшись, с незакуренной папиросой в одной руке, охватив другой рукой стакан воды. Наконец, инспектор Бэджер нетерпеливо кашлянул, и м-р Джеллико поднял глаза.

— Извините, господа, — сказал он, — я заставляю вас ждать.

Он сделал глоток воды, открыл спичечницу и вынул спичку, но, вероятно, переменив намерение, положил ее обратно и начал:

— Несчастное дело, которое привело вас сюда, началось десять лет назад. В то время у друга моего Хёрста вдруг оказались денежные затруднения. Я говорю слишком скоро для вас, м-р Бэджер?

— Нет, нисколько, — отвечал Бэджер, — я стенографирую.

— Благодарю вас. Он оказался в серьезном затруднении и обратился ко мне за помощью. Он хотел занять пять тысяч фунтов, чтобы исполнить все свои обязательства. Я располагал известной суммой денег, но не считал Хёрста кредитоспособным и чувствовал, что придется отказать.

Однако как раз на следующий день явился ко мне Джон Беллингэм со своим завещанием. Он попросил просмотреть его раньше, чем оно будет оформлено.

Завещание было нелепое, и я чуть не сказал ему этого. Как вдруг мне пришла — в связи с Хёрстом — идея. Было очевидно для меня с первого взгляда на завещание, что если пункт о погребении оставить в том виде, как написал завещатель, то у Хёрста явится большой шанс получить наследство. А так как я назначался душеприказчиком, то я мог настаивать на исполнении этого пункта. Согласно этому я попросил несколько дней на рассмотрение завещания, и тогда же, отправившись к Хёрсту, сделал ему такое предложение: что я авансирую ему пять тысяч фунтов без обеспе-

чения; что я не буду требовать уплаты, но что он должен мне дать расписку, что он передает мне свою долю наследства Джона Беллингэма, если она не свыше десяти тысяч фунтов, или же две трети любой суммы, какую он наследует, если она свыше десяти тысяч фунтов. Он спросил, сделал ли уже Джон завещание, и я отвечал, что нет еще, как это и было на самом деле. Он спросил тогда, знаю ли я содержание завещания, какое собирается сделать Джон? И я отвечал ему опять правду: что, как я думаю, Джон предполагает большую часть своего состояния передать своему брату Годфри.

После этого Хёрст согласился на мое предложение. Я выплатил ему аванс, и он выполнил свои обязательства. Через несколько дней я вернул завещание, как удовлетворительное. Настоящее завещание было списано с черновика самим завещателем, а через две недели после того, как Хёрст устроил свои дела, Джон Беллингэм подписал свое завещание у меня в конторе. У меня оказались превосходные шансы на крупную долю наследства, если только Годфри не опротестует притязания Хёрста и пункт второй будет пропущен судом.

Вы теперь поймете мотивы моих последующих поступков. Вы увидите также, д-р Торндайк, как близко подошли ваши выводы к истине. Поймете также, что я очень хотел бы, чтобы м-р Хёрст остался в стороне от тех событий, о которых я расскажу.

Теперь мы подходим к свиданию в Куин-Сквер в октябре 1902 года.

Вы уже знаете в общем об этом из моих показаний на суде, которые были вполне правильны до известной степени. Свидание произошло в комнате третьего этажа, в которой стояли ящики, привезенные Джоном из Египта. Мумия была не распакована, как и несколько других ящиков. После этого свидания я проводил д-ра Норбери вниз до подъезда, и мы стояли у порога, разговаривая с четверть часа. Потом д-р Норбери ушел, а я вернулся наверх.

Дом на Куин-Сквер — настоящий музей. Верхняя часть дома отделяется от нижней массивной дверью, ведущей из

передней на лестницу и запирающейся американским замком. У Джона был один ключ, а у меня другой. У сторожа не было ключа, и он мог попасть в верхний этаж только с кем-нибудь из нас.

Когда я вошел после ухода д-ра Норбери, сторож был в подвале, где раскалывал кокс, что я и слышал. Я оставил Джона в третьем этаже вскрывающим при свете лампы ящики каким-то инструментом вроде молотка штукатура.

Когда я стоял, разговаривая с д-ром Норбери, я слышал, как Джон выдирает гвозди и отвинчивал крышки. Входя через дверь на лестницу, я все еще слышал стук. Затворяя дверь, я услышал какой-то грохот наверху. Потом все стихло.

Я поднялся до второго этажа и зажег газ, так как на лестнице было темно. Повернувшись, чтобы подняться выше, я вдруг увидел руку, свесившуюся с площадки на повороте. Я взбежал на лестницу и увидел на первом повороте Джона, лежавшего у последнего пролета лестницы. У него была на виске рана, и из нее сочилась кровь. Молоток лежал на полу рядом, и на заостренном конце его была кровь. Взглянув наверх вдоль лестницы, я увидел свесившуюся с верхней ступеньки разорванную дорожку.

Легко было понять, что случилось. Он быстро сходил с лестницы с молотком в руке. Нога его запуталась в дырке дорожки и он упал с лестницы вперед головой, все еще держа молоток. Упал он головой на острый конец молотка. Потом он скатился по ступеням, и молоток выпал из рук.

Я зажег спичку и наклонился над ним. Голова его лежала в очень странном положении. У меня явилось подозрение, что шея сломана. Кровь еле сочилась из раны. Он был совершенно неподвижен и не дышал. Не было сомнения, что он мертв.

Дело было плохо. Я тут же сообразил, что это ставило меня в весьма двусмысленное положение. Первой моей мыслью было послать сторожа за доктором и полицией. Но через минуту я сообразил, что к этому есть серьезные препятствия.

Ничем я не мог доказать, что это не я сам ударом молотка сбросил его с лестницы. Конечно, ничто не показывало, чтобы я это сделал. Но мы были одни в доме, исключая сторожа, находившегося в подвале, где ничего не могло быть слышно. Начнется дознание. При этом возникнет вопрос о завещании, которое, как было известно, существовало. Прочтя завещание, заподозрят Хёрста. Он даст показания коронеру, и меня обвинят в убийстве. Или, если и не обвинят, то Хёрст меня заподозрит и откажется, вероятно, от своего обязательства. И при таких обстоятельствах мне нельзя будет настаивать. Он откажется платить, а мне нельзя будет подать в суд.

Я сел на лестнице как раз над телом бедного Джона и стал обдумывать дело. В худшем случае мне предстоит быть повешенным. В лучшем — я должен потерять пятьдесят тысяч фунтов. Положение тоже не из приятных.

Предположим, что я скрою тело и заявлю, что Джон уехал в Париж. Здесь, конечно, есть риск, что все откроется. В этом случае я, конечно, буду уличен в убийстве. Но если не откроется, то я не только буду свободен от подозрения, но и получу пятьдесят тысяч фунтов. Риск — в обоих случаях, но в одном — безусловный проигрыш, тогда как в другом риск оправдывался материальными выгодами. Вопрос был в возможности скрыть тело.

Любопытно, что я раздумывал об этом довольно долго, пока дошел до ясного решения. Я перебрал с дюжину способов, как быть с трупом, и все отвергал, как непригодные. Вдруг вспомнил про мумию, которая была наверху. Сначала эта мысль промелькнула как фантастическая, — спрятать тело в футляр мумии. Но, развивая эту мысль, я нашел, что это возможно. И не только возможно, но и довольно легко. И не только легко, но и вполне безопасно. Раз мумия попадет в музей, я избавлюсь от нее навсегда.

Обстоятельства были, как вы знаете, благоприятны до странности. Не придется ни шуметь, ни спешить, ни бояться. Времени было достаточно для необходимых приготовлений. Сам футляр мумии оказался необыкновенно подходящим. Материал его был необыкновенно гибким, благодаря

шнуровке сзади он мог быть открыт без повреждения. Стоило разрезать шнуровку, которую можно было возобновить. Небольшие повреждения могли произойти только при вкладывании трупа. Но и тут можно было потом наложить новый слой краски, который замаскирует и новую шнуровку.

На этом плане я и остановился.

Я сошел вниз и послал сторожа с поручением в здание суда. Потом вернулся и внес умершего в одну из комнат третьего этажа, где его и положил на длинный ящик в позе, какую он должен был принять в футляре. Платье его я сложил аккуратно и все, кроме сапог, положил в один из чемоданов, которые он брал с собой в Париж. Когда я закончил с этим, я замыл тщательно клеенчатую дорожку на лестнице и площадке к тому времени, как вернулся сторож. Я сказал ему, что м-р Беллингэм уехал в Париж, а сам отправился домой. Дверь в верхние этажи запиралась американским замком, но для безопасности я замкнул и дверь в комнату, где лежал покойник.

У меня были кое-какие сведения о способах бальзамирования, но, главным образом, о способах, употреблявшихся в древности. На следующий день я пошел в библиотеку музея и просмотрел новейшие книги по этому вопросу. Они были необычайно интересны и сообщали о замечательных усовершенствованиях, внесенных современной наукой в это древнее искусство. Способ, выбранный мной, был простейший: впрыскивание формалина. И прямо из музея я отправился за необходимым материалом. Но бальзамировального шприца я не купил: книга утверждала, что обыкновенного шприца для инъекций при анатомии совершенно достаточно. И я подумал, что это будет осторожнее.

Боюсь, что я произвел впрыскивание страшно неловко, хотя внимательно изучал таблицы учебника анатомии. Но все же мои приемы произвели свое действие. Бальзамировку я произвел на третий день вечером. Когда я замыкал за собой дверь в этот вечер, я сознавал с удовлетворением, что останки бедного Джона спасены от разложения.

Но этого было еще мало. Тяжеловесность свежего трупа в сравнении с мумией могла быть немедленно замечена теми, кто будет принимать мумию. Кроме того, влажность от заключенного тела быстро разрушит футляр и образует налет пара на витрине ящика, в котором будет выставлена мумия. А это поведет к исследованию. Ясно, что следовало высушить тело, прежде чем заключить его в футляр.

Тут и сказались мои слабые научные знания. Я не имел понятия, как поступать, и принужден был обратиться к препаратору. Я сказал ему, что хочу высушить маленьких животных и пресмыкающихся для коллекции. Он мне посоветовал вымачивать животных в древесном спирте неделю, а потом подвергать их действию горячего сухого воздуха.

Я вспомнил, что в нашей коллекции был порфиновый саркофаг, предназначавшийся для небольшой мумии. Попробовал уложить в него покойника и нашел, что он помещается свободно. Тогда я влил в углубление несколько галлонов древесного спирта, так что тело покрылось им, накрыл крышкой и промазал глиной, так, чтобы не проходил воздух.

Я оставил тело мокнуть в спирте две недели, потом вынул его, вытер насухо и уложил на камышовые стулья над горячими трубами отопления. В других комнатах я закрыл трубы, чтобы сконцентрировать теплоту на этих. К концу третьего дня руки и ноги совершенно высохли и стали похожи на роговые — кольцо упало с похудевшего пальца; нос казался пергаментным, и вся кожа была суха, как пергамент. Первые два дня я переворачивал тело, чтобы оно высыхало ровнее. Потом я занялся футляром. Я расшнуровал его и осторожно вынул мумию. Я берег, конечно, футляр. Сама мумия при этом пострадала. Она была набальзамирована плохо и поломалась в нескольких местах, а когда я стал развертывать ее, то отделилась голова и отпали обе руки.

На шестой день после того, как я вынул тело из саркофага, я тщательно завернул покойника полотнищами, снятыми с Себек-Хотепа, обрызгивая тело смесью мирры и смоляного настоя росного ладана, промазывая этой смесью

складки обмотки, чтобы скрыть легкий запах спирта и формалина.

Когда я кончил, покойник имел вид совершенной мумии и мог бы быть выставлен просто под стеклом, так что мне даже жалко было вкладывать его в футляр, скрывая навеки.

Вложить его одному, без помощника, было чрезвычайно трудно, так что я попортил футляр в нескольких местах. Но, наконец, мне удалось, и вновь зашнуровав футляр, я наложил слой краски, покрывшей трещины и шнуровку. Свежая краска, протертая пыльной тряпкой, потеряла свой свежий вид. Футляр со своим содержимым был готов к отправке. Я известил д-ра Норбери. Через пять дней он приехал за мумией и отвез ее в музей.

Теперь, когда главное затруднение было устранено, я стал думать о дальнейшем. Необходимо было, чтобы Джон Беллингэм появился еще раз, прежде чем окончательно исчезнуть.

Согласно этому, я обдумал посещение дома Хёрста, имея в виду двойную цель. Этим я устанавливал день исчезновения, устраняя себя от всякого касательства к нему. Тень подозрения, падавшая при этом на Хёрста, сделала бы его еще более стоворчивым, менее способным оспаривать мои требования, когда он узнает содержание завещания.

Дело было простое. Я знал, что Хёрст переменил прислугу с тех пор, как я был у него последний раз, и знал его привычки. В тот день я свез картонку с платьем на станцию, сдал там на хранение, зашел в контору Хёрста, удостоверился, что он там, а оттуда направился прямо в Кенон-стрит и сел на поезд в Эльтам. Дойдя до дома Хёрста, я снял очки — единственную особую примету в моей наружности — и был впущен в кабинет по моей просьбе.

Как только служанка вышла из комнаты, я преспокойно вышел через балконную дверь, притворив ее за собой, прошел через боковую калитку, осторожно придержав щеколду перочинным ножом, чтобы не произвести стука при хлопывании.

Мне нечего описывать остальные происшествя этого дня, включая подбрасывание скарабея: все уже известно.

Но считаю нужным сделать несколько замечаний относительно костей. Ошибки в моих действиях тут произошли потому, что я не имел понятия, как могут голые кости дать так много указаний медицинскому эксперту?

Попорченная мумия Себек-Хотепа, разрушаясь от влияния воздуха, была для меня не только неприятным зрелищем, она представляла опасность. Это была единственная оставшаяся связь между мною и исчезновением человека. Мне надо было от нее отделаться, и вот, в несчастную минуту, явилась мысль воспользоваться ею.

Существовало несомненное опасение, что суд откажется признать смерть завещателя так скоро. И если решение суда будет отложено, то утверждение завещания может не состояться при моей жизни. А если эти кости Себек-Хотепа подсунуть взамен костей завещателя, то все может благополучно разрешиться. Но я знал, что целый скелет не может быть признан скелетом Беллингэма. У него были разбиты коленные чашки и попорчено бедро, следы чего должны были остаться навсегда. Но соответственно подобранные кости, положенные в подходящем месте вместе с каким-нибудь предметом, несомненно принадлежавшим покойному, казалось мне, устранят всякие затруднения.

Вам известен весь мой план вплоть до случайного отделения правой кисти, которая отломилась, когда я укладывал кости руки в саквояж. Как ни был ошибочен этот план, он имел бы успех, не прими вы участия в этом деле.

Таким образом, почти два года я был в полной безопасности. От времени до времени я захаживал в музей убедиться, что тело покойного сохраняется хорошо. И у меня было чувство удовлетворения от мысли, что оно, хотя и благодаря случайности, помещено согласно пункту второму, и притом не в ущерб моим интересам.

Пробуждение настало для меня в тот вечер, когда я увидел вас у ворот Темпля в разговоре с д-ром Барклеем. Я сейчас же заподозрил что-то неладное и понял, что слишком поздно что-нибудь предпринимать. С тех пор я ждал этого посещения с часу на час. И теперь час пробил. Вы выиграли, а мне остается только заплатить свой долг, как

честному игроку.

Он умолк и спокойно закурил папиросу. Инспектор Бэджер зевнул и отложил свою записную книжку.

— Вы кончили, м-р Джеллико? — спросил он. — Я хотел бы исполнить буквально все, как мы условились, знаете ли? Хотя теперь чертовски поздно.

М-р Джеллико вынул папиросу изо рта и выпил стакан воды.

— Я забыл спросить, — сказал он, — развешивали ли вы мумию, если я могу применить этот термин к останкам моего покойного клиента?

— Я не открывал даже футляра, — сказал Торндайк.

— Не открывали! — воскликнул м-р Джеллико. — Тогда как же вы убедились в справедливости своих подозрений?

— Я сделал снимок X-лучами.

— В самом деле! — м-р Джеллико задумался. — Удивительно! — пробормотал он, — и просто гениально! Достижения науки за последнее время поразительны.

— Вы желаете еще что-нибудь сказать? — спросил Бэджер. — Потому, что если не желаете, то время уходить.

— Что-нибудь еще? — произнес медленно м-р Джеллико, — что-нибудь еще? Н-нет. Я ду... ду-маю... время... ушло. Д-да, вр-р...

Голос его оборвался, и какой-то странный взгляд остановился на Торндайке.

Лицо вдруг страшно изменилось. Оно осунулось и стало мертвенно-бледным, а губы приняли вишневый оттенок.

— Что с вами, м-р Джеллико? — спросил обеспокоенный Бэджер. — Вам дурно, сэр?

М-р Джеллико, по-видимому, не слышал вопроса. Он не ответил, а сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла. Руки его лежали на столе, а взгляд был устремлен на Торндайка. Вдруг его голова опустилась на грудь, тело как-то обмякло.

Мы все, точно сговорившись, вскочили. Он соскользнул с кресла и исчез под столом.

— Он в обмороке! — воскликнул Бэджер.

В ту же минуту он полез под стол, вытащил бесчувственного поверенного на свет и стал перед ним на колени, всматриваясь в лицо.

— Что с ним, доктор? — спросил он, взглянув на Торндайка. — Это удар? Или сердечный припадок? Как вы думаете?

Торндайк покачал головой. Он наклонился и пощупал пульс.

— Синильная кислота или цианистый калий, надо полагать, — отвечал Торндайк.

— Но разве вы ничего не можете сделать? — спросил инспектор.

Торндайк выпустил руку, которая тяжело упала на пол.

— Ничего нельзя сделать для мертвого человека, — сказал он.

— Мертвого! Так он ускользнул от нас в конце концов!

— Он предупредил свой приговор, вот и все.

Торндайк говорил ровным, бесстрастным тоном, который поразил меня, как и отсутствие удивления в его манере. Он, по-видимому, считал это трагическое происшествие совершенно естественным.

Наоборот, инспектор Бэджер вскочил на ноги и стоял, заложив руки в карманы. Он смотрел угрюмо и озлобленно на мертвого поверенного.

— Какой я был дурак, что согласился на его проклятые условия! — проворчал он свирепо.

— Вздор, — сказал Торндайк. — Если бы вы тогда ворвались, вы нашли бы мертвого человека. А теперь вы видите живого и получили очень важное показание. Вы поступили как следовало.

— Как он это сделал, как вы думаете? — спросил Бэджер.

— Осмотрим-ка его портсигар, — сказал Торндайк.

Бэджер вытащил портсигар из кармана покойного и раскрыл его. Там было пять папирос. Три из них были с золотыми кончиками, а две простые. Торндайк взял по одной каждого сорта и осторожно пощупал концы. С золотой маркой он положил обратно, а простую надорвал на четверть

дьюма от конца. На стол выпали две маленькие белые таблетки. Бэджер подхватил одну из них и хотел понюхать, но Торндайк схватил его за руку.

— Осторожно, — сказал он. Сам он осторожно понюхал таблетку, держа ее на безопасном расстоянии. Потом прибавил: — Да, цианистый калий. Я подумал это, когда его губы приняли этот странный оттенок. Это было в последней папиросе. Вы видите, он откусил конец ее.

Некоторое время мы стояли молча и смотрели на неподвижную фигуру, раскинувшуюся на полу. Наконец, Бэджер поднял голову.

— Когда вы будете проходить мимо швейцара, — сказал он, — зайдите к нему и попросите послать сюда констебля.

— Хорошо, — сказал Торндайк. — И, кстати, Бэджер, вы бы лучше вылили этот херес обратно в графин и спрятали бы его под замок, или просто вылейте его за окно.

— Ах, да! — воскликнул инспектор. — Рад, что вы вспомнили об этом. Спокойной ночи, господа!

Мы вышли и оставили его с его арестованным — действительно не оказавшим сопротивления, по уговору. Выходя на улицу, Торндайк передал поручение зевавшему швейцару, а потом мы отправились дальше.

Мы были молчаливы и очень серьезны, и мне казалось, что Торндайк был взволнован. Может быть, он вспомнил последний взгляд м-ра Джеллико, остановившийся на нем — и я подозреваю, он тогда же понял, что это был взгляд умирающего. На полпути он только воскликнул: «Бедный малый!».

— Это был большой негодяй, Торндайк! — воскликнул Джервис.

— Вряд ли, — отвечал тот — Я скорее сказал бы, что он был аморальным человеком. Он действовал без злого умысла, но и без колебания и угрызения совести. Он был сильный, мужественный человек, с самообладанием. Я был бы очень доволен, если бы не моей, а чьей-нибудь другой руке суждено было нанести ему последний удар.

Сокрушение Торндайка может показаться странным и непоследовательным, но и я чувствовал то же. Велики были и горе, и страдания, внесенные этим человеком в жизнь людей, которых я любил. Я забыл после его гибели всю спокойную настойчивость, с какой он преследовал свою преступную цель. Я простил его потому, что именно он ввел в мою жизнь Руфь. Тут мои мысли оторвались от неподвижной фигуры в роскошной старинной комнате в Линкольн-Инне и направились к лучезарному будущему, в котором я пойду рука об руку с Руфью, пока не придет и мое время погрузиться в безбрежный, безмолвный океан неизвестности.

А. Шерман

МУМИЯ ДОКТОРА ТОРНДАЙКА

Многочисленные современные авторы «судебно-медицинских» и «патолого-анатомических» детективов, режиссеры и сценаристы соответствующих телевизионных сериалов без сомнения назовут своими предшественниками Артура Конан-Дойля и его несравненного Шерлока Холмса — и едва ли вспомнят о Р. Остине Фримене и скромном докторе Торндайке. Однако Фримену, одному из реформаторов детективного жанра, следовало бы воздать должное: именно в его произведениях криминалистика и научные методы расследования вторглись в традиционный мир эдвардианского детектива, сделавшись главной пружиной действия.

Р. Остин Фримен

Конан-Дойля и Фримена роднят не только литература и жанр, но и профессия — оба они были врачами. Р. Остин Фримен («Р» означает «Ричард») выбился в медицину из низов: он родился 11 апреля 1862 года в лондонском Сохо и был младшим из пяти детей в семье портного и модистки. Фримен учился на фармацевта, затем поступил в медицинский колледж при госпитале Миддлсекс в Лондоне и в 1887 г. получил диплом. В том же году он женился на Анни Эдвардс, подарившей ему двух сыновей.

В поисках работы Фримен обратил свой взор к Африке — и вскоре получил от Министерства по делам колоний назначение в Аккру на Золотом берегу (нынешняя Гана). В 1889 г. он в качестве врача участвовал в экспедиции в Ашанти и Бонтуку, а в 1891 вернулся в Англию инвалидом: африканские годы наградили его «лихорадкой черной воды» или малярийной гемоглобинурией.

Не сумев устроиться в Лондоне, Фримен открыл практику в Грейвсенде (Кент), но по причине слабого здоровья все больше внимания уделял литературе. В 1898 г. вышла книга «Путешествия и жизнь в Ашанти и Джамане», которая принесла автору немало похвал и очень мало денег. В начале 1900-х годов Фримен вместе с врачом тюрьмы Холлуэй Джоном Питкерном (под коллективным псевдонимом «Клиффорд Эшдаун») сочинил и опубликовал серию рассказов о приключениях литературного агента и джентльмена-мошенника Ромни Прингля. Но через некоторое время писательский тандем распался, и в 1907 г. Фримен, уже под своим именем, выпустил «Красный отпечаток большого пальца», первое произведение о докторе Джоне Эвелине Торндайке. Во время Первой мировой войны Фримен служил в Королевской медицинской службе в Кенте, а позднее практически ежегодно публиковал роман или сборник рассказов о Торндайке. Эти книги — всего их вышло более тридцати — завоевали Фримену прочную репутацию классика детективной литературы Англии.

Любимого героя Фримен одарил не только всеми необходимыми, но даже избыточными для решения криминальных загадок качествами. Торндайк обладает безупречной логикой и обширнейшими научными познаниями; он одновременно и барристер и, как сказали бы сегодня, «судебный антрополог». В работе ему часто помогают своеобразный «Уотсон», д-р Джервис, и поверенный Брудриб, который иногда подбрасывает Торндайку те или иные сложные дела. Особую роль играет доверенный слуга, ассистент и лаборант Поултон — ведь в ходе расследований Торндайк постоянно занят научными экспериментами, анализируя останки, образцы почвы, обрывки одежды и прочие свидетельства. Приводимые Фрименом научные сведения обычно точны, хотя и могут касаться таких малоизвестных областей знаний, как токсикология или тропическая медицина. В предисловии к сборнику рассказов «Расследования доктора Торндайка» (1909) Фримен гордо заявлял, что «все без исключения эксперименты были проведены мной самостоятельно, а все микрофотографии, конечно же, выполнены с настоящих образцов». Действительно, Фримену удалось показать возможности научных исследований в криминалис-

тике задолго до их широкого применения; некоторые утверждают, что в этом он существенно опередил детективов своей эпохи и что предложенные им методы внимательно изучались в Скотланд-Ярде.

Фримен выступил новатором и в других сферах детективного жанра. Он одним из первых начал сочинять детективы, которые называл «перевернутыми» (сборник «Поющая кость», 1912) — в них читателю изначально известны и преступник, и детали преступления, а все внимание приковано к расследованию. Пользовался Фримен и приемом повествования от лица преступника, правда, им не изобретенным.

Новаторским был и роман «Око Озириса» (1911), выход которого ознаменовал первый заметный литературный успех Фримена. Здесь писатель обратился к крайне популярной еще с викторианских времен теме Древнего Египта с его мистической аурой, загадочными артефактами и полными таинственности мумиями. Фримен, несомненно, был хорошо знаком со сложившейся традицией «историй о мумиях». Внимательное прочтение обнаружит в романе отсылку к знаменитому «Номеру 249» (1892) А. Конан-Дойля: исчезнувший коллекционер-египтолог Джон Беллингем, его брат и очаровательная племянница носят фамилию зловещего аниматора мумий из рассказа творца Шерлока Холмса. Но неочевидной шуткой Фримен и ограничился, не видя себя в этом плане ни подражателем, ни продолжателем. Запутанный случай со странным завещанием, фрагментами мумии, принимаемыми за останки исчезнувшего человека, и мумифицированным трупом, хранящимся в футляре для мумии в одном из египетских залов Британского музея, можно называть довольно оригинальным вкладом в традицию «историй о мумиях».

Само собой разумеется, что в данном и других романах Фримен тщательно избегал каких-либо мистических или оккультных элементов — недаром он был убежден, что детективная литература должна «сторониться невероятного и обращаться исключительно к физически возможному». Детектив, считал Фримен, «отличается от всех других видов беллетристики тем, что его главная задача является интеллектуальной». Поэтому «эмоции, драматическое действие, юмор, пафос, “любовный интерес”» и прочее допустимы в детективном произведении «лишь как вспомогательные факторы».

Подобный подход заставляет критиков Фримена видеть в его произведениях образчики холодного, отстраненного, «клинического» детектива. Фримен, говорят они, чрезмерно погружен в ло-

гические построения и аналитические детали, а его Торндайк лишен гениальной вдохновенности и эксцентричной привлекательности Холмса. В то же время, многие восхищались и продолжают восхищаться писателем, находя в его рассказах и романах и изящные интеллектуальные головоломки, и — как, например, Рэймонд Чандлер — «озаренный газовым светом викторианский шарм любовных увлечений, а также чудесные прогулки» по забытым уголкам старого Лондона. К сожалению, отдельные эпизоды такого рода были опущены в несколько сокращенном русском переводе «Ока Озириса», впервые изданном в 1927 г.

Фримен отличался мрачным взглядом на современное ему британское общество. В 1921 г. он напечатал книгу «Социальный упадок и возрождение», где выступил страстным проповедником евгеники; в бедах общества он винил промышленный прогресс и рисовал картины аграрной утопии. До самой смерти — писатель скончался в своем доме в Грейвсенде 28 сентября 1943 г. — Фримен продолжал работать над произведениями о Торндайке; последние из них вышли в годы Второй мировой войны.

«Свидетельством таланта Фримена может послужить тот факт, что “Мистер Поултон объясняет”, в каких-то аспектах его лучший роман, частично сочинялся в 1939 г. в бомбоубежище, когда Фримену было уже 77 лет» — писал виднейший знаток и библиограф детективной и фантастической литературы Э. Ф. Блейлер. — «Он всегда пребывал в авангарде жанра. Сегодня, наряду с Честертоном, которого помнят по другим причинам, Фримен остается одним из весьма немногих авторов эдвардианских детективов, которых все еще читают».

Роман «Око Озириса» публикуется по русскому первоизданию (Л.-М., «Книга», 1927). В тексте исправлены некоторые устаревшие особенности орфографии и пунктуации и написание отдельных имен и названий.

Оглавление

Исчезнувший человек	6
Подслушанный разговор	12
Джон Торндайк	19
Юридическая путаница. Шакал	29
Находка в грядках	40
В сфере египтологии	48
Завещание Джона Беллингэма	59
Идиллия в музее	71
Сфинкс из Линкольн-Инна	79
Новый союз	92
Обзор данных	103
В поисках	112
Допрос у коронера	123
В суде	131
Косвенные данные	143
Палец в роли обвинителя	155
Джон Беллингэм	165
Странный банкет	182
Конец дела	198
<i>А. Шерман. Мумия доктора Торндайка</i>	210

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.